

МЕМОУАРЫ

И. Мандрик

В СУРОВЫЕ ДНИ

Издательство «Беларусь» Минск 1974

И. Мандрик

В СУРОВЫЕ
ДНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЛАРУСЬ» МИНСК 1974

М 23 Мандрик И.
В суровые дни. Мн., «Беларусь», 1974.
168 с. с ил.

Это воспоминания о боевой деятельности партизан бригады имени ЦК КП(б)В, действовавшей в Витебской и Вилейской областях.

Автор — активный участник описываемых событий — собрал материал в архивах, побывал на местах боев, встречался со многими партизанами и подпольщиками. На основе этого и написана книга.

9(С)27

© Издательство «Беларусь» 1974

М $\frac{0164-030}{М 301(05)-74}$ 100-73

ОТ АВТОРА

В составе многотысячной армии народных мстителей, действовавших в годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии, находилась партизанская бригада имени ЦК КП(б)Б. О пройденных ею сотнях километров напоминают сегодня обелиски, которые стоят среди ушачских боров, на берегах Березины, Нарочи, Вилии. Свой боевой поход бригада завершила в предместьях столицы Советской Литвы Вильнюсе.

Есть деревня на Верхнедвинщине с неповторимой природой, опоясанная своенравной рекой. Называется деревня Сарья. Когда-то здешние места были уголком земли, зажатым между помещичьей Польшей и буржуазной Латвией. Молодежь, выросшая у бывшей государственной границы, ясно понимала, что такое бдительность, стойкость в борьбе с врагом.

Как только грянула война, молодые патриоты сразу нашли свое место в общем строю защитников Родины. В Сарье начала действовать подпольная комсомольская группа, которая впоследствии объединила молодежь других деревень, положила начало партизанской борьбе в северной части бывшего Дриссенского района.

Задавшись целью написать книгу о боевых друзьях, храбро сражавшихся с коварным врагом, я прежде всего обратился к сохранившемуся до сих пор моему партизанскому дневнику, воспользовался документами архива, перепроверив по ним основные события и факты. Конечно, не обошлось без поисков. Пришлось поехать, встретиться со многими людьми.

Деятельности сарьянской подпольной организации посвящена первая часть моей книги. Я назвал ее «Экзамен на стойкость». Совсем молодые парни, которые накануне войны бегали босиком, ходили в школу, носили пионерские галстуки, под руководством своих старших

товарищей смело поднялись на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, успешно выдержали испытания первого года войны.

На страницах второй части книги «В боях и походах» рассказывается о боевых делах и суровой жизни партизан. И не только бригады имени ЦК КП(б)Б. Народные мстители сражались не изолированно, а в тесном взаимодействии, сплошным фронтом. Поэтому и рассказ мой органически переплетается с повествованием о действиях различных групп, отрядов, соединений, о всенародной борьбе в тылу врага.

Как автор воспоминаний я считаю своим долгом перед теми, с кем воевал и кто погиб в неравных схватках с врагом, и перед теми, кто уже вырос после войны, правдиво рассказать о тяжелой, жестокой, неравной борьбе в тылу противника.

ЭКЗАМЕН НА СТОЙКОСТЬ

86

У ОМУТА

Из-под нависшего лозняка плывут и плывут белые барашки взбитой на броне пены. Их жадно подхватывает водоворот омута. И тут же река вырывается из крутобережья. Обласканная солнцем, она сразу успокаивается, застывает зеркальной гладью.

Красивая наша Сарьянка! Протиснувшись сквозь вековые сосны бора, она петляет, извивается среди полей, где помедлит, где поспешит на своем пути к Западной Двине.

Вода в Сарьянке родниковая, будто хрусталь — прозрачная, чистая, звонкая.

Только в омуте непроницаемая бездна. Злой омут все выбрасывает и выбрасывает из глубины тяжелые свинцовые шапки, все напрягается, словно пытается сдвинуть нависшую над ним махину-кручу.

Знакомая с малых лет река разбудила во мне многие чувства. Припомнилось, как на берегах ее беззаботно проходило детство. Здесь часто испытывали мы свою смелость. Бывало, летом, как только окажемся у омута, обязательно кто-либо предложит:

— Ну, попробуем!

Задор вызывает отвагу. Летит в сторону одежда, берешь разгон и... Сердитый омут иногда так схватит в свои объятия, что и про ухарство забудешь. Тогда вся голопузая команда спешит на помощь, быстро приводит в действие «флотилию» — надежное средство для спасения терпящих бедствие товарищей.

«Флотилия» наша состояла из нескольких небольших плотов и дубицы. Пристанищем для нее был омут. Отсюда выезжали на рыбалку, за орехами и на «боевые сражения», затеваемые с «морскими пиратами» из соседних деревень.

Как мила ты, родная река! Каждый кустик, каждый твой камень известен. Знали мы, где щука мальков караулит, где окуни жируют, под какими корягами любят стоять голавли. Бывало, как отправимся на рыбалку, так во всех потайных местах побываем.

Круглый год река манила к себе. Зимой самые крутые берега ее хранили следы лыжных вылазок. Лыжи сменялись коньками, коньки — лыжами.

Когда зима уступала свои права весне, самым увлекательным занятием для нас было катание на льдинах.

Обычно дважды на нашей реке бывал ледоход. Сначала русло ее освобождалось в нижнем течении. Через неделю-две шел лед, что накапливался выше плотины колхозной электростанции. Шел сплошняком, огромными глыбами. В излучинах образовывались мощные заторы. На эти заторы забирались «папанинцы». Как хотелось нам, мальчуганам, хоть чуточку быть похожими на смелых полярников. Подражание им влекло к рискованному поединку со стихией. Вооружимся, бывало, кольями, заберемся на затор и ковыряем его до тех пор, пока не тронется. А потом... Успевай только перепрыгивать! Громадные льдины со скрежетом наползают одна на другую, ныряют, а те, которые слабее, расползаются на мелкие части. Тут уж не зевай!

Но когда все успокоится, найдет свое место в вышедшей из берегов реке, испытываешь одно наслаждение: гордо стоишь на облюбованной льдине и движешься, движешься по течению вниз, плывешь вдоль берегов, которые скоро покроются пышной зеленью, отзовутся многоголосым птичьим щебетом...

Вдруг от воспоминаний отвлек посторонний шорох. Со стороны брода кто-то осторожно пробирался сквозь густой кустарник. Выработанный инстинкт тут же заставил прильнуть к земле. Сейчас не такое время, чтобы вести себя беспечно. Любая случайная встреча, каждый посторонний шорох настораживают.

Из кустов, тревожно оглядываясь, вышел какой-то человек. Порванная, выцветшая красноармейская одежда, заросшее щетиной худое лицо.

Всмотрелся пристальнее. Кажется, Николай Гинько. Да, это он.

— Николай! Откуда, дорогой?

Тот вздрогнул, хотел обратно податься в кусты.

Николая Гинько, пожалуй, всегда узнаешь: приземистый, плотно сбитый, вроде бы вылезший из твердой земли боровик.

А как сильно изменился сейчас: осунулся, постарел.

Настороженность, владевшая обоими, тут же развеялась. Присели у самой воды и наперебой стали расспрашивать друг друга.

Разные пути привели нас на берег родной реки Сарьянки.

Меня война застала у западной границы. Там по призыву комсомола много таких молодых парней, как я, работало на строительстве оборонительных сооружений. Помню, в последнюю субботу перед войной, вечером, нас водили в кино, смотрели фильм «Чапаев». На завтра предрассветную мглу всколыхнули разрывы бомб, снарядов. Вдоль границы сразу же нависли облака густого дыма. Запылал в огне районный центр Сопоцкин, а затем Новики, Соничи, другие деревни. Начали рваться снаряды и на территории штаба нашего строительного участка.

Собрали комсомольцев в штаб. Всем выдали оружие. Начальник участка Петр Никифорович Кривенко поставил задачу:

— Будете охранять имущество. Если же враг прорвется через границу, поджигайте склады — и за Неман.

С особым волнением слушали мы комиссара Сидорова. Он умел говорить с молодежью. Бывало, на любое дело поднимет.

— Враг нарушил нашу мирную жизнь. Слышите, на границе идет бой. Как дальше будут развиваться события, какая судьба ждет впереди каждого из нас? Трудно сказать. Однако в любых условиях мы должны показать себя верными сыновьями своего народа, своей матери-Родины. Не бывать тому, что задумал враг. Мы, советские люди, во имя светлой жизни, которую сами завоевывали, будем биться до последней капли крови. Наша земля была, есть и будет советской!

Выслушав речь комиссара, к нам в отряд попросился Воробьев, слесарь из арматурного цеха.

— В гражданскую войну, — пояснил он, — я был красным партизаном. Не забылось еще, как били врага. Думаю, пригожусь.

— А сынишек куда? — тут же спросил его начальник участка. Он знал, что к Воробьеву из Полоцка, где жила его семья, приехали погостить на лето два вихрастых паренька.

— Они уже уехали. Проводил я их.

На участке Владимира Ивановича Воробьева знали как обычного рабочего, и только. Никому он не рассказывал о своем прошлом. Но вот раскрылся. Оказывается, человек уже успел повоевать.

Командование участка назначило его руководить нашим отрядом. Немного странным было видеть среди комсомольцев этого пожилого, с болезненным лицом человека.

Перед строем комсомольского отряда местной обороны прошли последние автомашины. Из кабины полуторки выглянул и помахал рукой на прощание мой старший брат Саша. Ему доверили сопровождать в тыл документы. Немногим раньше были отправлены за Неман семьи рабочих и служащих участка. Уехали отец и мать с младшими шалунами.

Встретимся ли когда?

Ни на минуту не стихая, клокотала граница. Трещали пулеметы, глухо ухали взрывы, ревели до захлеб моторы... Что там творилось — было загадкой.

В разведку направили неразлучную тройку: меня, Петю Башуна, Володю Матюшонка. На велосипедах мы, быстро проехав лесом, выскочили в поле, позади оставили один холм, другой. И вдруг... Перед нами танк с такими же крестами, как на самолетах, которые с самого утра стаями летели в сторону Гродно.

Выручили нас засевшие в доте красноармейцы. Они открыли огонь по танку. Тот завертелся на месте. А мы, оставив велосипеды, бросились к опушке леса, затем к своим на участок.

Доложили о том, что увидели.

— Значит, враг прорвался через границу, — встревоженно заключил командир. — Нужно приступать к выполнению приказа начальника участка.

Быстро подожгли склады и тронулись в путь. Позади нас долго полыхал пожар. Иногда слышались взрывы, и тогда все, словно по команде, оборачивались назад, с грустью смотрели на бушующее пламя, черные клубы дыма.

В составе комсомольского отряда, созданного на строительном участке в первый день войны, пришлось пройти сотни километров, принять боевое крещение, познать горечь отступления. Увидели мы ранящие сердце картины истребительной войны, непреклонное мужество советских людей, их стремление удержать каждый клочок родной земли.

Остался в памяти бой на Немане.

В излучине реки готовил оборону строительный батальон с нашего участка. А мы как раз и вышли сюда. Обрадовались, что своих встретили. Но тут же всех нас разочаровал комбат.

— Отходите, дорогие, дальше, — скомандовал он. — Ваше «войско» только панику будет сеять среди бойцов...

Скорее всего, возраст подвел. Это «войско» за небольшим исключением состояло из небритых еще юношей. Наверное, пожалел нас комбат.

И все же мы ухитрились быть очевидцами боя. Залегли в сосняке и стали наблюдать.

Вскоре к реке выползли вражеские танки. Послышались выстрелы. Потом загромыхала артиллерия, и все слилось в сплошной гул. Полыхало да ухало. Вроде бы кто-то свел вместе сотню весенних гроз.

Не удержался батальон на занятом рубеже, а его командир, лихой украинец с чудной фамилией Терпигора, сложил свою голову на берегу белорусской реки в самом начале боя.

Отходили под прикрытием сплошной пелены дыма и пыли.

На второй день нашему комсомольскому отряду местной обороны пришлось самостоятельно вступить в бой. Это было под Скиделем.

Заходящее солнце золотило поля озимых, зажавших с обеих сторон проселочную дорогу. По ней тянулась бесконечная толпа беженцев. Вместе с беженцами шагали бойцы нашего отряда. Никто не предполагал, что где-то рядом таится опасность.

Группа вражеских автоматчиков — то ли десантников, то ли незаметно проскочивших мотоциклистов — засела на бугре и внезапно начала поливать свинцом дорогу. Стрельбу вели разрывными пулями. Люди бросились кто куда. Некоторые из наших бойцов также

поддались панике. Сказывалось отсутствие боевого опыта.

И все же мы согнали гитлеровцев с бугра. В критический момент Воробьев выхватил из рук Базылевского пулемет, дал одну, другую очередь, своим примером увлек всех вперед. Вражеские вояки не выдержали натиска, спешно отошли.

— Вот так! — произнес разгоряченный боем Воробьев, возвращая Базылевскому пулемет. — Фашисты, оказывается, умеют и отступать...

«Дядя Володя», как мы все звали Воробьева, к этому времени стал командиром отряда, а комиссаром был Иван Петрович Казак.

Шли пешком днем и ночью. Рядом рвались бомбы, свистели пули. Фашисты сеяли смерть на каждом клочке земли, не щадя ни стариков, ни детей.

Сплошной заслон огня преградил нам путь на переправе через реку Котра, где-то близ Мостов. Казалось, на ту сторону невозможно будет перебраться. На дороге образовалось целое кладбище разбитых автомашин, повозок.

Но переправа действовала. Выбрав удобный момент, мы бросились к ней. Часть людей проскочила опасное место и спряталась в сосняке. Остальных самолеты застигли на открытой местности. Ни кочки, ни кустика. А в воздухе — непрерывный вой моторов, визг падающих бомб. Поднимались столбы черной земли, со свистом разлетались осколки.

Было все равно: лежать без укрытия и ждать смерти или же бежать под огнем. И, как по команде, все поднялись и бросились к переправе. А в это время те, кто успел проскочить раньше, открыли огонь по самолетам.

Воздушные пираты скрылись. Базылевский предложил вытащить из песка одну из полуторок.

— Вон сколько женщин с детьми! Пусть хоть они вырвутся из этого ада, — пояснил он.

С трудом вытащили полуторку, заправили ее горячим, собранным из других брошенных на переправе машин.

— Вася, ты поведешь, — приказал Воробьев парню, который сидел за рулем. — Давай, жми на восток, старайся быстрее.

Тот беспрекословно подчинился. Тут же нашлись пассажиры. Один из них был совсем еще мал. Его, завернутого в красное одеяльце, нашел под кустом Петя Башун.

Воробьев склонился над младенцем, затем задумчиво посмотрел на Петю Башуна, который держал на вытянутых руках свою необычную находку. Не то советуясь с кем-то, не то рассуждая сам с собой, командир произнес:

— Что же делать с ним?

И тут взгляд его остановился на сухощавом пожилом человеке. Где он к нам пристал? По всей вероятности, после боя под Скиделем. Звали его Тихоном.

— Бери, браток, малыша и садись в машину.

А тот ни в какую:

— Да что я с ним делать буду? Своих никогда не имел...

— Бери, приказываю! — уже более строгим голосом сказал Воробьев. — Бросишь, пеняй на себя.

Неуклюже, но нежно принял мужчина малыша и под сочувственными взглядами товарищей пошел к машине. Не успел он забраться в кузов, как объявилась мать. Бросилась она к нашему Тихону с распростертыми объятиями, расцеловала его, с какой-то необычайной легкостью схватила свою драгоценную ношу. Втиснули ее в кузов машины, битком заполненный женщинами, детьми.

Полуторка быстро выскочила на небольшую поляну. Мы еще раз помахали на прощание руками, желая счастливого пути.

Но тут же откуда ни возьмись появились два фашистских стервятника. Машина с женщинами и детьми оказалась мишенью. Самолеты закружились над ней. Сразу послышались пулеметные очереди. А потом, смотрим, вздыбилась земля, вверх полетели обломки кузова от нашей полуторки.

— Ой! Да лучше бы я с ними вместе! — дрожащими губами прошептал Тихон. — Что делают, варвары, убийцы...

На его глазах показались слезы. Это были слезы, вызванные душевной болью, обидой на то, что так безнаказанно, среди бела дня чинят захватчики страшный разбой.

Сколько уже пришлось видеть убитых детей, растерзанных женщин, пылающих в огне деревень! Война огненной лавиной катилась все дальше и дальше на восток. И казалось, не найдется уже той силы, чтобы остановить ее.

Николай Гинько был постарше меня годами. Помнится, как его и других парней-сверстников провожали в армию. Председатель колхоза распорядился самых лучших лошадей запрячь. Девушки в гривы рысакам вплели красные ленты. До самой станции с песнями мчались. На прощание провожавшие дали наказ новобранцам — честно служить Родине, образцово выполнять воинский долг.

А как трагически сложилось для него начало боевого пути!

— Под Невелем вступили в бой, — начал рассказывать Николай. — Тяжелый был поединок. Стрельба, стоны раненых... Помню последний взрыв. Перед глазами все закружилось, чем-то тяжело ударило... Когда очнулся, передо мной уже стояли молодчики в зеленых мундирах.

Потом изнуряющая дорога в колонне пленных.

Голодные, усталые люди с трудом переставляли ноги. Собственное тело становилось непосильным грузом. Но не остановишься, чтобы перевести дух. Только удержишься, сразу прихлопнут. Немало уже подкошенных пулями ткнулось во взбитую дорожную пыль.

А как долог еще путь для тех, кто пока держится на ногах? Что ждет их впереди?

По обочинам низко кланяются то кудрявые березки, то приземистые сосенки и как будто говорят своим людям: «Сюда, к нам, спрячем».

— Нужно бежать, — прошептал Николай соседу и потихоньку начал продвигаться к краю колонны. Его сопровождали настороженными взглядами идущие рядом. Не так просто совершить побег. Многие пытались это сделать, их ловили, жестоко избивали, а затем расстреливали.

Но неволя хуже смерти.

Не оставил своего намерения Николай.

Когда один из конвоиров подался в кусты, он тотчас отделился от колонны и пошел вслед. Второй конвоир, высокий гитлеровец, подозрительно проследил

глазами за смельчаком, вскинул было карабин, прицелился, но почему-то раздумал стрелять.

Так и не вернулся в колонну пленных боец. Он быстро среагировал. Увидев свернувшего в кусты конвоира, сделал вид, что немец позвал его. Высокий гитлеровец, видимо, тоже так решил, а спешивший в кусты не оглянулся назад.

Удачно был выбран момент для побега. Все обошлось благополучно.

Несколько дней Николай скитался по незнакомой местности. Намеревался попасть к своим, пробраться за линию фронта. Но чем дальше шел на восток, тем больше усложнялась обстановка. «Хотя бы снова не попасть в лапы к врагам», — беспокойно сверлила его мысль. Дни, которые пришлось провести в плену, были для него кошмаром...

Николай с трудом проглотил застрявший в горле комок и, как бы оправдываясь, стал объяснять:

— Пойми, попал в плен не по своей воле, иначе бы не бежал...

Как провинившийся мальчуган, он низко опустил голову и задвигал ногой по гальке. Мелкие камешки с шумом покатались в воду. Николай спохватился:

— А что скажут земляки при встрече? Испугался, под крылышко матери поспешил... Может, снова повернуть на восток, а? Военский долг обязывает в любом случае в свою часть возвращаться...

Что можно было ответить товарищу? Из плена, конечно, нужно было бежать любыми путями. Понятно и то: после неудачной попытки перейти линию фронта человека потянуло в родные края.

Как же быть сейчас? Идти в деревню? Посоветовались и решили: будь что будет, пойдем в деревню.

Выбрались из-под обрыва, перебежали в рожь. За рожью ручей, заросший ясенем, кленом, черемухой, и сразу же дом, в котором живет или, вернее, жила до войны семья Гинько. К дому пройти, пожалуй, можно незамеченными.

Душно в перестоявшейся на корню ржи. К потному телу липнут осыпавшиеся с поникших колосьев зерна. Пропадает добро. В такую горячую пору, бывало, все поле гудело. Сейчас не слышно ни стрекота жнеек, ни песен женщин. Все как будто уснуло.

У ручья встретились с Данилой — бессменным пастухом. Сколько помню Данилу, он пас скот колхозников и питался по очереди у них, — можно сказать, родным был каждому. И сейчас, конечно, знает, кто и как живет, какие сейчас в деревне порядки.

— Голубчики, какое лихо несет вас сюда? — сразу запричитал Данила. — Присядьте, расскажите, что на белом свете творится, где наши?

Но прежде всего ему самому пришлось рассказывать.

— Не спрашивайте. Жизнь наша сейчас хуже собачьей. Вчера несколько человек забрали. Вроде бы на строительство моста. Сегодня на машинах колхозный скот увезли...

Перевел Данила дыхание и с грустью добавил:

— Что же будет дальше?

— Моих случайно не встречал? — спросил я у Данилы.

— А как же! Недели две как здесь. Помнишь, где молочная была? Там сейчас живут...

Встреча с родителями была грустной. Мать бросилась обнимать, заплакала. Она, пожалуй, уже веру потеряла в то, что когда-нибудь встретимся.

— Брось, старая, плакать, — отозвался отец. — Лучше поищи чего-либо перекусить. Голодный ведь.

Когда все успокоилось в доме, отец стал расспрашивать, как попал сюда, где шел, что собираюсь делать дальше. Я подробно рассказал о своих приключениях в пути. А вот о своих планах на будущее пока ничего не мог сказать.

— А мы, — проговорил отец, — хотели уехать подалее от войны. Но под Оршей оказались без транспорта. Вот и повернули сюда, — и как будто между прочим добавил: — Известно, оккупанты на нашей земле долго не продержатся. Случалось им бывать здесь и раньше, но всегда драпали восвояси. Разобьют их наши. Хватит сил. Но пока делать что-то надо...

Я понял его намек по-своему.

— Безусловно, фашисту в зубы не смотреть.

— Не об этом, сынок. Ты посмотри на семью. Чем то нужно кормить малышей. Вот о чем я толкую. А с врагом нужно бороться, но ты не спеши раньше других, еще успеешь. Сначала нужно обязательно оглядеться.

Пойдет народ, и ты пойдешь. И я еще могу пригодиться, винтовку в руках держать не разучился.

Чувствовалось, что отец всей душой за то, чтобы бить фашистов из-за каждого угла. Но ему, видимо, не хотелось расставаться с детьми. Вырастил он нас шестерых, а сейчас... Один, наверно, уже на фронте сражается, второй только пришел и тут же думает уходить. А что значит сейчас уйти? Донесет кто-либо — всей семье будет плохо.

Я сознавал всю сложность положения, понимал чувства отца. Все это навело на размышления: «Может, не следовало бы показываться в деревне, лучше было бы справиться с желанием увидеть родных, остаться в Полоцке? А может, долго не раздумывая, сегодня же повернуть в обратный путь?..».

В Полоцке — Воробьев, дядя Володя. Позавчера только с ним расстался. Необычный это человек. С ним как-то легче. И когда прощались, он наказывал:

— Давай условимся: найдешь или не найдешь своих родителей, возвращайся быстрее назад. Наше место в рядах партизан. Чувствую, что скоро начнет действовать в тылу врага народная армия.

Свое мнение о развертывании партизанской борьбы Воробьев высказал в то время, когда шли в составе нашего отряда. Но нас в пути внезапно обезоружили.

Отняли у нас оружие под Рубежевичами. Вроде бы свои. А там — неизвестно кто. Навстречу нам выехала автомашина с полным кузовом военных. И все со знаками различия: кто с «кубиками», кто со «шпалами». Подошел один из старших по званию и говорит:

— Есть приказ оставлять без оружия всех, кто в тыл следует.

Забрали у нас оружие и сказали, что, мол, если намерены воевать, в Минске обмундируют и вооружат.

Не минули мы Минска. Но он уже был занят врагом.

Немцы стали сгонять на городской стадион мужчин в возрасте от 17 до 55 лет. Такая участь постигала всех, кто попадал им под руку.

Стадион обнесли высоким забором, в проемах выставили пулеметы.

Лагерь напоминал собой кромешный ад. Бесперывно слышались умоляющие стоны:

— Воды, во-ды-ы... Дайте глоток воды...

Время от времени раздавались короткие очереди. Над головами узников свистели пули. Опасаясь смертоносного свинца, люди жались к земле. Духота выматывала силы.

Воробьев собрал вокруг себя тех, с кем вместе шел, делил невзгоды оставленных позади тревожных дорог, и задался целью спасти товарищей. Вначале он подобрал группу людей, болеющих язвой желудка, переговорил с переводчиком и добился, чтобы их выпустили из лагеря. И сам вышел вместе с этой группой. В городе разведка обстановку, снова оказался в лагере, который к этому времени переместили на берег реки Свислочь.

Оккупационным властям потребовались специалисты: каменщики, водопроводчики, электрики. Они стали набирать в рабочие команды людей из лагеря. Об этом объявили заключенным.

— Не бойтесь, называйте себя специалистами. А там, пока выяснят, на что ты способен, можно будет убежать на волю. С места работы это легче, — посоветовал Воробьев.

Сам он вышел из лагеря позже товарищей и сразу же, как после стало известно, подался на Полоцк.

С Петей Башуном мы избежали голодной смерти тоже благодаря Воробьеву. Он надоумил нас пристроиться к местным мальчишкам, которым охрана лагеря иногда разрешала заходить за колючую проволоку для встречи со своими родными. Удачно получилось. Вышли. И сразу очутились в пылающем городе. Дым стлался над домами. Рушились стены, загромождавая улицы. Тут же суетились люди, перетаскивая куда-то свои пожитки. Время от времени на них нападали молодчики в зеленых мундирах, с дикой жадностью отбирали все мало-мальски ценное...

Приютились мы с Петром на окраине города, надеясь немного окрепнуть, подлечить потертые ноги.

В бараках, заселенных беженцами, отыскали для себя пустую комнатку, притащили кем-то брошенный тюфяк. Вечером познакомились с соседями. Рядом жили два парня. Один назвался Василием, другой Димкой. Они подсказали нам, где можно достать что-либо из продуктов. По их совету на второй день отправились на фабрику «Коммунарка». Достали там ведро патоки. В другом месте нашли пачку крахмала, несколько па-

чек печенья. А главное, привели с собой Михаила Дмитриева, своего знакомого. На участке киномехаником работал. Вместе с нами и до Минска шел.

Из лагеря Михаил Дмитриев попал в рабочую команду, назвавшись связистом, а вырвался на свободу уже с нашей помощью. Заметили мы его среди военнопленных, под охраной прокладывающих линию связи. Тут же обменялись несколькими фразами и подсказали удобный момент для побега.

Нас стало трое. Михаил обрадовал сообщением: наши все до одного вышли из лагеря. Совет Воробьева оказался дельным.

Но следом за радостью новая беда подкралась. Вечером к баракам нагрянули гитлеровцы. Кто-то, видимо, поспешил сообщить о том, что здесь живут неизвестные люди.

Но не только это явилось причиной такого позднего визита. По поведению немцев чувствовалось: что-то случилось еще.

Всех мужчин выгнали на улицу, выстроили в один ряд, старательно пересчитали. Одного сразу приставили к стенке. Попал он на особое подозрение, как выяснилось, из-за кожаной тужурки.

— Комиссар, — загорланили немцы.

Все же, что привело их сюда?

Фашисты строго наказывали за любой поступок, направленный против «нового порядка». Везде были расклеены объявления, в которых сообщалось, что за каждый учиненный против оккупационных властей акт будут сжигаться близлежащий к месту происшествия населенный пункт и расстреливаться по 20 мужчин-заложников.

Мы, оказывается, стали заложниками. Днем недалеко от барачков кто-то повредил кабельную связь гарнизона с аэродромом.

На наше счастье среди женщин, проживающих в бараках, нашлась одна, знающая немецкий язык. Она сумела обхитрить карателей. В разговоре с ними припомнила какого-то коменданта Курта Куртовича и объяснила, что будто все мы у него работаем.

Гитлеровцы поверили, оставили нас в живых. Но пообещали утром снова явиться сюда и предупредили, чтобы никто никуда не отлучался. Если же кого-нибудь

не досчитаются — всех расстреляют. Еще раз пересчитали мужчин и уехали.

Выяснилось, что диверсию совершили наши знакомые — Василий и Димка, которые помогли нам устроиться в бараках. А выдал их один подлец. Заметил парней за этой работой, тут же выпряг лошадь из плуга и галопом в комендатуру. Патриотов схватили прямо в поле. Здесь же и расстреляли.

Кто они, эти смелые парни? Вроде бы коренные минчане, комсомольцы. Очень жаль, что так никто из нас не сумел узнать о них более подробно.

Визит карателей, рассказ очевидцев о расправе над молодыми патриотами всполошили жителей барачников. Тревожно надвигались сумерки. Вероятно, у всех было одно на уме: «Что же делать дальше?».

Мы втроем твердо решили не дожидаться очередного визита оккупантов, а под прикрытием темноты бежать из Минска. Но как это сделать? Город охранялся. Как только наступали сумерки, то и дело вспыхивали ракеты...

Мы долго ползли по-пластунски, пережидая вспышки ракет. В пути где-то отстал Михаил. К Смолевичам вышли вдвоем, а здесь пришлось расстаться и с Петей Башуном.

Зашли с ним в одну из станционных будок. Там полно было беженцев. Две женщины угостили нас хлебом и попросили поднести им чемоданы к стоящему на пути товарняку. Помогли. Женщины тут же подсунули солдату два десятка яиц и стали проситься в вагон. Тот согласился.

— Может, и вас подвезет, — намекнули они нам.

В этот момент раздался свисток паровоза.

— Шнель, шнель, — заторопил всех немец.

Я вскочил в вагон, а Петр замешкался. Вижу, отстает. Метнулся назад, но немец схватил за шиворот и толкнул в угол.

Поезд быстро набирал скорость. Осталась позади станция и там мой верный друг Петр. Гитлеровец цепким взглядом окинул всех пассажиров, потом уставился на одну из женщин и дико заорал:

— Юда...

Та в ответ:

— Наин...

— Юда.

— Наин.

Женщина показала рукой на свою спутницу-старушку и промолвила:

— Мутер.

Затем повернулась в мою сторону, и я услышал другое заученное в школе слово:

— Брудер.

Значит, она объясняет, что с ней едут мать, брат, и, мол, смотрите на них — ничем они не похожи на евреев, а что сама черная — в отца удалась.

— Фатер, фатер...

А немец не перестает кричать:

— Юда! Юда!

Потом начал потрошить чемоданы, пока не напоролся на драгоценности. Из чемодана попавшей под подозрение выхватил небольшую шкатулку, раскрыл ее и засиял:

— Часик, часик... Золото.

Молодая женщина заплакала, но не стала препятствовать. Ее одернула старушка, дала понять, что жизнь дороже всяких вещей.

Гитлеровец забрал шкатулку, стал любезен со всеми, заюлил около обиженной. Тут же он пообещал ей вернуть золотые часы на обратном пути. Мол, буду возвращаться назад, отдам. Только адрес ему нужно знать.

— Какая наглость, — успокоившись, проговорила пассажирка. — Но что поделаешь, они сейчас хозяева.

На рассвете подъехали к станции Коханово. Мои попутчицы собрались выходить. Оказывается, это их конечная остановка. Помог им чемоданы составить и перенести через пути.

— Тебе дальше ехать. Хочешь, я с ним договорюсь? — предложила женщина. — Скажу, что тебе к отцу нужно, который, мол, в Орше работает. Возьмет.

Забрался я обратно в вагон. Но как только взглянул на наглую физиономию немца, тут же решил не ехать дальше. Ведь ему ясно, что я не брат этой женщины. «Выбросит на ходу», — мелькнула мысль.

И снова пришлось пешком добираться до Орши, оттуда — до Витебска, а потом до Полоцка...

Вскоре я был гостем у дяди Володи. Его дом стоял на самом берегу Полоты. Дядя Володя по-прежнему не

сидел без дела. Под видом мастера по починке швейных машин он побывал во многих домах Полоцка, познакомился с нужными, преданными людьми в лесных деревушках.

Как-то на станцию пригнали захваченный под Смоленском паровоз «ФД». Немецкие машинисты не решились управлять им. Таких мощных паровозов они не видели. Стали искать охотников из местных. Воробьев тут же постарался провести среди железнодорожников соответствующую работу. Никто не сел на «ФД». Так он и стоял в депо.

Через дорогу от дома Воробьева перед самым Ксаверовским кладбищем гитлеровцы облюбовали место для своих, уже отвоевавшихся на нашей земле вояк. Пышно проходили похороны. Почти каждый день гремела медь оркестров.

«Откуда поступают убитые?» — заинтересовался Воробьев. Это удалось выяснить довольно быстро. В составе команды, обслуживающей кладбище, оказался чех Людвиг Гайда. Он квартировал в соседнем доме. При первой встрече с ним Воробьев получил все нужные сведения. Оказывается, хоронят преимущественно высокопоставленных чинов. Трупы доставляют от линии фронта. Значит, не так далеко проходит фронт. Врут гитлеровцы, распространяя среди населения молву: «Москва капут!».

Приятно было слышать от Гайды о том, что часто им приходится хоронить фашистов, погибших от рук народных мстителей, которые действовали уже на оккупированной территории. Добытые сведения тут же становились достоянием населения.

Полезным делом занимались сыновья Воробьева Витя и Вова. Они помогали красноармейцам, которые бежали из лагеря военнопленных, расположенного в Спасском городке.

Многие из тех, кому удавалось уйти из лагеря, прежде всего скрывались в зарослях кладбища. Мальчуганы узнали об этом. Они брали у беглецов военную одежду, обменивали ее на гражданскую, а затем перодетых выводили за город.

Однажды вечером, закончив свои дневные дела, я с сыновьями Воробьева отправился на берег Полоты. Пришел и отец ребят.

Присели, разговорились, вспомнили про моих родных. Где они? И вдруг дядя Володя говорит:

— Встречался сегодня с одним товарищем, который знает твоего отца. Он сообщил, что видел его здесь, в Полоцке, со всей семьей.

— Значит, должны быть в Дриссенском районе!

На второй день Воробьев проводил меня за город.

И вот она — встреча с родными! Где бы ни находился в эти первые военные дни, всегда испытывал желание хоть чуточку побыть в кругу родной семьи. Бывало, идешь голодный, усталый и, казалось, достаточно почувствовать материнскую ласку, как все беды будут ни почем.

А сейчас все сильнее одолевают другие мысли.

Неотложное желание посоветоваться о том, как быть, что делать дальше, привело меня в дом Николая Гинько. А там было полно людей. Посреди комнаты на чурбане сидел бригадир тракторной бригады Бронислав Жук. Он был явно взволнован. Вздернутая верхняя губа нервно вздрагивала. Сидевшие рядом мужчины переглядывались между собой, будто спрашивали друг у друга: «Как ты? Что ты думаешь?». По всей вероятности, здесь уже состоялся довольно серьезный разговор.

Пристроился и я послушать, о чем идет речь, присев на конец скамейки. Но Бронислав Антонович медленно поднялся, выпрямился во весь богатырский рост, ногой резко отодвинул в сторону чурбан и скомандовал:

— Ну что, по до-ма-м...

Как-то сразу неловко стало, тревожно защемило сердце. Невольно подумалось: «Не доверяет. Наверное, считает чужим».

Все стали расходиться. Бронислав Антонович задержал Чеслава Лавриновича — бывшего секретаря школьной комсомольской организации, наскоро переговорил с ним о чем-то. Чеслав незаметно для других подал мне условный знак: мол, не спеши уходить.

На улице Жук окинул доверительным взглядом всех, кто задержался, и сказал:

— Завтра, когда стемнеет, соберемся на «сопке», поговорим...

Эти слова, как хорошее лекарство, успокоили сразу. Значит, и здесь есть люди, подобные Воробьеву, и здесь можно найти свое место в рядах народных мстителей.

В семье старого Модеста был заведен такой порядок: обедать или ужинать — так всем вместе.

Раньше в просторном, но уже обветшалом доме, стоявшем на отшибе села, за стол сразу усаживалось девять человек. Только сыновей у Модеста было семеро. Гордился ими старик. Обычно на людях любил своих «орлов» пересчитывать по пальцам. А как начнет это делать, любого рассмешит. Загибает пальцы и пересчитывает:

Я, Че, Ка...

Если расшифровать, то это значит: Яська, Чесик, Казя и так далее.

Шутку старика односельчане по-своему переиначили. Как только увидят Лавриновичей в сборе, обязательно скажут: «Модестова ячейка».

Но из этой «ячейки» осталось лишь три сына. Старший перед войной уехал на Урал. Иван, дома его звали Ясем, ушел в армию. Самых младших — Адася и Мечика — недавно похоронили. Очень сдали после их гибели старики. У них появилась особая тревога за оставшихся в доме детей.

— Где же Че? — в который уже раз спрашивает Модест у своей жены. — Тебе, Анеля, он не говорил, куда пойдет?

— Не знаю, где он так поздно пропадает.

У хозяйки был тонкий, певучий голос. Когда говорит, то кажется — плачет. Но редко кому доводилось слышать его. Со своего двора Анеля почти никуда не отлучалась. Весь день то в доме порядок наводит, то на грядках что-то делает. Окончательно замкнулась женщина после того, как оккупанты попытались сделать Модеста старостой общины. Несколько раз вызывали его в Дриссу и все одно и то же твердили:

— Принимай пост и действуй.

Видимо, кто-то подсказал, что до революции Модест был управляющим у помещика. Вот и решили оккупанты, что более подходящей кандидатуры не сыскать.

Но слишком много воды утекло с тех пор, когда Модест, как он сам любил говорить, «панам служил».

— Куда уж мне в начальство? — разводил руками Лавринович, когда представители «нового порядка»

снова вызывали его. — Порохней стежки посыпать, что ли? Да и к грамоте я всю жизнь не охочий был. Нет, не моего ума это дело.

У Модеста был свой счет с оккупантами. В первую мировую войну он с Анелей добирался из Питера в деревню. В пути перехватили «германцы», забрали все пожитки и высекли розгами. С тех пор Лавринович страшно ненавидел чужаков. Но, конечно, не в этом крылась главная причина категорического отказа. Он понимал, что никакая другая власть не заменит людям Советской власти. С помощью родной власти Модест вырастил и вывел в люди старших сыновей. Большая его семья ни в чем не ощущала недостатка. Как было изменить Советской власти?

После ужина Модест покряхтел и неохотно натянул на себя поношенный кожушок.

— Пойду, Анеля, ага, посмотрю, где сын.

— Бог тебе в помощь.

Тут же хозяйка усердно перекрестила мужа. Тот в свою очередь бросил взгляд в угол на святых угольников, не спеша пошел к выходу.

Анеля не порывала с религией. Не прочь был помянуть бога и Лавринович. Раньше он скрывал это от людей, да и сыновья одергивали. По настоянию Чеслава — секретаря школьной комсомольской организации — он сам когда-то освобождал углы от расписных икон. Но, оказывается, снятые иконы бережно хранились на чердаке. Как только началась война, они снова заняли почетное место в доме.

Модест потихоньку вышел на улицу, осторожно пробрался вдоль реки до самого моста, а потом через ручей на дорогу.

— Стой, застрелю! — вдруг раздался грубый окрик из темноты.

— Кого? Меня, старика? За что же?

Полицейский щелкнул затвором.

— Чего шляешься ночью? Знаешь, что не разрешено в такое время!

— Чего не знал, ага, того не знал, — последовал ответ.

— Валяй домой, а встречу еще — пулю получишь...

Проклиная в душе всех чертей, Модест поспешил домой. Видите ли, по родной деревне, где родился, вырос,

где за долгую жизнь голова серебром покрылась, вечером пройтись нельзя! Все внутри перевернулось у Лавриновича. Придя домой, он в горячке через свое привычное «ага» перетянул и бога. Не видит он, что на земле творится!

В это время на «сопке» велся деловой разговор. Накануне Чеслав переговорил с комсомольцами, и те из них, кому было сказано, по одному пробрались в условленное место.

«Сопкой» в Сарье называется курган, который возвышается над речкой у самого брода. Весь он в зарослях сирени, акации. Только самая верхушка представляет собой гладкую площадку. На ней всего два высоких клена с кудрявыми шапками. Если бы эти клены обладали даром речи, многое могли бы рассказать!

Говорят, курган насыпан руками крепостных крестьян как памятник в честь каких-то событий в жизни давнишних помещиков. Со временем он стал заветным местом влюбленных. Здесь поверялись сердечные тайны, давалась клятва верности на всю жизнь.

— Прежде всего нужно оружие добыть, — тихим голосом начал Бронислав Антонович.

Отозвался Герман Куприн:

— Наши по реке оборону держали. Оружие должно быть. Мальчишки, говорят, уже пулемет нашли...

— Это верно, — подал голос Чеслав. — Такую штуку я для себя тоже припас.

— Нужно обшарить каждый куст, каждый окоп...

В разговор вплетался глухой ропот брода. Река продолжала свой неустанный бег. Иногда разговор прерывался. Чаще в то время, когда из деревни слышался собачий лай. Наверное, по темным, опустевшим улицам бродил полицейский.

Затихало в деревне, и беседа опять оживала.

— Нас восемь человек, — взволнованно сказал Николай Гинько. — Если каждый для себя достанет оружие, уже будет сила.

Отозвался Бронислав Антонович:

— Мало себя вооружить, нужно о будущих бойцах позаботиться. Как эта река из родников и мелких ручейков собирает свои воды, так и сила народная будет сливаться в единое русло для борьбы с врагом. Вот о чем нужно всем хорошо помнить.

Уже на рассвете разошлись по домам.

В эту незабываемую ночь «сопка» стала свидетельницей еще одной клятвы. Это была боевая клятва. С 25 августа, на шестьдесят пятый день войны, в Сарье начала действовать подпольная патриотическая группа под руководством Бронислава Антоновича Жука.

Оккупанты насаждали свои порядки. На здании сельского Совета прибили вывеску «Сарьянская волость». Объявился полицейский, некий Колосовский. Говорят, из тюрьмы вырвался. Подобралось волостное начальство. Бургомистром стал Филипп Урбан, агрономом волости — Николай Бадыня. Все же нашлись охотники послужить «новому порядку».

Удивило всех появление помещицы. Как снег на голову. «Святые мощи» — сразу окрестили ее. Длинная, тощая, как жердь. Говорит только по-польски. Откуда взялась такая, никто не знал. А она отрекомендовалась невестой сына помещика Лопатинского, который около четверти века назад бежал из здешних мест.

Нежданная гостя сразу предъявила права на все, что принадлежало колхозу. В сопровождении гитлеровцев она обошла поля, затем осмотрела амбары, школу.

За парадным шествием украдкой наблюдали сотни глаз.

— Ты только не вздумай управляющим проситься, — не то в шутку, не то всерьез предупредили мужики Модеста.

— Такие порядочки мне не по душе, — ответил тот. — Лучше, ага, уже наняться в аду на варьятах смолу возить.

Никому не были по душе эти «новые порядки».

После обеда помещица со всей свитой забрела на скотный двор. А там Лазовская — женщина, оставшаяся без мужа с малыми детьми, на цементной площадке обивала снопы ржи.

— О! Цо юш такого? Панское жите млотите?

— Какое панское? — пожалала худыми плечами женщина и добавила со злостью: — Это колхозное, наше...

— Нема колхозное. Вшистке панске, мое...

— Твое?! Тебя здесь от роду никто не видел.

Натруженными пальцами женщина снова обхватила черенок валька. Но тут же подскочили фашистские молодчики, вырвали из рук крестьянки примитивное орудие, забросили подол ее юбки на голову и стали бить. Били вальком по обнаженным бедрам, по туловищу, по рукам, били до тех пор, пока она не потеряла сознание.

Дикое истязание возмутило всю деревню. Никто не подчинился новоявленной помещице. Когда она попыталась организовать уборку хлеба, все, как сговорившись, ответили:

— Успеется.

Так ни с чем и укатила пани. После еще несколько раз видели ее в деревне. Приезжала мельницу пускать. Помешать ей было не под силу крестьянам. Оккупанты привезли с собой специалистов, подобрали оставшееся от разрушенной водяной мельницы оборудование и установили его в колхозном амбаре.

Но молоть пока было нечего. К этому времени большая часть ржи оказалась стравленной скотом, остальную украдкой обмолотили для себя крестьяне.

Накипала, росла в народе ненависть к оккупантам. Это каждый из нас видел и понимал. Нужно было во что бы то ни стало активизировать действия подпольной группы, дать понять людям, что мы можем постоять за себя, вернуть свободную и счастливую жизнь.

В поисках оружия хорошими помощниками оказались мальчишки.

Они шныряли везде. На учете ребят были лисьи норы, все потайные уголки в густых зарослях, на обрывистых берегах реки. Ничего не ускользало от их детской любознательности.

Однажды вечером Бронислав Антонович встретился с Витей Шалимовым. Витя считался верховодом детворы. И не случайно. Очень он был изобретателен на выдумки: и штабы, и подполье, и всевозможные тайные сигналы.

— Воюем? — как бы между прочим спросил Бронислав Антонович.

— Тренируемся, — хитровато ответил паренек.

— А с чем же тренируетесь, с пулеметом? Смотрите, не перестреляйте друг друга. Оружие само раз в году стреляет.

Глазенки «атамана» заискрились...

— Дядя, а вы умеете из пулемета стрелять? Эх, научиться бы мне! Я бы этих фашистов...

Бронислав Антонович обнял мальчишку за плечи, прошел с ним по аллее лип до самого брода реки.

— Знаешь, Витя, о пулемете никому ни слова. Если кто-либо спросит, говори, что в омут бросили. Понял?

— Понял.

— А сейчас скажи, где вы его нашли и где прячете?

Бронислав Антонович верил, что Витя никому не расскажет об их разговоре. Они давние друзья. Когда из МТС прибывали тракторы, Витька первым бежал к Жуку, чтобы тот прокатил его. Вместе они и на рыбалку ходили. Обязанности помощника мальчуган выполнял исправно: червей накопает, живцов наловит, удочки приготовит.

И сейчас паренек сразу изъявил желание помочь Брониславу Антоновичу. Он сообщил, что есть оружие, закопанное вместе с погибшими, указал, в каких окопах видел патроны, мины к миномету.

Так же, как и пулемет, Витя прятал найденные гранаты, винтовки.

Да не только Витя собирал оружие. Володя Малей — совсем еще подросток, из Дегтярева, нашел ротный миномет, но место, где спрятал его, никому не хотел показывать.

— Я сам из него фашистов буду бить, — отвечал Володя, когда с ним заводили разговор.

К наступлению зимы в группе имелось шесть ручных пулеметов, более десятка винтовок. Володин миномет также не сбрасывали со счета.

Приобретенное оружие прежде всего проходило через руки Сергея Куприна. Пожилой человек, инвалид труда (когда-то его помяло льнотеребилкой), он слыл мастером на все руки. Дом Куприна стоял в конце деревни. Вплотную к усадьбе примыкал густой кустарник. Пользуясь таким удобным расположением, незаметно таскали на ремонт пулеметы, винтовки, другое оружие.

Чеслав подружился с Владимиром Воронежским, тоже мастером на все руки. Воронежский отремонтировал ему пулемет, привел в боевую готовность СВТ.

Активно помогали нам три неразлучные подруги: Ольга Махонька, сестра моя Люся и Евдокия Ледак — родная сестра жены Бронислава Антоновича. Они выполняли различные поручения. Дуся по заданию подпольщиков устроилась кассиром в волостное управление. Через нее мы своевременно узнавали о намерениях местных оккупационных властей, а потом старались помешать их осуществлению.

Так было, например, с вербовкой мужчин в полицию и с отправкой молодежи в Германию. На волость дали разнорядку. В управе составили предварительные списки. Дуся скопировала их и передала подпольщикам. Те с помощью своего актива тут же постарались провести соответствующую работу.

Добровольцев в полицию не нашлось. А те, кто были внесены в списки для отправки в Германию, сумели под различными предложениями уклониться. Мероприятия оккупантов были сорваны на территории всего Сарьянского сельсовета.

Большой моральной поддержкой для нас оказалась листовка, принесенная Николаем Гинько со станции Бигосово. Как она была дорога нам! Небольшой багряный листок бумаги с призывом разжигать пламя всенародной борьбы в тылу врага.

Бронислав Антонович сразу же поручил нашим девушкам размножить текст листовки от руки и распространить среди населения.

Весточка, полученная из-за линии фронта, в первую очередь дошла до молодежи. И немедленно нашла отклик. В окрестных деревнях стали создаваться так называемые группы резерва. Начало этому хорошему делу было положено в Дегтяреве.

Как-то в разговоре Вячеслав Авсюк, мы звали его Ватей, признался, что у него хранится винтовка.

Авсюк — комсомолец, парень надежный. Смелым и инициативным проявил он себя, когда угоняли от фашистов колхозный скот. Враг чуть не перехватил стадо, но ребята сумели увернуться и передали колхозный скот одной из воинских частей Красной Армии. Вячеславу пришлось возвратиться назад. Вот тогда он и принес с собой винтовку.

Мы поручили ему объединить молодежь своей деревни. Первыми, с кем он нашел общий язык, были

пионер Володя Малей и паренек немногим постарше Володи — Леонид Гарбуль. Так в Дегтяреве был создан актив группы резерва, вокруг которого сплотились и остальные пионеры и комсомольцы деревни.

По примеру Дегтярева группы резерва были созданы в Громовках, Мушине, Щуньках. Их возглавили тоже комсомольцы — Аркадий Воронов, Антон Липский, Павел Пилюшкин. Павел и Антон — местные ребята, Аркадий — приезжий. Мы доверились этому совсем еще юному пареньку, узнав, что он воспитывался в семье коммуниста. Отец Аркадия до войны работал директором МТС в Глубокском районе. Как только началась война, он ушел с группой партийных работников, не успев эвакуировать свою семью. Аркадий с матерью пешком добрались к своим родственникам в Громовки.

Перед руководителями групп резерва ставились конкретные задачи: организовывать сбор оружия, подбирать надежных людей и готовить из них будущих бойцов-партизан.

Требовалась большая осторожность. Фашисты жестоко расправлялись с жителями тех деревень, которые они начинали подозревать в нелояльности к «новому порядку». Первой страшной жертвой в Дриссенском районе стала деревня Мартиново. Недалеко от нее проходила железная дорога. Кто-то ночью взорвал стык рельсов на одном из участков железной дороги. Тут же на деревню нагрянули каратели, сожгли ее дотла, а жителей расстреляли.

Небольшая группа подпольщиков деревни Сарья постепенно превращалась в хорошо налаженную организацию. С каждым днем ширились связи отважных патриотов.

Вскоре мы узнали, что в Бичикове, это уже на Ошейщине, тоже организована подпольная группа. Всею работой там руководил Александр Громов — человек, получивший неплохую закалку и на себе испытавший, что такое оккупанты. Дважды он попадал в лапы гитлеровцев. Первый раз, когда часть, в которой воевал Громов, оказалась в окружении. Тогда его едва не расстреляли, но он сумел бежать. Снова поймали, опять бежал. От самого Черного моря пробирался пешком в родные края. Как только окреп после долгих скитаний, взялся организовывать молодежь.

Конечно, мы стали поддерживать связь с подпольщиками в Бичикове.

Посчастливилось нам встретиться с двумя товарищами, бывшими командирами Красной Армии, которые впоследствии оказали большую помощь нашей группе. Это были Николай Трофимович Глазов и Василий Семенович Сазонов. Многих обстановка первых дней войны вынудила скитаться по оккупированной территории. Кое-кто после окружения или побега из плена приспособивался к жизни в селах.

Эти же двое упорно искали связей с людьми, готовыми подняться на борьбу за Советскую Родину.

Не сразу друзья открылись нам. Причина для опасения была. Когда они пробирались на восток, им не повезло. И случилось это на территории нашего сельсовета.

Обессиленные, голодные зашли в дом к одному хозяину. Тот не отказал в помощи: накормил, предоставил ночлег, а утром привел полицейского. Скитальцев доставили в Сарью. Здесь их допрашивало волостное начальство. Избили, а затем отправили в Дриссу.

Выдал, оказывается, Березовский — житель деревни Ракшни, беспробудный гуляка, который за бутылку самогона был готов родную мать убить. Удивляло и поведение скороиспеченных волостных чинов. Как же можно было так издеваться над своими людьми? Ну, пусть Колосовский, теперешний полицейский, находившийся в заключении при Советской власти. От него, давно затаившего вражду к нашей жизни, иного ждать нельзя было. А что заставляло проявлять свою прыть, скажем, Николая Бадью? Благодаря Советской власти он стал агрономом. Неужели уже забыл об этом? Из кожи лезет вон, чтобы угодить оккупантам.

В семье, говорят, не без уroda. Извинились мы перед товарищами за таких «земляков». Что же, придет время — свое получают.

Связь с новыми знакомыми помогла установить нам Аня Урбан. Мы были в дружеских отношениях с ней, вместе ходили в школу. Невысокого роста, щуплая, стеснительная девчонка из Обухова. За первой партой всегда сидела.

Обухово стоит у дороги, между Сарьей и Устьей. После того как «пленники» Березовского попали в

Дриссу, их определили в рабочую команду и направили на ремонт устьенского моста. А здесь охрана особенно свирепствовала. Чуть что — с лесов и в реку, без всяких объяснений.

О чинимых зверствах стало известно населению. И Аня Урбан решилась на рискованное дело. Она не раз ходила к мосту, где работали пленные, исподтишка передавала им продукты. Здесь ей удалось переговорить с Василием Сазоновым, потом еще несколько раз встретиться. Стали доверять друг другу. Аня подсказала, как лучше добраться до деревни к ее дому, заверила, что в случае удачного побега она сумеет уберечь товарищей.

Побег удался. Василий Сазонов с Николаем Глазовым добрались до Обухова. Их встретила, как и было условлено, Аня и завела к себе домой. Некоторое время она скрывала командиров на чердаке своего дома, затем привела к нам в Сарью. Мы вооружили их, дали адреса надежных людей в более глухих деревнях. Чаще всего Сазонов и Глазов бывали в Бичикове, но всегда поддерживали с нами связь, принимали активное участие в подпольной работе.

Как-то из Бичикова к нам обратились за помощью. Саша Громов через своего старшего брата Ивана, который приезжал к моему отцу по каким-то кузнечным делам, передал мне, что им нужны диски к пулеметам. Я сказал об этом Брониславу Антоновичу.

— Нужно поделиться, — ответил он. — Подбери исправные диски и постарайся доставить их. Тебе удобнее. Пойдешь туда к своим родственникам, а заодно захватишь груз.

Как же лучше выполнить задачу?

Решил, что секретный груз безопаснее пронести днем. Дождлся воскресенья, положил в мешок набитые патронами диски — и в дорогу. Но только вышел на мост, как навстречу бургомистр.

— Что несешь? — спрашивает и тянется пощупать мешок.

— Сковороды клепаные, — отвечаю. — Отец попросил отнести.

Часто хозяйки обращались к отцу за помощью. Лопнет сковорода, а где новую найдешь? Вот и несли к нему, кузнецу, на ремонт. По его просьбе я часто относил

отремонтированные сковороды владельцам. Обычно положу их в мешок — и за плечи.

Сковороды и навели на удачную мысль при встрече с бургомистром. Он все же ощупал необычную мою ношу.

Между прочим, эти диски уже второй раз сходят за сковороды. Отец мой в годы гражданской войны был оружейным мастером. Как специалиста мы его привлекли и сейчас к ремонту оружия.

Однажды сидит отец дома и перебирает диски. А в деревню немецкий обоз заехал. Солдаты сразу по домам разбрелись в поисках подкрепления для своих желудков.

— Матка, млека! — слышалась на пороге чужая речь.

Наш оружейный мастер быстро диски в печь, за заслонку, а с печи — сковороду с картофельными оладьями.

— О гут, гут! — залепетал солдат и взялся за белорусские «драники».

Все обошлось благополучно. Что же касается того случая, когда я нес диски Громову, то подарок был доставлен на место в полной сохранности. Товарищи поблагодарили меня и пообещали нанести ответный визит.

— С этим пулеметом мы приедем к вам за мукой, — заключил Саша Громов. — Чего удивляетесь? Приедем и заберем на мельнице муку, чтобы она не досталась фашистам.

С ним согласились его друзья.

О предложении Громова я рассказал своим товарищам в Сарье.

— Дело стоящее, — заключил Бронислав Антонович.

Так родилась идея провести первую диверсионную операцию — разгромить мельницу, которую восстановила в Сарье невеста пана Лопатинского, а «фунты» забрать и припрятать для будущего партизанского отряда. Так называемые «фунты», которые собирались на мельнице как плата за размол, превращались в тонны и отправлялись на питание для армии завоевателей.

К разработке плана разгрома мельницы в Сарье подключились Глазов и Сазонов. Они охотно согласились принять участие в задуманной операции.

Но прежде чем действовать, нужно было провести разведку — установить, когда на мельнице образуются большие запасы муки и время, в какое будет удобнее забрать ее, чтобы враг не напал на след. Действовать, так наверняка.

ПЕРВЫЕ ДИВЕРСИИ

Семья Пирогов в нашей деревне пользовалась особым уважением. Глава ее — добродушный седой старичок — долгое время работал на железной дороге машинистом. Потом ушел на пенсию. Старшие сыновья — Иван и Николай — вызывали у земляков восхищение незаурядной силой, ростом, а также своей образованностью. Один был инженером, другой механиком. Бывало, приедут в деревню, так все стараются посмотреть на них. Третий из сыновей, гармонист Саша, решил связать свою жизнь с армией. Перед войной поступил в военное училище.

Самый младший, Володя, до войны ходил в школу. Сейчас слонялся без дела. Чаще всего его можно было видеть вместе с Клавой, своей одноклассницей. Никого это не удивляло. Что же, школьная дружба! Но в поведении парня замечалась какая-то странная раздвоенность. То его безудержно влекло к этой белокурой девушке, и тогда казалось, что в разлуке парень и часа не сможет прожить, то он сторонился ее, искал уединения. Может быть, такие резкие перепады в настроении юноши были связаны с тем, что отец Клавы стал бургомистром?!

Как-то в один из воскресных дней молодежь деревни высыпала на речку. Припомнили довоенное время, когда парни и девушки любили организовывать гуляния на воде. Парни брали в свое распоряжение все имеющиеся в деревне лодки, усаживали в них девчат и тогда... Переливы гармошки, песни, шутки. Роца (наш старинный гай) не успевала эхом отзываться на веселые голоса молодежи.

А сейчас решили только покататься. Медленно проплыли по середине реки, затем повернули к противоположному берегу, высадились всей гурьбой в густых зарослях.

— А куда же наша влюбленная парочка делась? — заметил кто-то.

— Может, на «сопку» пошли клятву давать. Пошутили и забыли про Володю с Клавой. А под вечер в деревне переполох поднялся. Клавы нет. Разыскали Володю, но от него ничего вразумительного не слышали. Одно твердил: «Поссорились, и я ее одну оставил».

Как могли, отругали девчата такого ухажера и стали искать девушку.

А Клава появилась на другой день. Ночевала, оказывается, в другой деревне, в Фомине, у своего дедушки. В ее поступке крылся какой-то хитрый замысел по отношению к Володе.

Но больше всего она всполошила своих родных. Те уже представляли свою дочь утопленницей.

После этого случая девчата попросили нас, ребят, поговорить с Володей. Помню, забрались мы к нему в спальню, когда в доме не было родителей, и высказали товарищу все, что думали о случившемся.

Володя сразу же заупрямился:

— Что вы от меня хотите? Уму-разуму учить? Подрасту, сам наберусь.

Напомнили ему о военном времени, о том, что сейчас нужно быть предельно осторожным, отвечать за свои поступки.

И вспомнилось мне, как скитался по военным дорогам...

О том, как тяжело пришлось нам, почти ровесникам Володи, в Минске, да и везде, где хозяйничали фашисты, я и рассказал парнишке.

— Да, пришлось тебе, — с некоторой завистью произнес Володя. — А я всего-навсего сутки в склепе просидел, когда фронт здесь проходил. Вот и все мои испытания.

Володя задумался. Уже тогда мы поняли, что он душой с нами.

Впоследствии пришлось пойти и на более откровенный разговор с парнем. Когда потребовались точные сведения о мельнице, мы решили привлечь к этому делу Володю. Ему было легче, чем кому-либо из нас, проследить за тем, как скапливаются «фунты», узнать, когда оккупанты должны приехать за мукой.

Дело в том, что старого Пирога гитлеровцы заставили на мельнице локомотивом управлять. Как ни упряился он, ничего не вышло. Оружием пригрозили.

Володя часто навещал отца — приносил ему обед, иногда помогал в работе.

Вот мы и обратились к нему с просьбой:

— Нам нужны подробные сведения о мельнице. Помоги, дорогой! Присмотри, где мука хранится, сколько ее когда накапливается...

Ожидался встречный вопрос: «Для чего?».

Но Володя не задал его, а лишь коротко ответил:

— Это просто. Постараюсь в ближайшие дни все узнать.

На мельницу в Сарью привозили зерно из разных мест. В окрестности другой мельницы не было, а в гарнизоны люди боялись показываться.

Недешево стоил помол. Пропустил через камни пуд, отсыпай четвертую часть. Это и есть так называемый «фунт». Из-за мельницы в нашей деревне часто бывали чужие люди. Это настораживало. Особенно присматривались к приезжим из западных районов Белоруссии. Там, как известно, всего два года просуществовала Советская власть. Люди не успели еще крепко сродниться с ней. Были, бесспорно, и такие, которые радовались измененной войной обстановке.

Однажды какой-то набожный крестьянин привез с собой «божественное» письмо. В этом письме говорилось о скором конце света, от которого якобы можно избавиться только при условии, если все будут просить спасения у бога. Каждый, кто прочтет письмо, обязан переписать его текст от руки и передать другим.

Вслед за письмом появился «святой» хлеб. Требовалось от каждой хозяйки, чтобы она взяла лопот этого хлеба, растворила его в тесте, испекла свежую булку и пустила бы ее по рукам как святую.

Находились доверчивые. Особенно податливы были старушки. Чуть что случится, так и понесли по деревне. Не одна из них пролила горькие слезы над «святым» хлебом и «божественным» письмом. Как говорят в народе: «Утопающий и за соломинку хватается». Люди находились в постоянном страхе, в ожидании все новых и новых бед. Вот и склонны были любой небылице верить.

Но все наносное сразу отступало, если по деревне начинали ходить слухи о том, что скоро придет Красная Армия.

Особенно много обнадеживающих разговоров вызвали такие события.

На дворе свирепствовал февраль. Ударили крепкие морозы. Северный ветер поднимал снежную пыль, гнал ее, заметая все дороги и стежки.

В такую метель Николай Гинько и уговорил Бронислава Антоновича съездить в Селянку (так называется пуща) и там проверить, как стреляет наше оружие.

— Самое подходящее время, — заверил он и не забыл повторить излюбленную фразу: — Темное дело будет.

Это значит, шито-крыто, никто не заподозрит.

Предложение резонное. Мы знали, что в такую ненастную погоду оккупанты не заберутся далеко. Их сейчас не выгонишь из гарнизонов.

Захватили с собой пулеметы, несколько винтовок. Но «охотники» так увлеклись стрельбой, что все окольные деревни всполошили. Слышны были пулеметные очереди и в Сарье. И сразу же от дома к дому пошла молва:

— Наверное, наши высадили где-то недалеко десант.

Еще больше усилило всевозможные толки нападение на мельницу.

В одну из вьюжных ночей к ней подъехали на подводах вооруженные люди. Взломали дверь и забрали полторы тонны собранных для отправки «фунтов». Следы, оставленные ими, замела метель.

Только лишь нам, подпольщикам, было известно, кто приезжал на подводах и где сейчас запрятаны «фунты».

Да как было не знать. Можно сказать, вместе действовали. Мы разведали обстановку, а Саша Громов со своими боевыми друзьями сделали все остальное. Это они на подводах увезли муку.

Стрельба в Селянке. Разгром мельницы. Разговоры о десанте. Все это заставляло людей верить в то, что фашисты не вечно будут на нашей земле. Бабки забросили «святой» хлеб, совершенно забыли о «божественном» письме. Упорно начали поговаривать, что вместе

с наступлением весны обязательно придет Красная Армия.

Но это были пока только слухи. Люди желаемое выдавали за действительность. О положении на фронте никто ничего толком не знал. Где наши? Долго ли продержатся оккупанты на советской земле?

Захватчики все еще продолжали трезвонить: «Москва капут. Хайль Гитлер!».

Весна наступала дружная. Прилетели аисты. А их в Сарье было столько, что деревню нашу в шутку называли «буслиная республика».

На старинных тополях, что возвышались над селом, груздились старательно сложенные гнезда. С каждой весной их становилось все больше и больше. Прилетят из теплых стран «молодожены», облюбуют удобную развилку и по соседству со старожилками начинают строить для себя жилье.

Чем привораживали к себе деревья-великаны гордую птицу — трудно сказать.

Никому не позволено было трогать аистов. Каждому жителю села с детства внушалось строгое и неизменное понятие: «Тронешь гнездо этой птицы — дом сгорит». В этом поверье воплотилась любовь людей ко всему живому, что их окружает.

По-особому был привязан к аистам пастух Данила. Может потому, что жизнь его началась так же, как говорится в народной пословице: «Аист принес». Данила не помнил ни отца, ни матери. В тяжелые годы гражданской войны, когда смерть беспощадно косила людей, нашли его в пеленках под кустом. Определили в детдом. Назвали Данилой, а фамилию дали Найденок. Впоследствии парень оказался в Сарье, в семье коммунаров.

Как только выпадет у Данилы свободная минута, глядишь, он уже у тополей. Придет сюда, засвистит переливисто, и сразу, словно по команде, вся окрестность наполняется перестуком: та-та-та-та...

Проведет переключку, «переговорит» со своими любимцами, затем расстелет свитку и начинает мастерить поплавки для рыбацких снастей.

Обычно Данила располагался под самым большим тополем, на котором, по его утверждению, селилась самая старая пара.

Любил Данила наблюдать за аистами, когда те всем семейством начинали парить над убранными полями. Попросит помощников-подпасков за скотом понаблюдать, а сам приляжет на пригорок и, не отрываясь, часами смотрит в небесную синь.

В самом деле, хороши аисты в полете! Заберутся ввысь и давай там с распростертыми крыльями всевозможные круги и спирали выводить. Создается впечатление, что какой-то волшебник без устали вертит птиц на длинных невидимых нитях.

Душевная умиротворенность сменялась тоской. Ведь так всегда аисты готовятся в дальнюю дорогу. Улетят, жди тогда, когда вернутся.

Этой весной раньше обычного вернулись в родные края Даниловы птицы. А он по-своему постарался объяснить причину:

— Должно быть, наши скоро придут. Птица, она понимает, что где творится на земле.

Ранний прилет аистов всегда считался в деревне верной приметой к лучшему.

Но случилось так.

Оккупанты, чувствуя перемену в настроении населения, все чаще стали совершать объезды по селам. В один из субботних вечеров они завернули в сторону Сарьи. И, как говорят, с корабля попали на бал. В Нижнем Фомине, соседней с Сарьей деревне, молодежь собралась на вечеринку. Подобные мероприятия запрещались немцами. Но разве молодежи укажешь. Договоятся между собой, затащат музыканта в более укромное место и пошло: «Шире круг!».

На этот раз танцевали в доме, выстроенном перед самой войной под контору колхоза. Он стоял на отшибе деревни, у самой реки.

Заиграла гармошка. Закружились в польке пары. И вдруг с улицы послышалась чужая речь, под окнами захлопали выстрелы. Веселое настроение сменилось страхом.

— Хальт! — закричал гитлеровец, ворвавшийся в дом с группой полицейских.

Молодежь сбилась в дальний от дверей угол, как стадо овец, зажатое стаей волков.

Говорят, в Бузове вот так же непрошенные гости нагрянули на вечеринку, приказали всем раздеться и тан-

цевать в чем мать родила, а когда натешились диким зрелищем, забрали с собой верхнюю одежду танцоров и укатили в гарнизон.

Что же здесь придумают варвары?

Погалдели между собой гитлеровцы, о чем-то переговори́ли с полицейскими. Те сразу же ретиво взялись сортировать толпу: местных — в одну сторону, пришедших из других деревень — в другую.

Полицейские остались караулить пленников. Немцы поехали куда-то еще. Вернулись назад уже с восходом солнца. Зашли в дом, поставили посреди зала скамейку и всех парней пропустили через «горячую парную». Каждому всыпали по десять плетей.

Досталось всем. Но, пожалуй, самую глубокую боль каратели причинили Даниле, хотя он и не подвергся наказанию.

Что же случилось?

Когда к дому, где веселилась молодежь, подъехали фашисты, парень был у реки. Тут же и спрятался в лозняке. Всю ночь пролежал неподвижно. А как только стало светать, ползком добрался к старице — бывшему руслу реки, заросшему олешиником. Поднялся, размял затекшее тело. На фоне неба четко выделялись остроконечные шпили — постоянный ориентир родной деревни. Старожилы рассказывают, что эти шпили были причиной извечных ссор между католиками и православными. Католики утверждали, что здания в таком стиле присущи только костелу. Православные доказывали свое: мол, и церкви бывают с множеством остроконечных украшений. И служило это сооружение как одним, так и другим, в свое время было и костелом и церковью.

В войну верующие старушки вместе посещали храм. С одинаковым негодованием возмущались, когда оккупанты наставили своих крестов у самого парадного входа.

— Нашли место, где хоронить. Они же совершенно иного бога, — твердили старушки и все упрашивали мужчин, чтобы те перенесли могилы гитлеровцев в какое-либо другое место.

Еще раз посмотрев в сторону родной деревни, Данила ускорил шаг. Рядом со шпильями показались голые сучья тополей. Вдруг холодом обдало тело.

Данила сразу понял — случилось страшное. Когда он лежал в лозняке, со стороны Сарьи слышны были выстрелы. А сейчас на деревьях не видно его аистов.

— Эх вы, фашисты! Гады вы... — зашептали губы.

Гитлеровцы, оказывается, всю ночь провели на колесах. Где только не рыскали! Перед рассветом их повозки остановились под тополями-великанами. Решили передохнуть. И вдруг над их головами: та-та-та-та...

Внезапный клекот аистов перепугал вояк.

Дорого поплатилась гордая птица за поднятую тревогу. Обнаружив виновников, каратели открыли по ним стрельбу...

Опустели гнезда, осиротели деревья.

Вторично на своем веку осиротел и Данила. Нигде человек не находил утешения: пойдет к реке — тоска не отпускает, переберется в лес, обхватит голову руками и бродит так от дерева к дереву.

После видели сельчане, как Данила собирал около бывшей колхозной кузницы старые зубья от борон, загонял их в стволы деревьев, на которых раньше были аистовы гнезда. Забирался туда, снимал убитую птицу, осторожно клал ее на землю и хоронил под самым большим тополем, на том месте, где обычно мастерил поплавки.

Безутешное горе в конце-концов вылилось в неужимую злобу к завоевателям. В одну из ночей Данила направился к костелу. Подошел к первому березовому кресту, вмиг вырвал его из земли и давай в полную свою силу колотить по остальным, при каждом ударе приговаривая:

— Вот вам, сволочи! Вот вам, изверги!

Учиненный Данилой погром всполошил местное начальство. С самого утра оно взялось за расследование. Колосовский в первую очередь пытался найти свежие следы. Но ночью прошел дождь, все следы у могил смыло.

Позвали Брониславу Астапкович. Она жила в доме, где размещалась волостная управа. А рядом — кладбище оккупантов.

— Ты случайно не видела, кто ломал кресты?

— Какие?

— Те, за которые нам могут поставить крест... Около костела.

— Истинный господь, не знаю. Может, подгнили и сами упали. А может, какая блудливая лошадь зад почесала...

Полицейский так посмотрел на женщину, что та сразу отступила назад.

— Что-нибудь не так сказала? Простите, — не растерялась Бронислава.

Ох, и острая она на язык! Между тем профессия у нее солидная — тракторист. Еще в начале тридцатых годов стала механизатором.

Не было у Брониславы ни мужа, ни детей. Жила, как говорят, бобылем. Где приютится, там и хорошо. Постоянно тянулась к людям, любила поговорить, поддеть кого-либо колкой шуткой. И всегда ей эти шутки легко сходили.

Начатый разговор она также свела на шутку.

Немецкие холуи не успокаивались.

— Кто поломал кресты? Кто посмел такое сделать? — подобные вопросы задавались почти каждому взрослому.

А что можно было на них ответить? Если кто и догадывался — молчал.

Чтобы разрядить обстановку, мужчины восстановили разрушенные могилы: поставили березовые кресты, уложили дерн.

Однако через несколько дней деревню всполошила новая весть — Николая Гинько арестовали. Люди при встрече первым делом заводили разговор об этом, пытаясь установить причину ареста Николая.

Тревога за судьбу Николая свела сельчан вместе. Вот собрались они около дома Якуба Махоньки и рассуждают:

— Арестовал его Колосовский. Чуть было не пристрелил, когда Николай оказал сопротивление.

— Что он им сделал? — допытывались нетерпеливые.

Мужчины затягивались крепким самосадом. Женщины с нетерпением поглядывали на дорогу, что вела к волостной управе.

Бронислав Антонович попросил Дусю сходить к «своему» начальству. Достаточно вспомнить случай с вербовкой молодежи в Германию. Может, что удастся узнать и на этот раз.

Нас, подпольщиков, особенно волновала причина ареста Николая. Может, дело Даниловых рук приписали ему? А может, о листовке дознались?

На той злополучной вечеринке, когда парней избивали плетями, Николай поступил довольно рискованно. Как только уехали немцы и их холоуи, он собрал вокруг себя молодежь и познакомил всех с текстом призыва Родины.

Но что бы ни случилось, нужно помочь товарищу. Ведь друг другу давали клятву: если кто-либо из нас попадет в беду, принимать срочные меры к спасению.

Собирались мы обычно у ручья, там, где висят обломки давным-давно разрушенного бетонного моста. Под этими обломками можно упрятать целый взвод.

И на этот раз все без промедления были на месте.

— Может, ничего страшного пока нет, — произнес всегда спокойный Герман Куприн. — Арестовали, разберутся и отпустят.

— А если в Дриссу погонят?

— Такого допустить никак нельзя, — сказал Бронислав Антонович. — Если станет известно, что погонят в Дриссу, тогда придется делать нам засаду в обуховском лесу.

— Как же узнать об этом?

Бронислав Антонович уже в который раз нетерпеливо выглянул из-под обломков бетона и взволнованно проговорил:

— Где же Дуся? Пора бы ей быть...

С запада надвигалась туча. Разразился сильный ливень. Сейчас смотри не смотри — ничего не увидишь. Бронислав Антонович заметно волновался. Его настроение передавалось всем.

А вот и Дуся!

Она сообщила, что Николая отпустили.

— Случай помог. К Колосовскому свояк приехал, тоже полицейский. По этому поводу в управе закатили пьянку... А тут кстати подошла Броня Астапкович. Обоих пригласили на самогон. Мы постарались уговорить начальство, чтобы отпустили Николая домой.

А тот легок на помине. Вынырнул из кустов, протиснулся между нами, стараясь быть подальше от дождя, хотя на нем уже сухой нитки не было.

Тут же все засыпали Николая вопросами:

— Рассказывай, как было?

— Думал угробят, сволочи. Этот гад, Колосовский, привязался ко мне из-за гимнастерки. «Почему, говорит, носишь советскую шкуру?». Я не помню, что и ответил. Он шомполом по спине. Тогда я его фашистской собакой обозвал. Дошло до оружия.

Николай перевел дыхание и добавил:

— Под расписку отпустили. Видимо, побоялись, чтобы я их пьяных не передушил ночью. Дали стакан самогона и говорят: «Иди, а завтра — в Дриссу».

— Говоришь, в Дриссу? — переспросил его Бронислав Антонович. — Ситуация складывается сложная. Немцы, пожалуй, еще не забыли о том случае с мукой. На сегодняшнюю ночь намечена новая операция — нужно разгромить мельницу окончательно. Об этом есть договоренность с Громовым, Глазовым, Сазоновым. Они обещали подъехать. Именно сейчас мы должны все быть начеку.

— Признаюсь, не выдержал, виноват...

Но снова заговорил Бронислав Антонович:

— Пока мы здесь, а не в лесу, нервы следует крепко в кулаке держать. Иначе напорем такого, отчего вся деревня прахом пойдет.

Ночью деревню разбудили пулеметные очереди.

От нашей халупы мельница находилась шагах в пятидесяти. Младший братишка толкнул под бок, а сам дрожит, как в лихорадке.

— Слышишь, стреляют.

У окна уже стоял отец.

— На подводах подъехали, — шепнул он.

Отец мучился в догадках, кто бы это мог быть. Мать стала упрашивать меня, чтобы не ввязывался ни в какие дела. Видимо, кое о чем догадывалась.

Дня три тому назад у нас был Саша Громов, а после зашел Николай Гинько. Говорили шепотом. Мать неоднократно прерывала разговор своим внезапным появлением. То ей одно потребуется, то другое. От матери трудно скрыть что-либо. Каким-то подсознательным чувством она улавливает то, что ее тревожит.

На мельнице и в этот раз действовали подпольщики во главе с Александром Громовым. Сарьянцам никак нельзя было прямо подключиться к делу — могли себя демаскировать, тем более после случая с Николаем

Гинько. В наши обязанности входило дать точные сведения, разведать обстановку.

Мучительно долго тянется время. Будто бы это не майская ночь, а октябрьская.

Но вот постепенно стало светать. Под окнами запел соловей. Защелкал, залился беззаботной трелью.

В здешних местах есть где водиться соловьям. В центре деревни большая площадка, а кругом ее сирень, да какая! Кусты пышные, разросшиеся. За ними ровные ряды лип, сад на добрых полсотни гектаров. За речкой роща с разными деревьями, кустарниками.

Прорезались первые лучи солнца. Но улица пробуждалась без привычного скрипа калиток, мычания коров. Вроде бы деревня с ночи вымерла.

Но это не так. С полуночи люди не смыкали глаз. Не спали и в доме Гинько. На рассвете Николай, поцеловав сонных сестричек и братишек, попрощался с матерью и ушел.

Женщина, проводив сына, присела на скамейку, заплакала.

— Мама, ты плачешь? — подняв взлохмаченную головушку, спросил Дима — один из младших сыновей — и стал тереть кулачками заспанные глаза.

Проснулись все дети. Они сразу увидели пустую кровать Николая и, как по команде, вспорхнули со своих мест, обступили плачущую мать.

Так их и застал Бронислав Антонович.

— Я на минутку, — сказал он и, увидев, что Николая нет, добавил: — Ага, ушел. Правильно сделал. Хотел его об этом предупредить.

Хозяйка дома передала, что сын будет ждать у омота.

Мало-помалу народ начал выходить на улицу. Позже всех, видимо, в это утро встало волостное начальство. Поднялись и начали опохмеляться.

О разгроме мельницы им сообщила Бронислава Астапкович. А что говорить, ее подучила Дуся после наставления Жука. Тот все старался отвести подозрение от деревни.

— Наверное, десантники, — вразумляла Астапкович пьяные головы, придавая своему рассказу убедительные интонации. — Говорят, на тачанках, с пулеметами. Мальчишки окурки «Беломора» нашли...

— Что ты мелешь? — всполошился Колосовский. — Неужели это правда? Ай-ей-я!

— Не завидное, брат, твое положение, — заговорил приезжий полицейский. — Скажут, партизан развел, десант под носом держишь...

Умнее всех оказался бургомистр.

— Давайте об этом смолчим. Не будем сообщать в Дриссу.

И он стал упрашивать гостя, чтобы тот, избавь бог, не выдал их.

— Сказано — могила, — пробасил тот глухим пропитым голосом.

— Тост за наше соглашение, — предложил бургомистр.

Вымазанная в сало рука его потянулась к большой, оплетенной лозой бутылке.

Заправившись до отрыжки, пьяная братия потащи-лась к месту происшествия.

На этот раз мельница была по-настоящему разгром-лена. Дверь, выщербленная пулями, сбитый замок, лест-ница, усыпанная мукой, выведенный из строя локомо-биль — все говорило о смелой ночной вылазке.

— Созвать понятых, — приказал Колосовский.

Пришло несколько мужчин и женщин.

— Слышали ночью стрельбу?

— А как же, слышали...

Полицейский записал тех, кто отозвался.

— А кто видел?

— Да кто? Многие! — высунулся из толпы Иван Во-ронович. — Вот и я, например, видел. Слышу, грохочет что-то по улице. Посмотрел в окно — подводы в парной упряжке.

Фамилии всех, кто дал показания, внесли в акт. Каждый подписался.

Когда эта церемония закончилась, солнце было уже высоко. Полицейские от мельницы двинулись к дому Гинько.

Но тут бургомистра по дороге перехватила его жена.

— Без тебя обойдутся, иди лучше проспись, черный стал, как земля.

Усадьба бургомистра находилась в центре деревни, напротив «красных» ворот. Назывались ворота красны-ми потому, что выложены были из добротного красного

кирпича. До войны их украшала вывеска: «Колхоз «Маяк». Вверху, у самого стыка перекладин, постоянно развевался алый флаг.

Посмотрел Филипп на эти ворота, виновато опустил голову и беспрекословно подчинился своей хозяйке.

— Пойдем, пойдем, Агриппинушка. Лучше поспать, чем...

Оборвав себя на полуслове, он неуклюже зашагал к своему дому.

Не ладилось у Филиппа с семьей. Когда стал он бургомистром, дочери перестали считаться с ним как с родным отцом. Переменила свое отношение и жена. Она всегда с испугом воспринимала слово «бургомистр», чувствовала какую-то долю вины перед односельчанами за своего мужа. Это заставляло ее идти разыскивать своего пьяного муженька и тянуть его домой. Он мог натворить своим землякам неприятностей больше всего под хмельную голову.

Удивлялись мужчины, как водка может свести с ума. Ведь раньше знали Филиппа совершенно иным человеком.

Полицейские, не найдя Николая, начали угрожать семье. Матери его так и сказали:

— Если не явится Николай, плохо будет.

ПОВОРОТ К ОТКРЫТОЙ БОРЬБЕ

Когда я под вечер зашел к Жуку домой, он сидел за столом, о чем-то думал. Ефросинья Ивановна была на кухне, занималась домашними детьми.

— Проходи, — сказала она и задернула на окне занавеску.

Следом за мной явился Чеслав Лавринович. Встретив нас, Бронислав Антонович признался:

— Понимаете, вспомнил прожитые годы. Словно фильм просмотрел.

Есть что вспомнить этому человеку — и плохое было, и хорошее...

Совсем еще мальчонкой запрягся в непосильный труд. Отец умер, а Брониславу не было и десяти лет. Тяжелое положение семьи еще больше усложнялось, когда из голодного Питера привезли на попечение двоих

пареньков-сирот. Это были племянники Бронислава, оба младше его. Бронислав один зарабатывал кусок горького хлеба на всех. Пас скот у кулаков, ходил по найму.

В 1928 году из фольварка Шаболтасы семья переехала в Сарью. Батрацкую долю сменила трудовая жизнь в коллективе коммунаров. Крестьянского хлопца, прошедшего суровую трудовую школу, посылают на первые белорусские курсы трактористов. Через некоторое время он уже распахивал на «фордзоне» в родном краю межи узких крестьянских полосок.

За рулем трактора Бронислава Антоновича застала война. Послали сопровождать технику в глубь страны, чтобы она не досталась врагу. Даже с семьей некогда было попрощаться.

Колонну тракторов механизаторы из Дриссенского района привели в Ржев. Там встретились с представителем Витебского обкома партии В. И. Можайским, который формировал специальные группы для засылки в тыл врага. Бывший бригадир тракторной бригады Бигосовской МТС, как и многие другие товарищи, отправился в обратный путь.

В составе небольшой группы Бронислав Антонович добрался до своего района. Здесь пути друзей разошлись. Каждый имел свое определенное задание, но цель у всех была одна — поднимать народ на борьбу с оккупантами...

— Присаживайтесь, поговорим. Нужно крепко обмозговать, как дальше быть! Обстановка, как видите, сложилась довольно трудная, — произнес Жук. Чувствовалось, что он больше всего переживает из-за непредвиденного происшествия с Николаем.

В своей квартире Бронислав Антонович не опасался откровенных разговоров. Дети еще маленькие, а жена, Ефросинья Ивановна, посвящена во многие наши дела. Иначе не могло быть. Рядом с ней живут два подпольщика — муж и родная сестра. Она должна была держать в строгой тайне все, что знает. Это требование Ефросинья Ивановна выполняла безупречно. Больше того, она умела создать нужную обстановку, когда у них собирались подпольщики. На всякий случай положит на стол игральные карты, проследит за тем, чтобы никто не шлялся под окнами.

Чеслав уселся напротив хозяина дома, механически стал перебирать в руках колоду карт. Он, по-видимому, как и я, ждал, что скажет старший. А тот поднялся с места, подошел к ползающему по полу сынишке, взял его на руки, подбросил к потолку, затем заглянул в черные, как смоль, глазенки малыша.

— Неужто, Гена, придется настоящим генералом быть? А, как? — и осторожно опустил сынишку на пол. — Беги на кровать.

Гена причастен к тому, что отца «генералом» величают. После того как он появился на свет, взволнованный отец пришел к колхозной кузнице. Там обычно собирались любители деревенских новостей. Кто-то из мужчин спросил:

— Мальчик или девочка?

— Знаете, генерал родился. Гена... Геной будем звать...

Шутка шуткой, и прилепили человеку кличку «генерал».

— Значит, нужно собираться в партизаны, — по-своему понял Чеслав.

— Да, — последовал твердый ответ. — Уходить в партизаны нужно. Иначе всех по одному заставят прятаться. Это в лучшем случае, а нет, так в Дриссу загонят на истязание. Но как лучше поступить? После нашего ухода останутся в деревне люди. Они нам не чужие. Как все не ко времени...

Да, дорогой наш старший товарищ, нужно что-то предпринимать. Сейчас бы тебе встретиться с теми, с кем шел в тыл врага. Они бы посоветовали, подсказали разумный выход.

Так получилось, что среди нас в это трудное время не было коммунистов. Осталась в селе одна Мария Шалимова. Но чем она поможет? Ей и без этого тревог хватает. Она знает, что сынишка ее, Виктор, помогает подпольщикам и, как может, наставляет паренька. Сама она жива лишь потому, что оккупанты никак не могли заподозрить в ней члена партии. Односельчане же ее не выдают.

Все же нам нужно самим решить этот вопрос. Мы — советские люди. Где бы ни находились, в какую бы беду ни попадали, всегда должны стараться найти выход. Все мы формировались под влиянием партии коммуни-

тов. Вся наша довоенная жизнь — это плод мудрого руководства ленинской партии. Она дала нам крылья для взлета, научила любить Родину и ненавидеть ее врагов.

Самой жизнью советские люди подготовлены во всем и везде подчинять себя воле партии. Стало быть, все мы являемся активными ее борцами.

Я лично доволен тем, что пути войны привели меня в Сарью, где нашлись надежные боевые друзья. Останусь жив, наверняка буду благодарен такой судьбе. И можно твердо сказать: никто из нас не свернет в сторону от начатого дела. Известно, нелегко будет в открытой борьбе с врагом. Но сражаться будем, чего бы это ни стоило.

В каждом деле есть свои трудности. Так и у нас. Народ, бесспорно, поддержит. Но нужно так все повернуть, чтобы спасти деревню от уничтожения.

Стараясь найти правильное решение, Бронислав Антонович вдруг сказал:

— Послушайте, а может, сделаем, как в «Железном потоке» Серафимовича? Предложим всем погрузиться на телеги и двинемся обозом поближе к фронту, — но тут же свою мысль закончил шуткой: — Не выход — рассыпемся по дороге. Да и многие не согласятся на это.

— Ладно, будем расходиться, — заключил хозяин квартиры. — Утро вечера, говорят, мудренее. — И обратился ко мне: — Завтра с утра захвати удочки — и на омут. Встретимся там с Николаем и еще подумаем.

В сложившейся обстановке Бронислав Антонович придерживался такого мнения: полицейским прежде всего нужно поймать Николая Гинько. Их больше всего беспокоит дело с распиской. Они не хотят, чтобы об этом узнали немцы. Значит, и с семьей пока ничего не станут делать. Просто решили взять на испуг мать Николая.

А события разворачивались своим чередом. На другой день к волостной управе подкатили две автомашины, полные солдат. Скорее всего, по поводу разгрома мельницы. Видно, пронюхали. Шило в мешке не спрячешь.

О том, что в деревню приехали немцы, нам сообщил Дима, младший братишка Николая Гинько. Прибежал к омуту запыхавшийся, испуганный. Еле допытались,

что стряслось. Выслушали мальчишку и направили его обратно в деревню. Хотелось более подробно узнать о визите карателей.

— Постарайся Дусю встретить, — попросил своего брата Николай, — смотри только, чтобы не заподозрили. Осторожно пробирайся. Понял?

Немцы сразу взялись за дело. Но люди вели себя так же осмотрительно, как и на расследовании у Коловского.

— Видели, слышали, но кто был, не знаем, — отвечали они.

Это выводило гитлеровцев из себя. Они пытались запугать оружием, виселицей. Сидевший в центре за длинным столом офицер уже в который раз вытягивал из кобуры парабеллум и кричал:

— Капут.

Переводчик объяснял присутствующим на ломаном русском языке:

— Вешайт будэм, понимает, вешайт!

Бургомистр и полицейский тайком боязливо переглядывались. Против своей воли они вынуждены были держать язык за зубами. Как это так, в деревне, где сами живут, такие беспорядки под носом творятся! Значит, местные власти бездельничают.

Больше всего, видимо, тревожила служак история с Николаем. Арестовали, а затем отпустили под расписку. Полный конфуз. Подсунь теперь эту расписку — так распишут спину, что только держись.

Так и окончился бы этот допрос, но тут в дверь просунулся Замбар. Льстивый мужичок привлек к себе внимание.

— Не знает вы случайно, кто мельницу разграбил? — в упор спросил подошедший к нему переводчик.

Замбар, воровато забегал глазами, поманил переводчика в угол.

Немецкий офицер приказал всем оставить помещение.

Замбар — житель Ракшней. За ним давно закрепилась плохая слава. До войны все время держался в стороне от колхоза. Когда подходил сенокос — обычно в лесничество устраивался работать, зимой пропадал где-либо на промысле. Всегда искал для себя теплое местечко.

Не так, как следовало, этот ловкач повел себя и в первые дни войны. Прежде всего постарался укрыться от народного ополчения, а когда появились оккупанты, стал отбивать им поклоны. Не без его участия в волости составлялись списки семей коммунистов и комсомольцев, арестовали Глазова и Сазонова, когда они появились в наших местах. И сейчас пошел на подлость. Но, к счастью, он мало знал о нашей деревне. Видно, только и сообщил о том, что за Сарьей следует особо поглядывать.

Через несколько минут все вновь были собраны в управе. Немецкий офицер, поскрипывая сапогами, расхаживал по залу. Его цепкий взгляд то останавливался на тщедушной фигуре бургомистра, то с ног до головы мерил вытянувшегося как столб Колосовского. Было ясно: гитлеровец оценивал, смогут ли они служить хозяевам «нового порядка».

Поняв ситуацию, Колосовский стал жаловаться на непокорность местных жителей. Не преминул упомянуть о Николае.

Все закончилось тем, что гитлеровцы усадили в машину всех свидетелей, захватили с собой бургомистра и укатили в Дриссу. Колосовскому приказали во что бы то ни стало поймать Николая. В помощь ему оставили двух полицейских.

Немного позднее прибежавший Дима сквозь слезы сообщил, что его выгнали из дому полицейские на поиски Николая.

— Сказали, если не придешь к утру, дом взорвут гранатами. Маму не выпускают на улицу...

Много было высказано вариантов. Остановились на предложении Николая. Дом, в котором они живут, каменный. Под ним большой подвал. Из подвала есть выход к ручью.

— По этому ходу проберусь в дом и без шума выведу оттуда всех, — раскрыл свой замысел Николай, — а там ищи-свищи. За ночь доберемся на Освейщину, добрые люди спрячут.

За домом Николая наблюдали те двое полицейских, которых оставили немцы. Расчет такой: беглец под прикрытием темноты обязательно попытается пробраться домой. С вечера они притаились на улице под окнами, а когда продрогли, зашли в дом. Осмотрели все внима-

тельно, по-своему оценили обстановку: в спальне, где находились дети, окон не было. От передней комнаты и кухни ее отделяла высокая дощатая перегородка. «Значит, никто не убежит», — решили полицейские. А лаз из спальни в подвал не заметили.

Расположились холуи в передней комнате, вытащили из кармана по бутылке самогона.

— За ваше здоровьичко хотим выпить, — съехидничал один из них, обращаясь к хозяйке дома.

Другой, недобро усмехаясь, добавил:

— Значит, и закусь ваша... А долго еще рассчитываете жить?

Лицо хозяйки потемнело от гнева. Натруженные многолетней работой руки сжались в кулаки. Казалось, что эта женщина еле сдерживает себя, чтобы не наброситься на полицейских.

— Здоровье не вы мне давали, но вот отнимать его — это вы мастера! Бросайте сейчас свои бомбы, не мучьте до утра.

Потом решительно подалась вперед, рванула руками ситцевую поношенную кофту, обнажив грудь, и выкрикнула:

— Нате, рвите мое сердце, сволочи, пейте кровь, людоеды!..

А Николай в это время тихо пробрался в спальню через лаз. Осторожно растормошил уснувших ребят, сказал им не шуметь и укрылся за висевшей на стене одеждой.

За перегородкой долго еще слышались тосты, звон стаканов, встревоженный голос матери, угрожающая брань пьяных полицейских. Потом все постепенно стихло.

— Захрапели, гады. Пусть бы и не проснулись, — шлепая босыми ногами к спальне, проговорила хозяйка дома.

Перед ней стоял Николай.

— В самом деле уснули? Собирай быстрее малышей и через подвал пробирайтесь к ручью, а я на всякий случай...

В руках Николая появился пистолет.

Не сразу сообразила мать. От неожиданности она едва не вскрикнула. Затем вроде бы окаменела и так стояла с минуту. Никак не могла разобраться что к че-

му. Затем спохватилась и послушно стала собирать в дорогу детей.

Так и не удалось полицейским поймать Николая Гинько, расправиться с его семьей.

Теперь нужно было быть предельно осмотрительными. Полицейские заглядывали в дома, осматривали чердаки, шныряли по закоулкам.

На следующий день после побега семьи Николая вернулись все, кого немцы возили в Дриссу. Никто не хотел хвалиться «угощением». Даже бургомистру и тому всыпали двенадцать плетей.

Сарья, несомненно, попала под особое подозрение. Не хватало, чтобы гарнизон еще разместили здесь!

Нужно было срочно готовиться к уходу в партизаны. К этому времени до нас дошел слух, что в россонских лесах уже действует группа патриотов. Где-то под Клястицами они вели бой с карателями. На дороге Освея — Кохановичи взорвали на mine автомашину.

Но как связаться с россонскими партизанами?

Наладить связь поручили Николаю Гинько. Как только он определил мать с семьей у дальних родственников, живших в захолустной деревушке на Освейщине, Бронислав Антонович дал ему задание побывать в Россонском районе, постараться встретиться с партизанами.

Около десяти дней скитался Николай по лесам, прошел более сотни километров, но вернулся назад ни с чем.

Но другого выхода нет — и опять поиски.

А в это время волостное начальство объявило награду тому, кто поможет поймать Николая. Все чаще и чаще стали навещать Сарью немцы. Строго-настрого запрещалось людям появляться на улицах с наступлением темноты. Все это не случайно. Значит, гитлеровцы придавали событиям в Сарье особое значение.

Трудно было в бездействии проводить время. Час казался днем, день вечностью. Тяжело было смотреть на односельчан, угнетенных постоянными заботами и тревогой.

Скорее бы Николай вернулся. Нужно братья за оружие. Надоела уже игра в прятки!

С такими невеселыми мыслями я чуть свет поднялся с кровати, умылся, вышел на улицу. Сегодня воскре-

сенье. Первое воскресенье месяца, принесшего на нашу землю большую беду.

А утро выдалось такое, что, кажется, не может быть войны, ничего тяжелого, мрачного. Купол неба как будто кто подкрасил слабо разбавленной синькой. Кругом свежо, тихо. На деревьях не шелохнется даже самый легкий листик.

— Эй, парикмахер! — послышался голос Бронислава Антоновича. Это он заметил меня и подал сигнал.

— Парикмахер, иди побрей!

Так, какая-то новость есть.

Мне часто приходилось выполнять подобного рода поручения. Одного побрей, другого подстриги. Но сейчас для нас, подпольщиков, фраза «иди побрей» стала паролем.

Сообщение оказалось радостным — Николай прибыл.

— Если хочешь его видеть, пробирайся в оранжерею. Там он, — подсказал Бронислав Антонович.

— Он там не один. С ним еще товарищ. Передай своей сестре, — продолжал Жук, — пусть с Ольгой подготовят, что нужно для завтрака, и доставят туда. Им сподручнее. Возьмут кошелки и вроде бы в сад за травой пошли. Понимаешь? Только смотрите, чтобы было осторожно.

Хотелось скорее увидеться с другом. Но бежать нельзя. Прошел бродом, потом рощей, у излучины реки перебрался на противоположный берег. Здесь такой глухой уголок, что вряд ли кто заглядывает сюда. По обеим сторонам реки сплошные кусты дикой смородины, выросли лип, ясеня, ивы. А рядом, в саду, бывшая панская оранжерея — обветшалое, полуразрушенное каменное здание.

Николая трудно было узнать. На нем форма немецкого солдата: френч, пилотка, брюки — все зеленого цвета. Он понял мое удивление, поднялся навстречу и засмеялся:

— Чистый ариец. Но ты посмотри, орел на пряжке вниз головой. Это значит — поверженный.

Обвел я друга с ног до головы взглядом и сразу вспомнился веселый, хваткий к работе парень, каким знали Николая в колхозе еще до призыва на военную службу. Он был, как вихрь: сядет на лошадь — сразу с места в карьер, станет с косой в прокос — торопись, кто

вперед! Всегда с задорной песней. И сейчас, кажется, что вот-вот затянет:

Ой, полна, полна коробушка...

Трудолюбивая была вся семья Гинько. Отец долгое время работал конюхом, мать — дояркой, была прославлена на весь район.

Поработал в колхозе и Николай. Когда умер отец, осталось семеро детей. Николай самый старший. Вот и пришлось парню раньше времени впрягаться в мужской труд. Он и пахал, и сеял, и хлеб с поля свозил. И всегда старался никому не уступать.

Сейчас Николаю приходится действовать в новой роли. И здесь он первый.

— Ну как, нашел партизан? — спросил я.

— А как же? Вон, посмотри...

На соломе дремал рослый парень тоже в немецкой форме. Когда о нем зашла речь, поднялся, подошел к нам, подал руку.

Ба, старый знакомый! Леша Новиков. Когда-то вместе на военном участке работали. Вот так встреча!

Алексей рассказал о себе. Он уже не раз бывал в партизанском отряде, который находится где-то в россонских лесах.

Прибыли, оказывается, также Николай Глазов, Василий Сазонов, Александр Громов. Они сейчас в лесу.

Давно уже не видели мы этих товарищей. Глазов и Сазонов ранней весной подались на Освейщину. Некоторое время они находились в Бичикове у Александра Громова, а затем отправились дальше на восток. И вот, оказывается, тропы снова сошлись.

Разговор был прерван завтраком, который принесли девушки. Тут же состоялось свидание. Ольгу уже давно считают в деревне невестой Николая. Еще до войны односельчане собирались на их свадьбе гулять.

Не обошлось без поцелуя.

— Сейчас аппетит удвоится. Хороший поцелуй перед едой лучше рюмки водки, — пошутила Люся.

Чтобы скрыть смущение, Николай взялся за еду и тут же подтолкнул локтем своего друга:

— Берись, а то ничего не останется.

Ушли девушки. Явился Бронислав Антонович, за ним — Чеслав Лавринович. Перебрались все к речке. Здесь надежнее.

Долго совещались. Мнение было единодушным — уходить в партизаны. Но как лучше это сделать? Если бы не семьи — оружие на плечи и пошли.

Нужно было все же обхитрить врага, сохранить семьи, спасти деревню от уничтожения.

Решили сделать так. Четырех прибывших товарищей в деревне, пожалуй, не опознают. Да и Николая Гинько узнать в немецкой форме не так легко. Можно пустить слух, что какие-то вооруженные люди в немецкой форме ночью нагрянули на деревню и всех, кто попал им под руку, увели с собой.

Особо встал вопрос о волостном начальстве. Полицейские сегодня в Росице. Там какой-то католический праздник. Обычно они не пропускают такие события. Наверняка в Росице и заночуют. А как быть с бургомистром и агрономом волости? Лучше всего взять их под арест и увести с собой. Это даже снимет лишние подозрения — забирали людей немцы, а с ними бургомистр и агроном. Но потом как? Вдруг кто из них сбежит?!

Нет, все же надо забрать их с собой, а потом рассчитывать как с изменниками. Кто мог сознательно чинить препятствия пробиравшимся на восток красноармейцам? Только изменники Родины. А как они глумились над попавшими в беду людьми, живыми свидетелями являются Глазов и Сазонов.

Да разве только это! В деревнях помнят слова агронома Бадыни, высказанные им при разделе колхозной земли. Он без стеснения перед всеми выхвалялся: «Мы сейчас хозяева, кому захотим, тому любой надел земли дадим: коммунистам — на кладбище, комсомольцам — на том свете».

План действия был принят единодушно. Распределили между собой обязанности, согласовали время, договорились, кого, где и как забирать.

Володя Пирог, Алексей Аткин, Виктор Сардыка и другие парни, которым доверяли, тоже решили уйти в партизаны. Местом сбора для них определили дом бургомистра. Там вечерами собиралась молодежь. Зоя и Клава, дочери хозяина дома, в случае чего всегда были готовы приоткрыть дверь и всех спрятать в коридоре. Как-никак дом главы волости. Кто посмеет тревожить? А самого Филиппа не беспокоило, что там делает моло-

дежь. Не всегда он и знал об этом: то пьяный спит, как говорится, без задних ног, то где-либо на стороне ночует.

После разгрома мельницы прислужники гитлеровцев стали опасаться ночевать у себя дома. Но нам было известно, где они чаще всего прячутся. На всякий случай под вечер решили проследить за ними.

Днём вместе со всей молодежью своей деревни сходили на танцы в Ракшни. Сейчас никак нельзя было обособляться и этим вызывать лишние подозрения.

Ракшни недалеко. Всего два километра. Долго там быть не собирались. Решили так: пусть девчата станцуют, споют, а мы с нужными людьми переговорим, узнаем их настроение. Так всё и сделали.

Шумной гурьбой возвратились в Сарью, прошлись по главной улице села, около школы.

Под вечер, когда все разошлись, меня какая-то внутренняя сила снова потянула к школе. Ведь школа больше всего напоминала о детстве.

Вспомнились одноклассники, любимые учителя. С каким, бывало, азартом играл с нами в волейбол, лапту Константин Николаевич Петухов. Не раз хвалил он и меня:

— Молодец, ловко ловишь свечки...

Но на уроках Константин Николаевич был требовательным учителем, а я — непоседливым учеником. Возился с рогатками, самопалами.

Где же сейчас Константин Николаевич и другие учителя нашей школы? Жаль, что нет возврата веселому школьному детству...

О суровой действительности больше всего в деревне напоминало это здание с выбитыми окнами и глубокими царапинами на стенах от осколков снарядов. Просторная площадка перед школой, где когда-то под звуки горна выстраивались пионеры, где соревновались в ловкости, стремительности, выносливости, изрыта воронками. На месте спортивного городка стоит одинокий покосившийся столб, а рядом с ним торчат обрубки стальных стоек. Как только в Сарью заявили оккупанты, мужчины убрали здесь все, что могло послужить перекладной для виселиц.

Но всегда после ночи приходит день. И чтобы вновь звенели веселые, радостные голоса детей, нужно бороться за это, смело воевать с врагом.

Мать встретила меня на пороге. Через окно, должно быть, увидела, что иду домой. Вышла взволнованная, расстроенная.

— Что случилось? — спрашиваю.

Когда захлопнулась за нами дверь, она наконец вымолвила:

— Ты куда собрался уходить?

В кухне на скамейке, которую недавно смастерил отец, лежало нательное белье, кусок самодельного мыла. Мать, оказывается, нашла мой сверток, который приготовил взять с собой и припрятал в углу под койкой.

— В баню собрался, — говорю, а сам понимаю, что шуткой от матери не отделаешься.

— Не ври. Ты же вчера в бане был.

Подошел отец. Тоже стал допытываться. Решил я сказать им правду. Заодно посоветовал, как вести себя, если приедут немцы и станут допрашивать. Сестра Люся уже подготовлена к возможной встрече с немцами.

Молча поужинали всей семьей, и я с Люсей направился к дому бургомистра. Там уже сидели Володя Пирог, Чеслав Лавринович, Алексей Аткин, Ольга Махонька. Вышли на улицу Зоя с Клавой.

— Отец дома? — как бы невзначай спросил у Зои Чеслав.

— Нет его. Куда-то подался на ночлег...

Мы уже знали куда. Он решил сегодня переночевать на чердаке дома, где живет Жук. Там сложено свежее сено, а компанию для бургомистра на сей раз составил Бронислав Антонович. Здорово получилось! Там же и заберут их обоих. Одного условно возьмут под стражу, чтобы создать видимость, а уж другого...

У нас же случилось непредвиденное: явился Василий Куприн, с которым никто не договаривался. Василий пришел, тепло одетый, уселся, как видно, надолго, охотно включился в разговор.

— Смелый ты парень, даже своего противника не боишься, — сказал Чеслав, напоминая парню о его недавнем конфликте с хозяином дома.

Василий помнил этот случай. В одно из воскресений подвыпившие мужчины собрались около моста и давай силу пробовать. Здесь лежала чугунная «баба» от копра. Кто больше раз ее перевернет, тот и сильнее.

Подошел пьяный бургомистр и приказал Василию Куприну поставить «бабу» на попа.

— Ставь, если тебе нужно, — огрызнулся парень.

Такой неуважительный ответ задел самолюбие бургомистра. Он еще настойчивее стал добиваться своего. Василий долго не думая размахнулся и съездил ему по уху. После такого «инцидента» отец парня еле склонил Филиппа на мировую.

Мы не опасались Василия. Он свой парень. Припоминается еще такой случай. Когда арестованных в Ракшнях Глазова и Сазонова вели в Сарью, Куприн видел это. Посмотрел на измученных, попавших в беду людей, стремглав сбегал домой, захватил кусок сала, краюху хлеба и к волостной управе. Его отгоняют, а он просит:

— Разрешите покормить. Они же свои люди.

Настоял на своем.

Помогал Василий и нам в работе. Но уж очень большой балагур. Всегда с ним что-либо случается. Да и молодой еще. Поэтому мы и не решались пока посвящать парня во все свои тайны. Придет время, и он тоже будет в партизанах.

— Воспитываю у себя смелость, вот и стараюсь не бояться, — ответил Василий на слова Чеслава. — А вообще я сегодня на службе, мельницу буду караулить.

— Давай-ка иди к мельнице, а то, если что-либо случится, бизунов получишь, — вмешалась в разговор Ольга.

На охрану мельницы ходили по очереди, сегодня из одного дома, завтра из другого, и так из конца в конец деревни. Такой порядок ввели после второго налета на мельницу. Но почему должны сегодня Куприны дежурить? До них еще вроде бы и очередь не дошла. Это еще больше насторожило нас.

Внести ясность, оказывается, мог только Николай Гинько. А с ним произошло вот что.

С наступлением сумерек Николай решил перебежать через дорогу с Мушинского кладбища в бор. Старался, конечно, быть незамеченным. Но только он выскочил, как кто-то окликнул:

— Николай!

Тот сразу узнал по голосу Василия. Остановился. Прятаться было бесполезно. Василий подошел ближе, удивленно посмотрел на немецкую форму.

— Ловкий из тебя немец получился.

Николай предложил:

— Пойдешь вместе с нами в партизаны?

Отказа ни в коем случае не должно быть. Иначе всю задуманную операцию нужно отменить.

Николай схватил Василия за руку, увлек в кусты. Василий, оказывается, шел в Юралово. Там жила девушка, которая ему нравилась.

— Решаешься?

— Да, — последовал ответ, сопровождаемый шуткой: — Свидание отложим на потом...

Сразу же отлегло на сердце у Николая, и он обрисовал Василию положение, объяснил, как поступить.

Вот и явился Василий к нам. А мы, не зная причины, старались отшить его от своей компании, но ничего из этого не получилось. Тот отделивался шутками и продолжал сидеть.

— Смотрите, кто-то идет, — в испуге зашептали девочки.

В сгустившихся сумерках еле просматривались человеческие силуэты. Вот они все ближе и ближе.

— Раз, два, три, четыре... — насчитала Клава и добавила: — Может, полиция? Давайте быстрее в коридор...

Но «ухажеры» как сидели, так и остались сидеть. «Неизвестные» быстро приблизились к палисаднику.

— Ни с места! Руки вверх! — раздалась резкая команда.

Парням приказали по одному выходить на улицу. Защелкали затворы винтовок. «Арестованных» провели вдоль деревни с поднятыми руками.

А потом... Чеслав с Володей вытащили из кустов пулемет, залегли у мостика через ручей. На всякий случай нужно было обезопасить дорогу со стороны Дриссы. Остальные, вооружившись винтовками, незаметно заняли другие посты. Те, кто инсценировал арест, должны были с шумом «забрать» Бронислава Антоновича и арестовать волостное начальство.

Среди нас так же неожиданно, как и Василий, оказался Коля Чиркун. Мать снарядила его искать пропавшую корову, которая вырвалась из хлева, а тот встретился с хлопцами, узнал их и так же, как Василий, решил уйти в партизаны.

Без личного согласия были взяты только двое: бургомистр и агроном волости. Когда в лесу на рассвете они рассмотрели нас, деревенских парней с винтовками за плечами, стали слезно просить о помиловании. Но слишком тяжела была их вина перед народом. Предатели получили по заслугам.

На второй день в Сарью прикатили каратели. Почти всех — и взрослых, и малых — опросили о ночном происшествии. Исчезновение бургомистра и агронома окончательно сбilo их с толку. На вопрос: «Где ваш сын или брат?» — все давали приблизительно такой ответ:

— Не знаем. Какие-то вооруженные люди в немецкой форме ночью нагрянули на деревню и, кто попал им под руку, увели с собой...

Вместо наказания палачи вынуждены были высказывать даже сочувствие.

Врагу не удалось напасть на след будущих партизан. Мы сразу взяли курс к дремучим миловидским лесам на стыке Освейского и Россонского районов. Там, где-то у Черного ручья, уже курились партизанские костры.

Тайные тропы привели в отряд, которым командовал прибывший из-за линии фронта бывший директор Чапаевской МТС И. К. Захаров. Восторженно встретили гостей хозяева лагеря. Как-никак, прибыло свыше тридцати вооруженных бойцов!

Пока шли сюда, в пути к нам присоединялись все новые и новые товарищи. Помнится, в деревне Рубаны встретился молодой парень Яша Тереня. Он знал некоторых из нас.

— Куда вы? — спрашивает.

— В партизаны.

— Подождите немного, и я с вами.

Смотрим, тащит на плечах пулемет и ведет с собой второго номера с коробкой дисков.

Вскоре мы снова были на берегах реки Сарьянки. Таким же образом, как в Сарье, пошла молодежь в партизаны из Дегтярева, Фомина, Бичикова, Громовок. На дорогах, которые вели в немецкие гарнизоны, уничтожили мосты, сделали завалы из деревьев.

Оккупантам уже было не под силу остановить патриотическое движение. Ряды народных мстителей росли и множились.

В БОЯХ И ПОХОДАХ

РАЗГРОМ ГАРНИЗОНА

У костра сидят парни, одетые кто как: в шинелях, в пальто, в ватниках. Рядом оружие. Сидят, разговаривают, ближе знакомятся друг с другом. И у каждого, наверно, свои волнения. Не так просто сразу перейти к совершенно другой жизни. Для того чтобы бить врага, люди оставили свои семьи, домашний уют. А как сложится жизнь в отряде? Неизведанное, непривычное всегда заставляет задуматься.

Николай Чиркун щедро подбросил в костер сухого валежника и начал вспоминать, как ему раньше приходилось с друзьями ночевать под открытым небом.

Однажды поручили нам, мальчуганам, снопы за жнейкой вязать. А поле пшеницы такое... Это под Стунжевом. Ну просто как лес. Сразу запарились... До полуночи работали в поле. Там же и спать улеглись.

Николай рассказывает, а Максим Обухович довольно усмехается. Это он тогда на жнейке работал.

— Давай-ка поясни, почему отстали?

— Почему?!

— А, не хочешь. Тогда я скажу. — Максим подсел ближе к костру. В медном отсвете огня еще четче выделились черты его мужественного лица.

Какой это замечательный человек Максим! В колхозе всегда на первом счету был. И сейчас... Когда вернулись из миловидских лесов и предложили ему идти в партизаны — сразу согласился, без колебаний. Тут же попрощался с семьей и ушел, не задумываясь над тем, как долго будут «хозяйничать» на нашей земле оккупанты.

— Пораньше выехали в поле, — начал Максим. — Один круг сделал, второй. Смотрю, мои помощники не спешат, с самого утра около кустов в прятки заиграли.

Лошади у меня были справные. До обеда большую половину срезал. «Что же отстаете?» — спрашиваю. В ответ: «Дядя, не беспокойся, все в норме будет». После обеда в полушубках заявились. А жара, как в печке. Значит, ночью решили поработать, с ночлегом...

Сидевшие у костра вдруг всполошились. Невдалеке сова заухала. Все знали, что это условный сигнал с поста. Что-то неладно?!

Бронислав Антонович взял с собой несколько бойцов и пошел на зов часового.

Вернулись с незнакомым человеком. Тот назвался балтийским моряком, бежавшим из плена. Его вид явно говорил о перенесенных невзгодах.

— А звать-то как? — спросил Глазов.

— Андрей... Фамилия Белугин.

— Как отыскал нас?

— В деревне подсказали. Я так обрадовался, что не стал ждать, пока светать будет. — Незнакомец осмотрел всех, словно у каждого искал сочувствия. — Поверьте, товарищи, я пригожусь вам. Войсковая специальность моя — оружейный мастер.

Поверили. Но после разговора с новичком нам было о чем призадуматься. Если о нашем расположении, как говорит Белугин, знают в деревне, тогда, может быть, небезопасно оставаться здесь, — ведь среди населения могут легко замаскироваться немецкие прислужники.

Мы разбили свой лагерь буквально рядом с Возновом. Это, пожалуй, не соответствовало тактике партизан в начальный период действий.

Однако решили оставаться на прежнем месте. Нас прежде всего окружает свой народ. От кого же прятаться? От своих людей?

— Давайте только условимся во всем поддерживать дисциплину, — сказал Бронислав Антонович. — Мы сейчас не у тещи в гостях, а на оккупированной врагом территории. Кругом гарнизоны.

Все согласились с его мнением. А он дополнил:

— Нужно нам сейчас решить вопрос и об едином руководстве отрядом. Отряд у нас сложился. Название ему дали громкое — имени Пархоменко. А командуем сообща. Пора кончать с этим. Я лично рекомендую назначить командиром отряда Николая Глазова. Человек он военный...

Глазов добродушно посмотрел на Жука, хотел было что-то сказать, но запнулся, махнул рукой, мол, ладно.

Штабную работу поручили Василию Сазонову. Жук стал командиром первого взвода.

— Единоначалие единоначалием, но ваш совет, Бронислав Антонович, всегда пригодится, — сказал Глазов. — Так что не думайте уклоняться от решения общих наших задач.

Тот улыбнулся и, не долго думая, ответил:

— Дело у нас общее, будем советоваться, помогать друг другу.

Николай Гинько возглавил разведку.

Комиссара отряда ждали от Захарова. Он обещал прислать политически подготовленного человека.

Иван Кузьмич Захаров для нас был авторитетом. В его лице мы видели пока единственного представителя из-за линии фронта. А он, как только узнал о том, что у нас уже сложился отряд, стал оказывать всевозможную помощь. Не пожалел расстаться со своим лучшим товарищем А. И. Литвиновым, с которым сам начинал создавать свой отряд.

И вот прибыл к нам комиссаром Литвинов. Познакомились. Антон Игнатьевич тут же выступил перед личным составом отряда. Все слушали его затаив дыхание. Мы находились далеко от других партизанских отрядов. Постоянная связь еще не поддерживалась. Доходили до нас лишь случайные слухи. Поэтому все было интересно: и как обстоят дела на фронте, и как разворачивают свои действия партизаны. Конечно, о том, что немцев отогнали от Москвы, мы все знали. Эта весть обрадовала людей до глубины души. Но когда же погонят врага на других участках фронта?

Литвинов на это так ответил:

— Погонят фашистов отовсюду. Мы, партизаны, также являемся составной частью великой армии освободителей. Каждый наш выстрел по врагу, каждый взрыв на его коммуникациях приблизит нашу общую победу.

Очень повысила наше боевое настроение весть о том, что партизаны Витебской области имеют прямое сообщение с Большой землей. Где-то под Суражем, как рассказал Литвинов, действует партизанская бригада Миная Шмырева, прославленного героя гражданской вой-

ны. В тесном взаимодействии с частями Красной Армии народные мстители прорвали участок фронта и удерживают его. Через так называемые «ворота» налажено бесперывное движение. Туда, за фронт, переправляются обозы с зерном, перегоняется скот, чтобы все это не досталось врагу. С Большой земли перебрасываются диверсионные группы для действия в тылу врага, поступают для партизан оружие, боеприпасы.

Как бы в подтверждение этому к нам буквально через несколько дней прибыла группа минеров во главе с лейтенантом Бондаревым. Посланцы с Большой земли принесли с собой взрывчатку, патроны.

Бондарев сразу же вступил в тесный контакт с населением. От прибывшего из-за линии фронта человека в нашей армейской форме, да еще с кубиками в петлицах, люди слышали о положении на фронте, о военной жизни страны. Бондарев подробно рассказал о том, как был остановлен враг у стен Москвы, как его гнали от столицы нашей Родины, о стойкости ленинградцев, о мужестве и патриотизме советских людей, поднявшихся на защиту завоеваний Великого Октября.

Заодно решались вопросы, связанные с уборкой урожая, снабжением партизан продуктами питания. Крестьяне охотно соглашались оказывать всемерную помощь. Тут же организовывался сбор средств в фонд Красной Армии.

После каждой встречи в ряды народных мстителей становились все новые и новые бойцы. Не было того дня, чтобы кто-либо не пришел к нам. Вслед за Белугиным из лагерей военнопленных, расположенных в Латвии, потянулась целая цепочка людей: Н. Ф. Кулеш, И. П. Шельков, Н. Ф. Быков, А. Шастин и другие. Мы были им рады. Каждый из этих товарищей имел боевой опыт, хорошо владел военным делом.

Однако пополнение отряда местной молодежью имело свои преимущества. Деревенские парни шли в отряд с оружием: кто с винтовкой, кто с гранатами, патронами. Из Святицы даже пушку-сорокапятку притащили.

— Эта штука, надеемся, пригодится, — сказал Николай Улановский и тут же представил орудийный расчет — братьев Колесниковых.

Улановский не местный житель. Он из бойцов Красной Армии, попавших в окружение. Сумел войти в до-

верие к здешней молодежи, организовать ее. Пришелся он по душе и партизанам. Николай принес с собой в отряд и песни, больше всего народных, украинских. В лесном лагере или на привалах около Николая Улановского стали группироваться голосистые парни и те, кто любил их послушать. Сам он обычно выступал в роли запевалы и дирижера.

Поступило уведомление из Щунок: «Приходите за нами, ждем. У нас есть пулемет, на каждого по винтовке».

Мы пока воздерживались брать молодежь из деревень, расположенных вблизи от немецких гарнизонов. Щуныки же рядом с железнодорожной станцией Дрисса.

Но как было отказать?

После такого приглашения Николай Гинько постарался встретиться с Павлом Пилюшкиным, с которым он давно поддерживал связь как с руководителем так называемой группы резерва. Договорились. Затем Николай взял с собой несколько партизан и ночью навестил Щуныки. Оттуда вместе с Павлом Пилюшкиным пришли в отряд Антон Гончаренко, Петр Солтан, Антон Гарбуль. Все действительно были с оружием.

Односельчане, пожилые мужчины, когда провожали молодежь, дали такой наказ:

— Не по чужой воле идете. Сами решились. Смотрите, не позорьте родную деревню, бейте извергов так, чтобы им тошно было на нашей земле.

Встал также вопрос о Володе Малее, вернее, о его миномете, спрятанном в тайнике. Отряд готовился к разгрому вражеского гарнизона в Росице. Мы понимали, что без этого оружия там будет труднее обойтись. Но Володя не намерен был просто так передавать миномет. Он поставил условие: «Возьмете меня в отряд, тогда открою свой тайник».

Что было делать? Он ведь еще подросток, четырнадцать лет нет. Рано еще становиться солдатом.

И все же вынуждены были согласиться с Володей. Иначе ничего не выйдет.

На переговоры к «минометчику» направился я с Вячеславом Авсюком. В пути Вячеслав сказал:

— Володя сейчас на овине. Он в последнее время дома не ночует. «А вдруг, — говорит, — понадобится, не поднимать же тогда всех на ноги». И просил еще:

решать вопрос об его уходе в партизаны без ведома отца.

Что же, и это условие нужно выполнить. Стараясь быть никем не замеченными, мы подошли к овину. Только притронулись к приставленной лестнице, как вверху показалась взлохмаченная голова Володи. Помог он нам взобраться, поудобнее примоститься на сене. И тут же проявил полное негостеприимство.

— Чего пришли? Вы лучше не ходите. Сказал, без меня миномет не получите, значит, так и будет...

Сообщили решение командира. Не верит, и все тут. На уговоры да переговоры ушло добрых полчаса. Наконец поверил мальчишка.

— Он на Боровине спрятан... В полной боевой готовности. И мины есть.

До Боровины, густого перелеска, от Дегтярева рукой подать.

— Светает. Как бы нас не заметили, — забеспокоился Володя и повел своими тропами: огородом вдоль изгороди, около речки, где погуще туман — через олешиник.

Добрались до опушки леса.

— Обождите немного...

Сам устремился к лохматой ели, стоявшей среди густого сосняка. Подбежал к ней, ухватился за нижние сучья, проворно залез на дерево. Подошли мы ближе. А Володя уже тащит карабин, подсумок с патронами.

— Это мое личное оружие. Смотрите, как раз по росту...

Володя приложил карабин к совсем еще узеньким плечам. Но тут же очутился в объятиях своего отца. Проследил все-таки, как чувствовало отцовское сердце!

— Сыночек, зачем же ты нас оставляешь одних?

А тот в ответ:

— Папа, так нужно...

Жаль было расставаться Семену с единственным сыном. Бросил он на землю уздечку и еще раз сжал Володю в своих крепких объятиях.

— Раз надо, иди, сынок, иди, родной... А я за лошадьми еще посмотрю.

Распрощались. Снова Володя повел нас своими тропами. И вот его тайник: у старого окопа, заросшего мхом, лежала куча хвороста. Хозяин тайника отбро-

сил хворост в сторону и выложил перед нами все, что хранил здесь.

Принесенный в лагерь миномет осмотрел Белугин и похвалил Володю:

— Молодец, хорошо берег.

Росица от Сарьи всего в семи километрах. Почти столько же от Сарьи до партизанского лагеря.

Полицейский гарнизон в Росице был бельмом на глазу. Оттуда постоянно грозила опасность для партизан и их семей. Вот и решили в первую очередь уничтожить это осиное гнездо. Николай Гинько с помощью наших подпольщиц, которые оставались еще в деревне, узнал все, что нужно было, о гарнизоне. На основании полученных сведений разработали план действий. Все, казалось бы, учли.

Со стороны Бигосова и латвийской границы выставляются заслоны. Штурмовая группа на рассвете накрывает сонных полицейских. У миномета, на случай прикрытия, будет Андрей Белугин.

Но как выйдет все на деле? Ведь это для отряда боевое крещение.

Перед началом операции Николай Глазов еще раз напомнил каждой группе задачи и приказал выйти на исходные позиции.

Наша шестерка во главе с Брониславом Антоновичем направилась в обход озера. Нужно было проникнуть почти в центр местечка и сделать там засаду.

Озеро длинной узкой полосой застыло в высоких берегах. На склонах холмов, по одну и другую сторону водной глади, освещенной тусклым светом луны, словно притаились строения. Тишину летней ночи нарушил нарастающий в небе гул. Бронислав Антонович остановил всех, прислушался:

— Это наши соколы, — пояснил он и тут же добавил. — Сегодня 18 августа, день авиации. В честь праздника, видно, «подарки» фашистам возили...

Все стали вглядываться в бездну звездного неба. Да, это наши, советские самолеты возвращаются с задания.

Вспомнилось, как во время своих скитаний попал в оккупированный Витебск. По улицам города разъезжали автомашины с установленными на них громкоговорителями. Назойливо вещалось: «Красная Армия разбита, с Советской властью покончено». Ложь! Фашистская

ложь. Вот вам — «разгромлена». Еще посмотрим, на чьей улице будет праздник.

— Пошли, хлопцы! — сказал Бронислав Антонович и зашагал впереди.

За ним Николай Кулеш с пулеметом, я, Чеслав Лавринович, Володя Пирог, Вася Куприн. В таком порядке стали пробираться к месту засады. Последние метры преодолевали ползком. И так выбрались к дороге.

Место для ведения стрельбы удобное. Но в случае неудачи отступать некуда. Вот он, костел, а рядом с ним здание бывшей пограничной комендатуры. Там сейчас размещаются основные силы вражеского гарнизона. По левую руку — вторая часть Росицы, называемая деревней. Там тоже гитлеровские служаки. До Бигосова, железнодорожной станции, не больше десяти километров. В любую минуту оттуда может подоспеть подкрепление. А позади нас озеро. Куда отходить?

Все настроились только на удачный исход боя. Расположились вдоль канавы и стали терпеливо ждать рассвета.

Где-то на окраине местечка залаяла собака. Ей отозвалась другая. Наверно, наши подходят.

Вскоре раздалась частая стрельба. Загромыхали взрывы. Послышалось «ура!».

Началось!

И вдруг все смолкло...

Нарушил тревожное затишье Николай Кулеш. Он заметил около крайних к лугу построек перепуганных полицейских и пустил туда очередь из пулемета.

Снова пауза.

Через дорогу, в стороне к Бигосову, перебежало несколько человек. Скорее всего, полицейские. Вот они уже собрались около дома на самом холме. Следят за нами. А мы — за ними. Трудно в предрассветной мгле определить точно, кто же это.

Бронислав Антонович взял наперевес самозарядную винтовку и вышел на дорогу, чтобы осмотреться. В это время из местечка навстречу Жуку выбежал рослый мужчина в полицейской форме. Оторопели мы от такой внезапной встречи.

Бронислав Антонович узнал его. Это был Егоров, которого два дня назад взяли в партизаны. Жил в Кревниках, лесной деревушке, что под Бигосовом. Назвался

окруженцем. Вроде бы надежный человек. Но где он полицейскую форму подхватил?

Жук подал знак, мол, свои. А тот наставил на него винтовку и кричит: «Бросай оружие!». Это сразу вдохновило тех, которые стояли у дома на холме и следили за нами. Они, кажется, приняли Егорова за начальника полиции и бросились к нам с винтовками наперевес.

— Бей, Козловский, внизу не наши! — закричал во все горло бежавший впереди.

У нас же, как назло, отказал пулемет. Несколько раз Николай Кулеш щелкнул затвором — не стреляет, и, долго не раздумывая, схватил пулемет — да в камыши. Дрогнуло сердце не только у него. Но куда бросишься? В озеро...

— Братцы, куда вы? — первым спохватился Вася Куприн.

Вмиг он занял прежнее место у дороги и открыл огонь. Его примеру последовал Володя Пирог, а затем остальные. Страх уступил место отваге.

Отразили мы атаку полицейских. А тот, что бежал впереди и кричал: «Бей, Козловский...», растянулся на дороге. Наш смельчак Василий Куприн тут же пополз к нему, поспешил трофеи подобрать.

— Старый знакомый, Колосовский, — возвратившись назад, сообщил он. — Смотрите, его карабин. А вот и часы, которые он выменял у моего отца...

Гарнизон был полностью разгромлен. Партизаны осматривают захваченные трофеи, укладывают их на повозки, делятся между собой впечатлениями боя, называют отличившихся партизан. Среди отличившихся в первую очередь называют товарищей, прибывших из-за линии фронта. Это Василий Виноградов, Слава Чернобуров, Дмитрий Чеукин. Они, оказывается, орлы-парни!

Когда наши подбирались к зданию комендатуры, их обнаружили полицейские и открыли стрельбу. В шеренгах атакующих получилась заминка. Тогда к зданию бросился с гранатами в руках Василий Виноградов. А следом, прикрывая товарища огнем из автоматов, его побратимы — Славка и Дмитрий. Гранаты попали в цель — в окна комендатуры. Таким образом, Виноградов, Чернобуров, Чеукин в решающий момент обеспечили успех атаки.

Мы же не забыли вспомнить добрым словом Василия

Куприна. Его решительность наверняка спасла нам жизнь.

Непредвиденная ситуация получилась во время боя у Андрея Белугина. Он расположился у кладбища для прикрытия. Когда завязался бой, удиравшие полицейские бросились туда.

— Заметил я их метров за пятьдесят от себя. Бегут, черти, прямо на миномет. Как быть? — спешно соображаю. И решил запустить по ним мину, можно сказать, прямой наводкой...

Белугин рассказывает, а хлопцы хохочут.

— Вам смешно, а могли бы миномета лишиться.

— А о себе не подумал? — спросил подошедший Глазов.

— Поверьте, не было времени, — последовал ответ.

Вслед за Белугиным рассказал кое-что интересное и Бронислав Антонович.

Когда мы оставили место засады, он забежал в костел.

— Смотрю, в нише полицейский стоит, словно Иисус Христос. В руках винтовку держит. Схватился я за оружие, а он говорит: «Не стреляй, дорогой, сдаюсь».

Добровольно сдавшийся рассказал о себе. Фамилия его Миргородский. Родом с Полтавщины. Был в плену. Оттуда направили в Росицу, дали оружие. Согласился стать полицейским, чтобы не умереть от голода. Имел намерение бежать. И вот подвернулся случай.

Случай, конечно, не из благоприятных. Мог давно сам бежать от врага, не дожидаясь особых приглашений. Кругом же свои люди. Напомнили ему об этом. Миргородский заверил:

— Не сомневайтесь — я постараюсь быстрее смыть это пятно, показать себя в боях с врагом.

Вот так! Не только трофеи взяли в разгромленном гарнизоне.

Гарнизон в Росице был небольшой. Всего тридцать пять человек. И все же проведенную операцию мы считали большой для себя удачей. Это, по сути дела, первое боевое крещение отряда. Партизаны испытали себя в открытом бою, ход действий по разгрому гарнизона также подсказал, как необходимо всем нам приобрести умение взаимодействовать, хорошо владеть оружием, словом, учиться боевому мастерству.

Возвращались мы через Сарью. А здесь, как только заметили нас, сбежались со всего села. Состоялся митинг. На нем выступил лейтенант Бондарев. Он рассказывал о бое в Росице, все присутствующие стали поздравлять нас с победой. Тут же командир отряда Н. Т. Глазов предупредил население о возможных вылазках карателей.

— Враг коварен. Будьте бдительными. Если что-нибудь случится, сообщайте нам. Мы поспешим на помощь.

После митинга гостеприимные хозяйки стали приглашать партизан на угощение.

К своим в дом я привел Сашу Громова, Вячеслава Авсюка. Пока готовилось кушанье, закурили. Мать ко-со посмотрела на мою самокрутку, возмутилась, что в семье появился первый курильщик. То ли в шутку, то ли всерьез сказала:

— Счастье твое, что с оружием, а то бы...

Не знает она, по какой причине была нарушена хорошая в семье традиция — не курить.

Вячеслав хитро улыбается. Дней пять назад вместе в таком переплете были, что и вспомнить страшно.

Ходили на железную дорогу, эшелон думали пустить под откос.

Днем перед задуманной операцией послали Володю Малея в Бигосово. Он должен был разыскать Иосифа Обуховича, который когда-то передавал нам листовки. Сейчас же нужны были сведения об охране железной дороги, о порядке движения поездов на фронт.

Сначала все шло нормально. Вернулся Володя. Дождались темноты. Под ее прикрытием подкрались к «железке», заложили мину, протянули шнур, все замаскировали. Но когда начало светать, показался немецкий патруль. Простучали по шпалам коваными сапогами вооруженные солдаты. Нашу мину вроде бы не заметили.

Вдруг из-за кустов послышалась стрельба. Потом взрыв. Кто-то и без нас потревожил гитлеровцев.

А что же нам сейчас делать? Ждать эшелона уже нельзя. Бигосово рядом — всего полчаса езды на автомашине. Фашисты обязательно перекроют отход.

Остался один выход — подорвать путь и уходить. Но неприятности не приходят в одиночку. Как назло,

к месту, где находилась наша мина, подошли рабочие. Своих людей не будешь калечить! Ждем, а те никак не уходят.

Сазонов не выдержал, выскочил из-за кустов, зама- хал рабочим:

— Уходите к чертям!..

Они мигом оказались на той стороне откоса. Черно- буров дернул за шнур. Второй взрыв сотряс воздух.

Сейчас как можно быстрее нужно уходить за доро- гу. Однако фашисты не растерялись, тут же ударили из автоматов. Выгнали нас на чистое поле.

Наше счастье, что немцы были вооружены только автоматами. Нам удалось выскочить из сектора при- цельного огня. Только Володя Малей замешкался. Из рассказов своего отца, старого солдата, он знал, что в таких случаях нужно маневрировать. Но не на чистом поле, где ни куста ни кочки. Хорошо, что Сазонов вы- ручил — прикрыл из пулемета.

Озноб берет, когда вспомнишь. Вячеслав, видимо, заметил это и постарался успокоить.

— Что было, уже прошло. Не надо об этом думать.

Кто же все-таки опередил нас на железной дороге? С этими людьми мы встретились в Кревниках. Смо- трим: по улице парни расхаживают в нашей военной форме. Проверили. Бойцы оказались испанцами по на- циональности. Это были дети тех испанских антифаши- стов, которые воевали за свободную Родину. Оставшись без родителей, они воспитывались в Стране Советов. И вот в знак благодарности изъявили желание про- должить эстафету отцов в борьбе с фашистскими зах- ватчиками, вторгшимися на нашу землю. По личной просьбе их забросили в тыл врага для диверсионной работы.

Жалко, что ночью не знали о таком соседстве. Ока- зывается, рядом сидели, буквально в тридцати метрах, нас — семь человек с пулеметом, их — пятнадцать, вооруженных автоматами.

— Могли бы «Интернационал» сыграть! — подме- тил один из испанцев. Немного подумав, снял с плеч вещмешок, развязал его и подал Сазонову пачку люби- тельского табака. — На всех. Закурим!

Может, от обиды за первый неудавшийся выход на «железку», а возможно, из желания отведать угощение

с Большой земли я также закрутил козыю ножку и задымил. Так и стал курильщиком.

Научиться курить, оказывается, не так сложно. А вот как быстрее освоить военную науку? Это дело посложнее.

ПРИКАЗ ИЗ-ЗА ЛИНИИ ФРОНТА

Отряд непрерывно пополнялся новыми людьми, боеспособность его росла. Счет боевых дел с каждым днем множился.

Около деревни Цингели удалось спустить под откос первый эшелон. Это Михаил Бакша попросился с группой бойцов сходить в хорошо знакомые ему места за Бигосово. Сходили — и вот результат: разбит паровоз и четырнадцать вагонов.

Все чаще пархоменцы стали встречать врага огнем из засад. Такой метод партизанской войны хорошо закаляет нервы, воспитывает у бойцов выдержку, хладнокровие, смекалку. При помощи засад партизаны вовремя предупреждают население о появлении карателей. В деревнях успевали спрятать скот, вывезти в лес семьи, добро, на которое особенно падки были оккупанты.

Партизаны настойчиво предлагали провести такую операцию: выкатить партизанскую пушку и обстрелять из нее устьенский мост. Николай Гинько уже и разведку провел: уточнил, какая на мосту охрана, где лучше установить пушку.

— Разрушим мост, — утверждал он, — надежно перекроем дорогу со стороны Дриссы...

Желание провести такую операцию поддерживалось сообщением о взрыве железнодорожного моста на реке Дрисса. Эту весть принес Михаил Лукашенко — неутомимый разведчик. От него стало известно: освейские и россонские партизаны, объединив свои силы, организовали нападение на Бениславский разъезд, где размещалась охрана железнодорожного моста. Операция прошла удачно. В результате взрыва моста движение поездов было приостановлено на две недели.

Намечались и другие боевые операции. Но никто не предполагал, что недавно окрепший отряд ждут большие изменения.

От Захарова прибыли связные. Они сообщили, что создан и работает Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Оттуда поступило указание направить боевые группы партизан в западные районы Белоруссии для более интенсивного развертывания там всенародной борьбы с оккупантами. Выбор, оказывается, пал на наш отряд. Требовалось послать пятьдесят вооруженных бойцов.

Задание ответственное. Решили снарядить в дальнюю дорогу костяк отряда во главе с его командованием. За этой группой партизан сохранялось прежнее название отряда — имени Пархоменко. Те, которые остаются на месте, должны были объединиться в отряд имени Котовского и войти в состав недавно сформированной партизанской бригады имени Фрунзе. С этой группой партизан оставался комиссар отряда А. И. Литвинов.

Надо расставаться. Кто-то из пархоменцев предложил на прощание всем вместе принять партизанскую присягу.

Выстроились все бойцы отряда. В строю пархоменцев преимущественно сарьянцы. На правом фланге старшие товарищи: Б. А. Жук, М. В. Обухович, В. Я. Махонька, В. М. Цира, Е. А. Олейников. У каждого из них семьи, малые дети. Тяжело оставлять их на произвол судьбы в такое суровое и тревожное для всех нас время.

Бодрее чувствовала себя молодежь: Володя Пирог, Вася Куприн, Чеслав Лавринович, Виктор Сардыка, Николай Чиркун... Все они с детства мечтали о дальних, неведомых дорогах.

— Я, гражданин Страны Советов, верный сын своего народа, перед лицом своих товарищей клянусь!.. — зачитывает текст подготовленной присяги командир Николай Глазов.

Произнесенные им слова тут же дружно повторяют стоящие в строю. А лес, подкрашенный ранней осенью, словно принарядился к торжественному моменту. Он как будто вытянулся по стойке «смирно!» и эхом отзывается.

— Клянусь, клянусь...

— Я клянусь не щадить своей жизни в борьбе с заклятым врагом, бить его всюду, где только встретится,

бить, чем только можно, не давать зверью покоя ни днем, ни ночью...

Будет ли текст общей партизанской присяги? Но и наша присяга звучит внушительно. В выработке ее участвовали те товарищи, которым выпала честь принимать воинскую присягу, и те, кто не успел еще дать священную клятву Родине. Когда общий набросок был готов, поручили Аркадию Воронову, нашему партизанскому поэту, отредактировать его. Аркадий, кажется, неплохо справился с заданием. Текст присяги вдохновляющий, торжественный.

Когда-то в детстве мы тоже давали клятву.

Как-то летом, когда все взрослые были заняты уборкой урожая, Володя — сын Юлии Творонович, колхозной доярки, собрал нас, мальчуганов, в дощатой пристройке к коровнику и давай стрелять из самопалов. На выстрелы прибыли пограничники. Один из нас вовремя их заметил.

— Хлопцы, нас окружают!

Мгновенно пришло решение.

— За мной! — скомандовал наш «атаман» и первым по лестнице взобрался на чердак коровника, откуда увлек всех во двор, затем на сеновал. Но и там не усидели. Бросились через сад, и к речке. Бежим один за другим, ныряем под обвисшие суки яблонь, а тут сторожа вслед:

— Ловите, яблоки воруют!..

Нам же было не до яблок.

В лесу мы поклялись держать все в строгой тайне.

А на завтра нас пригласили в клуб и стали выяснять, кто вчера стрелял.

Начальник погранзаставы посмотрел на босоногую братву, обвел всех строгим взглядом.

— Вот ты, Володя, должен сказать, кто стрелял?

Пограничники нас хорошо знали. Они считали мальчуганов своими первыми помощниками. И на тебе, помощники сами попали под подозрение.

Вовка встал, медленно переступил с ноги на ногу и признался. Тут же мы дали обещание никогда больше не братья за самопалы...

А вот пришлось взяться за оружие. Пришлось и клятву давать. И верится, что все готовы сдержать ее с честью, пусть даже это будет стоить жизни.

Все как-то быстро сдружились в отряде. Молодежь, выросшая у бывшей государственной границы с Польшей и Латвией,— боевая, смекалистая. У старших за плечами мудрость прожитых лет. Да и те, кто не отсюда родом, стали давно своими.

А сейчас вот нужно расставаться. Может быть, и навсегда.

Замерли в крепком мужском объятии, высказали последние напутствия. Прежде всего пожелали друг другу удач в борьбе с заклятым врагом.

На следующий день пархоменцы были в Моторине. Эта деревня относится уже к Россонскому району. Нас встретили представители из бригады «За Советскую Белоруссию». Стало известно, что вместе с нами пойдут люди из отряда имени Сергея. Их, как и нас, пятьдесят человек. Узнали также о том, что наш партизанский отряд имени Пархоменко на новом месте формируется как особый батальон. Приказом руководства бригады «За Советскую Белоруссию» командиром будущего батальона назначается лейтенант Медведев. Во главе другой группы должен стать инженер Мандрикин.

Вот они уже знакомятся с партизанами. Медведев — коренастый, плотно сбитый. Мандрикин — высокий, стройный. Оба в военной форме, в звании лейтенантов. Оказывается, Петр Мандрикин нес ответственность за техническую часть при подрыве железнодорожного моста на Бениславском разъезде... Приятное знакомство.

— Давайте присядем, поговорим,— предложил Анатолий Данилович Медведев, когда его обступили пархоменцы.— Впереди большая дорога. Вон как раз и наш будущий комиссар батальона идет...

Подошел рослый, плотный мужчина. Тоже в военном обмундировании с автоматом ППД наперевес через грудь. Медведев представил:

— Знакомьтесь, Федор Ефимович Воронов.

Тот широкой ладонью смахнул со лба пот, поздоровался.

— Извините, задержался. За это буду рассчитываться свежими вестями с Большой земли. Все согласны?

Кому не хотелось узнать, как живет в это трудное время страна, какие дела на фронте!

Расселись на лужайке. Завязался оживленный разговор.

— Вы, должно быть, уже знаете, что врага отогнали далеко от столицы нашей Родины? — обратился к нам Воронов.

— Да, — ответил за всех Василий Куприн. — Москва выстояла, значит, даешь Берлин!

Комиссар посмотрел на парня, тепло улыбнулся.

— Молодец, настроение бодрое! С таким настроением и нужно бить врага!

В своем мнении о Василии комиссар не ошибся. Парень быстрый не только на язык. После боя в Росице он стал разведчиком. Сейчас неразлучен с Николаем Гинько — все время впереди. Николай и настоял на том, чтобы Василия Куприна определили в разведку. Он нетерпеливо надоедал командиру: «Дайте его нам». И добился своего.

— Говоришь: «Даешь, Берлин!» — продолжал Воронов. — Может, еще рано об этом думать. Но вся страна работает на победу. Я только что расстался с товарищем, который прибыл из-за линии фронта. Он сообщил: люди день и ночь не отходят от станков, чтобы дать фронту больше танков, самолетов, оружия, боеприпасов...

Федор Ефимович не обладал особым красноречием. Однако каждое его слово звучало с особой убедительностью, глубоко западало в сердца бойцов.

Не легким оказался путь на запад. Первым препятствием стала река Дрисса. Когда переправлялись через нее в районе Дернович, прошел проливной дождь. Вода быстро поднялась и сорвала паром.

Но впоследствии мы были довольны тем, что задержались на сутки. Следующей ночью, когда переходили железную дорогу, сторож на переезде сообщил:

— А вас здесь ждали вчера...

Действительно, ждали немцы в засаде: на откосах трава примята, везде окурки от сигарет валяются.

— Сколько их было? — спросили у старика.

— Больше сотни, — отвечает.

Хорошо вышло, что задержались. Но сейчас как быть — двигаться дальше или возвращаться назад?

Ясно, что немцы так легко не оставят своих замыслов. Не удалось им здесь, на переезде, значит, будут поджидать где-либо в другом месте. Скорее всего, между железной дорогой и Двиной. Расстояние здесь не больше десяти километров.

— Не задерживаться на переезде, — подал команду внезапно появившийся Глазов. — Шире шаг, вперед, вперед!

Голос командира многое значит. Тем более, когда бойцы хорошо знают своего командира, верят ему.

Пархоменцы давно убедились в том, что Николай Трофимович Глазов — опытный вожак. Он умело сочетал армейскую подготовку с условиями партизанской борьбы. Его неизменным правилом было: «Лучше наступать, чем обороняться, а если устремился вперед — усиливай натиск, не упускай из рук инициативу».

Коренастая фигура командира маячила на переезде до тех пор, пока не перешел через железную дорогу последний боец.

От переезда сразу взяли вправо, прошли вдоль железнодорожной насыпи, а затем круто повернули в перелесок и часа через два вышли к глухой деревушке Заборье, затерявшейся среди леса.

Командование решило: пока развиднеется — отдыхать. Да, днем может быть не до сна. Нужно беречь силы.

Вскоре разведка сообщила: на берегу реки, там, где намечена переправа, обнаружена засада противника. Силы значительные. Пять грузовых автомашин стоят в сосняке.

Находившиеся в секрете партизаны задержали подозрительную женщину. Доставили ее в штаб, стали допрашивать — призналась: «Послана немцами на поиски партизан».

Стало ясно, что какими-то тайными путями противнику удалось узнать маршрут нашего движения.

Рядом, в соседней деревне Глинище, находились сергеевцы. К ним отправился Василий Сазонов, чтобы на всякий случай согласовать все вопросы совместных действий.

Все обошлось благополучно. Под вечер грузовики запылили по дороге в сторону Полоцка. Поднятая пыль лениво оседала на землю. Как только она рассеялась,

мы сразу же направились к Двине, быстро организовали переправу.

От берегов Двины начался боевой рейд. На своем пути сжигали мосты, рвали телефонную связь, разгоняли местные органы оккупационной власти. Без оглядки во все стороны удирали прихвостни оккупантов.

Население, наоборот, встречало нас восторженно. Из уст в уста, из дома в дом, от деревни к деревне неслась молва:

— Красная Армия идет!

Нас была сотня вооруженных бойцов. И вскоре все оказались на лошадях, захваченных в имениях и разгромленных управах. Своя конница, пулеметные танки. Только дойдет слух, — и мы тут как тут.

На пути оказался вражеский гарнизон в Язне. Решили с ходу разгромить его. Среди бела дня вскочили в местечко. Фашистские прихвостни разбежались, как только заметили первых наших всадников.

Партизаны сразу взялись за дело: уничтожили управу, вывели из строя телефонную станцию, маслозавод, взорвали мост. Большую часть зерна, собранного для отправки в Германию, раздали населению. Было что и с собой взять. Подобрали брошенные в панике винтовки, из сейфа извлекли большую сумму немецких денег, две подводы нагрузили бочонками со сливочным маслом.

На выручку разгромленного гарнизона поспешили гитлеровцы из Лужков. Но было уже поздно. На перекрестке дорог Дисна — Лужки — Язно партизаны успели сделать засаду.

Володя Пирог со своим неразлучным другом Василием Куприным, а также Геннадий Садоха выдвинулись к самой дороге. Только замаскировались в кустах, смотрят, а гитлеровцы на мотоциклах уже катят. За мотоциклами — автомашины. Посмотрели ребята друг на друга. Одновременно прогремели выстрелы. Первый мотоциклист полетел в кювет. За ним второй.

Открыли стрельбу и другие бойцы, находящиеся в засаде. Завязалась частая перестрелка.

Вступили в бой и сергеевцы.

Бесспорно, инициатива была на стороне партизан. Но обстановка не позволяла продолжать бой. Враг мог появиться из Дисны и ударить нам с левого фланга.

Был подан сигнал к отходу. Прикрывать нас должны минометчики. Первым послал свой «гостинец» Антон Липский. И как удачно! Мина угодила прямо в кузов одной из автомашин.

— Эх, жалко, мало мин! — разгорячился Антон.

Минометчикам было дано указание: впустую мины не расходовать.

За Босьянками, так назывались разбросанные между кустарниками хутора, начинался городецкий лес. Он укрыл партизан от преследования. Сделали привал, подвели итоги совместного рейда. Неплохо поработали. Врагу нанесен ощутимый урон. А наших никого даже пуля не задела.

Все заметно повеселели, стали действовать более решительно, дерзко. Удачной оказалась тактика внезапного удара.

Вот Сашка-лезгин. Для него словно не существует чувства страха. Особенно проявил он свою лихую удаль, как только под ним оказалась лошадь. Что значит кровь горца!

Партизанский джигит обычно первым врывается в расположение врага. За смелость все стали звать его Амангельды.

А тот обиделся.

— Какой я Амангельды? Я Александров Александр Александрович...

Оказывается, он понятия не имел, кто такой Амангельды, и свое негодование хотел выместить на мне.

— Это твоя, — говорит, — выдумка.

И за грудки.

Пришлось объясняться:

— Пойми, дорогой, Амангельды — это герой гражданской войны.

— А какой он из себя был?

— Да такой, как ты, черный, рослый, смелый... Стеснительно заулыбался Сашка-лезгин. По душе, видно, прозвище пришлось. Больше он уже не обижался на меня.

По боевому зарекомендовал себя Женя Поздняков. Он пристал к нам на берегу Двины. Первыми его встретили разведчики. Смотрят, парень с карабином, крест-накрест пулеметная лента. Начали расспрашивать, отвечает так:

— Маму мою фашисты арестовали. Я решил мстить за нее...

Привели разведчики белокурого, вихрастого паренька к командиру. Тот не решился отказать.

— А откуда ты? — спрашивает.

— Я из Кушликов.

— Ну что же, если из Кушликов, значит свой, — ответил командир. — Зачисляем в отряд.

Шутка командира так и пристала к пареньку. Стал он для нас «Женькой из Кушликов».

Надежными попутчиками и храбрыми бойцами оказались сергеевцы. Но они уже достигли своего района действий. А нам, пархоменцам, еще топать да топать. Наше место дислокации по ту сторону железнодорожной магистрали Молодечно — Полоцк.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Перед нами, словно непрочитанная книга, пролегла Голубичская пуща. Неизведаны были ее извилистые тропы, зыбкая трясина болот, дремучие боры. Изредка встречались зажатые со всех сторон лесом глухие хутора с какими-то необычными названиями: Марусины Буськи, Мядел Бор, Шилогорье, Глоты...

Странными казались и хуторяне. Заметят постороннего — сразу исчезают в зарослях. Сколько уже хуторских островков оставили позади и ни одной души не встретили!

Первым, с кем познакомились, был Калистрат. Жил он на хуторе Витовка. Старик сразу же признал партизан за своих и смело заговорил:

— Не при дороге мы живем. Где что творится на белом свете, к нам, пущевикам, в последнюю очередь доходит. Вот и сейчас мало чего знаем. Говорят, фашисты ворвались в наши края, а мы их еще не видели. Жалко, мало пришлось пожить при Советах. Но почувствовали мы, что эта власть наша, что за нее следует держаться.

Излагая свою крестьянскую философию, он заключил:

— Если какая помощь понадобится, обращайтесь, будем сообща отстаивать родную власть.

Доверились этому человеку. Тут же дали ему поручение — постараться узнать подробнее о гарнизоне в Голубичах. Охотно согласился. Встретиться договорились в четверг.

Изнуренные долгой дорогой, мы, наконец, бросили якорь. Но нельзя было давать покоя врагу. Ослабить боевые действия — значит упустить инициативу.

— Пора фашистов в Голубичах тревожить, — напомнил в штабе Василий Сазонов. — Калистрат, должно быть, уже разведку провел...

Установили на повозку пулемет, захватили с собой взрывчатку.

Наши лесные квартиры находились от хутора Витовка в добрых полсотни километрах. Извилистые лесные тропы обычно скрадывают путь. Не заметили, как проехали речку Горнянку, обогнули болото «Горелый мох». Перед выездом на обжитую поляну еще раз проверили боевую готовность и заодно договорились: если в Голубичах гарнизон небольшой, попробуем обойтись силами группы. Нас было двенадцать человек.

Но что это такое? Где же хутор Калистрата? Заблудиться не могли. Все знакомо, а хутора как будто и не было.

Вместо хутора остались одни лишь тлеющие головешки.

Все сожгли. Никого не пощадили. Не попал в руки извергов только лишь самый младший из семьи, мальчонка примерно лет шести. Нашли его в кустах с большими от испуга, заплаканными глазами.

— Я собирал журавины, когда чужие дяди подъехали. Испугался и побежал...

Как все произошло на самом деле, тяжело гадать. И по какой причине такое случилось? Может, просто попал Калистрат в беду при первой вылазке карателей? Старик уже немного привык к вооруженным людям. По ошибке мог принять врагов за своих. А если в гарнизоне заподозрили?

Но скорее всего гитлеровцы учинили дикую расправу, полагая, что жители пусти отнесут их жуткие дела на наш счет. Мол, смотрите, не было партизан, не было и беды.

Таким вот роковым оказался для Калистрата четверг — условленный день встречи с партизанами.

Вместо разгрома голубичского гарнизона решили нанести удар по железной дороге. Замысел созрел такой: подорвать идущий на фронт эшелон и уничтожить его.

Для проведения этой операции к пархоменцам присоединились бойцы из группы Уминского, которая дислоцировалась рядом.

Мы подошли к железнодорожному полотну ночью. Заминировали путь и стали ждать.

Рассвело. Прошел час, второй, третий... Уже солнце поднялось над лесом, а эшелона почему-то нет. Тревожно как-то стало. Может, и на этот раз дело складывается неудачно?

Вдруг со стороны Крулевщицны подкатывает дрезина. Извольте встречать: около шестидесяти гитлеровцев вывалило из вагончиков. Рослый офицер наставил бинокль в нашу сторону, подал команду. Солдаты развернулись в цепь.

Насторожившись, за бруствером старой траншеи сидел пулеметчик Владимир Цира. За ним — Федор Воронов с автоматом, Василий Сазонов. В кустах притаились минеры. Остальные находились позади метров за тридцать. Как нужны они сейчас здесь! А звать поздно. Уже отчетливо слышно, как ползут к нам гитлеровцы. Вот-вот вспыхнет горячая схватка.

Комиссар Ф. Е. Воронов показывает Цире — держись до последнего. И вдруг раздался взрыв, другой. Фашисты, как ужаленные, вскочили на ноги. По ним тут же резанули из автоматов и пулемета.

— Молодец, Женя, молодец! — закричал командир.

Слова похвалы были адресованы Позднякову. В критический момент парень смекнул и дернул за шнуры, протянутые к заложенным под рельсы минам.

Только успела осесть вздыбленная на полотне пыль, видим: наш Евгений бросился наперерез удиравшему стороной офицеру. Тот на ходу отстреливается. Женя насаждает фашисту на пятки. Рискованный поединок с матерым врагом! Но сдержать смельчака было уже невозможно.

Не убежал от Жени фашист. Уложил его партизан уже на той стороне железной дороги.

Бой закончился нашей победой. Около тридцати гитлеровцев остались у подножия холма.

Партизаны повредили железнодорожный путь, уничтожили транспорт карателей, подобрали трофеи.

В успехе операции, бесспорно, важную роль сыграли внезапные для врага взрывы мин. За это и был отмечен наш Поздняков.

Но дальнейшие его действия не одобрил командир. Зачем нужна была такая опрометчивость?

— Ну как вы не понимаете, — оправдывался Женя. — Хотел гада живьем взять, рассчитаться за Калистрата.

Возвращаясь назад, мы встретили обоз. Больше полсотни подвод, нагруженных картофелем. Остановили. Подозвали возчиков.

— Куда держите путь?

— Податки везем.

— Оккупантам?

— Так, дороженькие... В Прозороки. Приказ такой имеем...

— Вот что. Заворачивайте оглобли — такой вам приказ, — сказал командир. — Картофель нужен для партизанских отрядов.

— А як жа з квитками буде? — заволновался один из крестьян, краснощекий дедок.

— Квитки и мы вам выдадим.

Около двух тысяч пудов картофеля доставили в лагерь. Забуртовали его в надежном месте. Нужно было думать о заготовке продовольствия на зиму. На черный день к картофелю припасено язненское масло. Несколько бочонков его опустили на дно лесного озера.

А как быть с хлебом?

Разведка сообщила, что в имениях Бобруйщина и Псуя до сих пор лежит необмолоченный урожай. Хозяева «нового порядка» выращивали и убирали его принудительным трудом крестьян на землях бывших польских осадников. Вот и решили мы обмолотить этот урожай.

Группу возглавил В. С. Сазонов. Непоседливый он человек. Как-никак — начальник штаба отряда. Полно дел и на месте. Но такой уж характер. Определит задачу, подберет парней и пошел. В свою очередь партизаны любили ходить на задания с Сазоновым. Он расчетливый в принимаемых решениях, решительный, смелый. Словом, настоящий товарищ.

Часто начштаба рассказывал о своем родном городе, и тогда его плотно окружали партизаны. Родной город — Ленинград. Гордость всей страны. Его судьбой сейчас обеспокоены все.

Василий Семенович был твердо убежден в том, что Ленинград выстоит. Он неизменно повторял:

— Не допустят наши врага к колыбели революции. Здесь же началась новая жизнь страны!

Бобруйщина — небольшая деревушка, а вернее всего кучно расположенные хутора. Оказывается, осенью сюда не так просто добраться. Дороги — сплошное море грязи. Мы скорее плыли на телегах, чем ехали. Такие дороги и задержали оккупантов с молотью.

— Поторапливайтесь! Стукнет мороз, заявятся немцы, — предупредили крестьяне.

Совет резонный. Можно сказать, из-под носа хлеб берем. Каких-нибудь километров пятнадцать до Зябок. Там гарнизон.

Но как быть? Нас только восемь человек. Много не намолотишь. Обратились с просьбой к мужикам.

— Толокой обмолотим, — охотно согласились те. Толокой — это значит всей деревней.

Установили молотилки, и пошла работа. Намолоченное зерно сразу же пропускали через веялки и грузили на подводы. После суток дружной работы отправили в лагерь около восьмидесяти пудов гороха. Затем — ячмень, пшеницу.

Работа на гумне подходила к концу, когда Василий Сазонов созвал нас на совет.

— Мне сообщили, что каждый понедельник рано утром из Глубокого в Прозороки ходит легковая автомашина. Может, засаду устроим?

— А чего, — отозвался Цира, — молотить так молотить. — Эх, жаль, права водительские дома оставил!

То ли профессиональная привычка шофера сработала, то ли охота к шутке пробудилась, но как бы ни было, все поняли: Владимира Максимовича одолело желание прокатиться на легковой.

А хлопцы еще подтрунили:

— Была бы только машина, а зеленую улицу мы тебе предоставим.

— Да, зеленую, лесную. Ни одного инспектора не встретишь...

К вечеру распогодилось. Багряный закат показывал на заморозки.

Пока стемнело, нагрузили повозки зерном. Как обычно, выставили караул и приготовились к ночлегу. Это был своеобразный партизанский маневр. Спать-то не пришлось.

Вышли к месту засады, расположились в сосняке. На самом бугре — Антон Гончаренок, Петр Солтан, Вячеслав Авсюк. Поближе к железной дороге — Николай Кулеш со вторым номером Виктором Сардыкой. Пулеметчики должны были в случае неудачи прикрыть отход.

Стало светать. Сазонов еще раз обошел всех и пояснил:

— Огонь открывать, когда машина поравняется с березкой, — и показал на противоположную сторону дороги, где одиноко стояло небольшое дерево.

Заодно Сазонов напомнил о просьбе Циры: сохранить машину исправной.

Говорят, нет ничего хуже, чем ждать или догонять. То ли от холода, то ли от ожидания дрожью пронизывает все тело. Когда же наступит решающий момент?

Из-за поворота показалась наконец машина. Вот она все ближе и ближе. От напряжения чаще застучало сердце. Скорее бы, скорее...

Но не доехав до нашего ориентира — березки, машина словно сквозь землю провалилась. Только верх брезента виден. Открыли огонь. Мишень приостановилась, а потом рывок, полный газ вперед. Стреляем, а машина идет. Еще минута, другая, и она скроется за поворотом железнодорожного переезда. Но тут застрочил пулемет Кулеша. Машина остановилась.

На железной дороге всполошилась охрана. Заработал крупнокалиберный пулемет.

Нам было уже не до машины.

— Отходите, а я прикрою, — приказал всем Сазонов и, передавая свой автомат Антону Гончаренко, обратился к нему: — Дай пулемет. Я им сейчас покажу, чего стоят ленинградцы.

Приладил «Дегтярева», и посыпались на траву горячие гильзы.

Разгоряченный боем, Сазонов сразу не заметил, что мы рядом с ним, а когда оглянулся назад, сердито закричал:

— Кому говорю, отходите!

Но тут же, видимо, понял бесполезность своего приказа, приподнялся, на ходу запустил еще одну очередь из пулемета и вместе с нами стал отходить.

Владимир Цира никак не мог смириться с тем, что возвращаемся назад без машины. Но что поделаешь! Сами виноваты, не сориентировались.

Осталось довольствоваться тем, что все же подстерегли фашистов. Вряд ли кто уцелел в машине после Кулешовой обработки. Парня больше не подводит пулемет, как было в Росице. Он нашел к нему лекарство. Перед боем плеснет из флакончика керосина на затвор, и порядок.

Наши надежды оправдались. Из сообщений разведки стало известно, что 26 октября 1942 года был убит из засады на дороге Плисса — Прозороки комендант по хозяйственной части Глубокского округа и получил тяжелое ранение офицер, сопровождавший его. Испугом отделался лишь шофер. Он как-то выбрался из подбитой партизанами машины и дал драпака.

Буквально на второй день после нашей засады в Зябки было доставлено еще около десятка покойников.

А случилось вот что. Наш отряд шел на задание, а гитлеровцы направились по нашим следам, чтобы отомстить за нападение на машину. Непредвиденная встреча состоялась в лесу, на вырубленной делянке. Сразу же завязался бой. Партизаны схватились с врагом буквально врукопашную.

Исход боя решило мужество наших пулеметчиков. В критический момент Миргородский поднялся во весь рост, схватил пулемет, словно винтовку.

— Геть, валацуги! — закричал он по-украински и давай поливать свинцом.

Почти одновременно с фланга застрочил пулемет Рудаковского.

Вражья рать не выдержала, бросилась в бегство.

Рудаковский в партизанах недавно. Зовут его Антон, по отчеству Самуилович. Такой же рослый, как и Миргородский, а по силенке, пожалуй, равных в отряде не сыщешь.

Сам он из-под Минска. Войну встретил в Прибалтике. Попал в плен. Удалось бежать. Жизнь висела на волоске.

Однажды на привале Рудаковский рассказывал нам, как ему, истощенному в лагерях военнопленных, удалось уйти от преследования полиции.

Володя Пирог, его второй номер, не упустил момента напомнить о себе:

— А я самое страшное проспал. Это когда через нашу деревню фронт проходил. Мать загнала в погреб и закрыла. Так ничего и не увидел.

Парень никак не хотел смириться с тем, что на его долю мало еще выпало испытаний. А сам, вот уже поздней осенью, ходит босиком. Идет, а под ногами трава хрустит, покрытая инеем. На свои ноги Володя никак подходящей обуви не подыщет. Он тоже не обделен природой ни ростом, ни силой. Подстать своему первому номеру.

— Важно, Володя, хорошо воевать, а разные страхи да ужасы пусть врагу достаются,— ответил Рудаковский, стараясь утешить парня.— Надо так драться с фашистами, чтобы наша земля стала для них адом. Мне лично хочется свести с ними счеты за ранение, за те издевательства, которые довелось перенести в плену, за истерзанную родную Белоруссию.

Слова подкреплялись боевыми делами. Антон Рудаковский с первых дней пребывания в отряде показал себя активным, смелым партизаном.

Так находили свое место в рядах бесстрашной армии народных мстителей все новые и новые бойцы. Из разных они были мест, разные по возрасту, национальности. Но у всех была одна Родина. За нее шли в бой.

Перед Новым годом мне пришлось поехать почти по всему Ушачскому району.

Андрей Белугин узнал, что где-то под Полоцком партизаны соседних отрядов достают для себя оружие из-под развалин разрушенных и сожженных складов.

Нужда в оружии погнала в дальнюю дорогу: снарядили шесть подвод. Отправились на задание Василий Сазонов, я, Николай Кулеш, Евгений Поздняков, Вячеслав Авсюк, Николай Чиркун, Виктор Сардыка.

То, что мы увидели и узнали в пути, не поддавалось описанию. Под Полоцком, Лепелем, Уллой партизаны

создали сплошной фронт. На занятых ими рубежах почти ежедневно гремят бои.

А в глубинке Ушаччины словно и войны уже нет. Запомнилась нам деревня Старинка. Когда проезжали через нее, жители перегородили нам дорогу.

— Не пустим, пока вместе с нами Новый год не встретите, — такой был ультиматум.

Почти из каждого дома этой деревни кто-то ушел в партизаны. Сама Старинка оказалась в глубоком тылу освобожденного района. Соскучились жители деревни по своим защитникам. Вот и стали все мы их «пленниками».

Собрались старицы в просторную избу, что могли, поставили на стол. На самое почетное место усадили гостей. Седобородый старик произнес тост. Сдобрил он свою речь словами народной сказки, да так здорово получилось.

— Жила на свете Правда. На лбу ее ярко горела красная звезда. От сияния этой звезды светло было на белом свете. Но подкралась к нашей Правде Черная Кривда, чтобы заслонить яркий свет, отобрать у людей счастье. Набрросилась ведьма, и сразу темно стало. За Правду выступили добрые молодцы...

Все заслушались старика. А тот, обратившись к односельчанам, спросил:

— Знаете, кто эти молодцы? — и ответил: — Это наши сыновья. Они сказали Кривде: «Не выйдет! На нашей стороне Правда». А чье дело правое, тот и победит. Выпьем за победу!

Здесь, в Старинке, мы впервые услышали песню: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». Ее спели для нас местные голосистые девочки.

Как она, эта песня, дошла сюда? Видимо, для таких песен не существует преград!

На смертный бой, «с проклятой силой темною» поднялся весь народ. Врагу не будет пощады!

Размах всенародной войны в тылу врага напоминал весенний разлив. Сначала пробиваются ручейки, затем вскрываются реки... И вот идет уже ледоход.

В народе давно уже известны имена Дубровского, Лобанка, Мельникова, Манковича — организаторов первых партизанских отрядов, а сейчас умелых руководителей всенародной борьбы с оккупантами. Парти-

заны Лепельщины, Ушаччины, Бегомельщины удерживают в руках уже значительную часть освобожденной от врага территории.

ИХ ИМЕНА НЕ ЗАБУДУТСЯ

К нам в отряд дошла волнующая история о развертывании борьбы с оккупантами в западной части Ушачского района. Она, как легенда, распространялась по деревням. Трагическая судьба ее героев учила нас бдительности, мужеству, примером для нас была их беззаветная преданность своему народу, социалистической Родине.

У самой Голубичской пуши стоит деревня Зарубовщина. Рядом когда-то проходила старая государственная граница между Польшей и Советским Союзом. На краю деревни — дом Филимоновых.

Прасковья Ефимовна Филимонова однажды ночью сквозь сон услышала, как кто-то постучал в окно. Еще и еще раз.

«Не с улицы, со двора стучит, наверное, свой», — решила женщина. Приподнялась с кровати, отодвинула занавеску, всмотрелась и ахнула:

— Батюшки, Петрович!

Поторопилась навстречу неожиданному гостю, впустила его в дом, зажгла керосинку. При свете лучше рассмотрела очень изменившегося внешне человека. Как не похож он сейчас на того стройного, высокого военного в отглаженной гимнастерке, которого впервые увидела Прасковья на улице своей деревни!

Позднее этот человек с семьей временно жил у нее на квартире. Помнит женщина, каким участливым был Петрович, когда пришло извещение с «финской» о смерти ее мужа. Как, кажется, давно это было...

— А как Мария, дочурки? — спросила хозяйка.

Перед глазами Прасковьи словно наяву встали ее любимые малышки: белокурая Лидочка и Лиля с черными косичками. Часто с заставы прибегали они к ней, к тете Проске.

Тяжело было ответить на заданный вопрос. Осунувшееся лицо ночного гостя еще больше помрачнело.

— Они, очевидно, успели уехать...

Сказал и задумался.

Как все получилось сложно. Отряд пограничников сумел добраться только до Витебска. Там пришлось вступить в бой. Потеряли многих своих товарищей. После горячей схватки оказались в окружении.

Вспомнилось, как цепочкой друг за другом шли по топким болотам и выбрались в знакомые места. По правую руку стоял ольшаник, через который тянулась исхоженная просека, служившая когда-то контрольной линией государственной границы. Слева подступала плотная стена бора. В стороне на бугре виднелась высокая сосна. Под ней присели передохнуть, изнуренные долгой дорогой, тяжелой ношей, духотой ночи. И здесь же окончательно решили сражаться в тылу врага.

К действительности вернул голос хозяйки:

— Петрович, как жить-то дальше, посоветуй. Вчера первый раз этих извергов видела... Не доведи господь встретиться с ними. Как издевались над людьми! Бежавшие из плена двое наших людей в сарае у Михаля прятались. Схватили их, били чем попало и почти нагишом увели.

— А как случилось, что обнаружили? Может, кто донес?

— Не должно. Ты же здешних знаешь...

Заметив на лице гостя тревогу, Прасковья замолчала, перевела дыхание, а потом осторожно спросила:

— Петрович, ответь, что же будет с нами? Костлявая смерть, видно, на всех косою замахнулась.

— На всех, говоришь? Нет, не выйдет!

В ближайшее время Федор Петрович хотел обойти деревни, рассказать людям об истинном положении на фронте, поднять у них настроение. Он знает людей по прежним связям, и его знают от малого до старого.

Оккупанты уже насадили гарнизоны, завербовали на службу к себе всякое отребье. Найдутся, вероятно, и предатели. Но нужно начинать действовать.

В дом Филимоновых Федор Петрович зашел передохнуть, привести себя в порядок. Возможно, что здесь будет явочная квартира. Об этом уже состоялся разговор с товарищами, с которыми прибыл сюда. Решили так: если что случится неотложное, прямо через Прасковью Ефимовну уведомлять.

На второй день состоялась встреча в Лесинах.

Лесинцы — народ дружный. Они без оглядок высказывали навеянные горем думы. Мужчины сурово осуждали извергов, соглашались с тем, что нужно подниматься на борьбу. Женщины со слезами на глазах допытывались:

— Что же будет дальше?

И в ответ слышали:

— Наши вернутся, поверьте мне, вернутся. Нет такой силы, которая победила бы советский народ. Но нужно не только ждать, а действовать, вносить свой вклад в освобождение родной земли от врагов.

Вскоре до фашистских оккупантов дошел слух, что бывший начальник погранзаставы Ф. П. Кудрявцев организует людей для борьбы с захватчиками. И это был не только слух. Какая-то неизвестная группа вооруженных людей совершила нападение на «стражницу» — бывшую польскую заставу близ Тумилович. На дороге Кубличи — Прозороки взорвалась на mine автомашина.

«Не иначе это дело рук Кудрявцева и его пограничников», — решили в стане врага. Решили и задались целью как можно быстрее поймать его.

В одной из деревень, куда прибыл Кудрявцев, ему показали объявление. В нем говорилось: «Кто поможет поймать Кудрявцева, тот получит вознаграждение — восемьдесят тысяч марок и тридцать гектаров земли».

— Береги, Петрович, себя, — предупреждали крестьяне. — Смотри, на что идут...

Вскоре пронеслась новая весть: «Кудрявцев сам был в великодолецкой комендатуре».

А было вот как.

К бургомистру волости в Великих Дольцах зашел старичок с рыженькой бородкой и предложил свои услуги:

— Без дела не могу быть, пристройте где-либо на работу.

Тот завел его во двор комендатуры, где работали пильщики и дровоколы. Присоединился к ним и новичок. С неделю усердно пилил и колот дрова, а потом вдруг исчез, как в воду канул. Позднее была обнаружена записка такого содержания: «Не разбрасывайтесь своими фальшивыми марками. Ими не купите советских людей». И подпись — «Кудрявцев».

Ошеломляющая весть. За Кудрявцевым по всему району гоняются, а он... Прицепив рыжую бороду, осмелился даже прийти в гарнизон!

Кудрявцев! У врага эта фамилия вызывала бешеную ярость, у народа — гордость. Патриоты охотно поддерживали связь с Кудрявцевым. В деревнях создавались подпольные группы, которые призваны были оказывать всемерную помощь в развертывании борьбы с оккупантами. В Косарях начала действовать комсомольская организация. Ядро ее составили бывший вожак колхозной молодежи Петр Гузенко, местный учитель Николай Полозов, Илья Шпыренко. Молодые патриоты занялись сбором оружия, распространением листовок.

Время шло к зиме. Действовать становилось все труднее. Кудрявцев созвал своих верных соратников.

— Что будем делать?

— Начинать открытую вооруженную борьбу, — предложил Николай Белов.

Ему, меткому стрелку, не терпелось. Родом Николай из Череповца. Северянин. Потомственный охотник.

— Говоришь, пора начинать? Да, пора. Но нужно все делать с умом.

Решили соорудить в лесу землянки и переселиться туда. Местом для будущего партизанского отряда выбрали урочище «За битым камнем». С трех сторон оно окружено болотом. Рядом делянка для рубки леса. Попробуй, разберись, кто проехал или прошел там, где дрова заготавливали.

Между тем обстановка усложнялась. Все чаще стали появляться каратели в окрестных деревнях. Главное для них — напасть на след подпольщиков. И это им удалось в Дубинце.

Василий Дорошкевич и его верный друг Тарас Бугай, которым было поручено принимать сводки Совинформбюро, только настроились слушать Москву, как на пороге дома появились гитлеровцы. Подпольщики не успели спрятать радиоприемник. Хозяйку дома, мать Тараса, гитлеровцы повесили, парней расстреляли.

— Нельзя, никак нельзя дальше оставаться в деревнях, — втолковывал Федор Петрович своим товарищам. Но враг опередил.

Пока строили землянки, перевалило на вторую половину декабря. Выпал снег. Однажды, вернувшись из

леса, четверка неразлучных друзей — Николай, Михаил, Григорий и Павел — осталась ночевать в Косарях, как обычно, в бывшей канцелярии правления колхоза. Хозяйкой в этом доме считалась Ольга Скобова. До войны она сторожила и убирала колхозную канцелярию. В войну переселилась сюда жить. Чем могла, оказывала помощь своим квартирантам. По их просьбе ходила в гарнизоны, собирала нужные сведения, а также стирала и латала им одежду. И на этот раз за работой просидела до полуночи.

Утром все оказались в ловушке. Гитлеровцы окружили дом. Михаил Панов бросился к окну, выбил стекло и выпрыгнул на улицу, но был убит. Григория и Павла схватили живыми. Чудом спасся лишь Николай Белов.

Часов в десять утра к колхозной канцелярии согнали жителей деревни. По очереди всех провели мимо привязанных к столбу пленников.

— Кто знает их? — грозно допытывался гитлеровский офицер.

Но все, как сговорившись, твердили одно:

— Не знаем.

Тогда гитлеровец жестом указал на дерево, стоявшее у дороги, и велел повесить на нем Скобову. Усердные холуи полицейские забросили веревку на обрубок сука, старательно приготовили петлю. Вздогнуло и замерло тело.

— Со всеми будейт это! — произнес немец.

Григорий видел все... Вот отвязали его от столба, подвели к пустой картофельной яме. Ступив на край своей будущей могилы, Григорий повернулся к толпе лицом, собираясь что-то сказать. Но ему приказали занять прежнее положение.

— Я готов принять смерть в лицо, — последовал гордый ответ. — Стреляйте, гады...

Жители Косарей сожалели, что неизвестной осталась для них фамилия мужественного патриота. Знали только имя. Кое-кто называл лейтенантом.

Без фамилии остался в памяти людей и Павел, белокурый парень. На его долю выпало еще два дня жизни. Со связанными руками Павла водили на веревке по деревням. Цель была такова: может, кто признает его и наведет таким образом на след других. Но так же,

как и в Косарях, в Лесинах, Угольцах все качали головами и говорили:

— Не знаем.

Вскоре после трагического случая в Косари заглянул сам Кудрявцев. Он пришел узнать о причине провала товарищей.

Был уже вечер. Деревню окутали сумерки. Через оттаявшие стекла окон в одном из домов Федор Петрович заметил людей. Потянуло к ним на разговор. Открыл дверь, а в доме добрая половина сельчан. Мужчины играли в карты. Женщины беседовали около натопленной печи. В чистом углу толпилась молодежь. Кто-то тренькал на балалайке.

Один из стариков внимательно присмотрелся к только что переступившему порог и произнес:

— Братцы! Это же Кудрявцев!

Все встали, здороваясь с Федором Петровичем. Потом обступили и наперебой стали расспрашивать о новостях. Больше всего интересовались положением на фронте.

Федор Петрович сообщил, что Москва стойко выдержала натиск врага и наши перешли в наступление.

Через каких-нибудь два часа Федор Петрович, попарившись в крестьянской бане, сидел за столом в доме Данилы Ходана.

Тем временем из Косарей в Великие Дольцы мчался верховой с подлой целью — сообщить оккупантам о Кудрявцеве.

Под утро, когда уже начало светать, дом, в котором ночевал Кудрявцев, запылал в огне. Фашисты рассчитывали живым взять патриота, когда тот в испуге выскочит на улицу, позабыв принять меры предосторожности.

Но Кудрявцев и на этот раз действовал хладнокровно. Он незаметно выбрался из горящего дома и огородами под прикрытием клубов дыма стал пробираться к лесу.

Все ближе и ближе опушка... Семьдесят, пятьдесят, осталось не больше сорока метров. Но тут ветер подул в другом направлении и местность у леса стала хорошо просматриваться.

— Вон! Вон он! — закричали в один голос Антон Карпеза и Тихон Гайдук.

Река Сарьянка.

И. А. Мандрик.

Н. Д. Гинько — член сарьянской подпольной организации, позднее — партизан бригады им. Фрунзе.

Ч. М. Лавринович — член сарьянской подпольной организации.

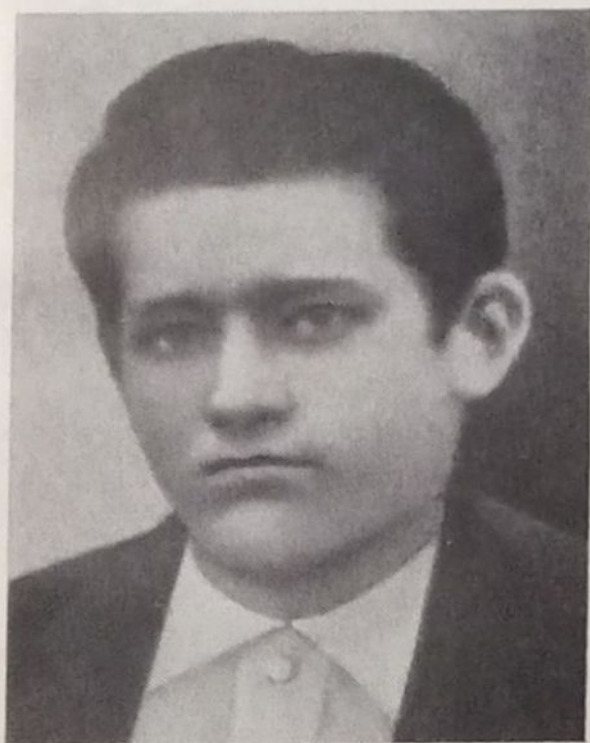
А. П. Громов — член сарьянской подпольной организации.

В. И. Авсюк — руководитель группы резерва в Дегтяреве.

А. А. Воронов — руководитель группы резерва деревни Громовки.

В. И. Пирог — член сарьянской подпольной организации.

Л. А. Мандрик — член сарьянской подпольной организации.

В. А. Сардыка — член сарьянской подпольной организации.

О. Я. Махонька — член сарьянской подпольной организации.

В. С. Малей — самый юный партизан бригады им. ЦК КП(б)Б.

В. К. Куприн — партизан отряда им. Пархоменко.

Б. А. Жук — командир отряда им. Пархоменко бригады им. ЦК КП(б)Б.

В. К. Дорошкевич — партизанский врач, начальник медчасти бригады им. ЦК КП(б)Б.

Командиры отрядов бригады им. ЦК КП(б)Б (слева направо): К. П. Михайлов — командир 2-го отряда им. Чкалова, А. П. Громов — командир 5-го отряда им. Денисова, Б. А. Жук — командир 1-го отряда им. Пархоменко.

А. С. Рудаковский — командир диверсионной группы бригады им. ЦК КП(б)Б.

И. А. Мандрик.

А. Р. Гмыряк — секретарь Докшицкого подпольного РК ЛКСМБ.

Ф. Е. Воронов — бывший комиссар бригады им. ЦК КП(б)Б, а затем комиссар отряда им. Жукова бригады им. Рокоссовского.

Ф. П. Кудрявцев — бывший начальник погранзаставы, один из организаторов партизанского движения в Ушачском районе. Погиб в феврале 1942 года.

Группа партизан 2-го отряда им. Чкалова.

Партизаны отряда им. Пархоменко бригады им. ЦК КП(б)Б.

Командование 2-го отряда им. Чкалова (слева направо): командир отряда К. П. Михайлов, начальник штаба — И. А. Журавлев, комиссар отряда — Н. В. Улановский.

Тут-то они и раскрыли себя перед односельчанами. Очевидно, велик был для них соблазн на обещанное врагом вознаграждение.

Морозный воздух разрезала пулеметная очередь. Нити трассирующих пуль прошли клубы густого дыма, которые ветер опять нес прямо к лесу. Но на черном от копоти снегу остался лежать сраженный пулей Кудрявцев.

Пожар утихал. Обгоревший дом рухнул, взбив вверх столбы искр.

Понуриив головы, расходились по домам сбежавшиеся на пожар люди.

Фашистские палачи подобрали труп Кудрявцева, распяли его на деревянных стойках, затем установили в кузов автомашины, провезли по улицам Ушач, а также через многие деревни. Около недели оккупанты нагло издевались над телом человека, чье имя стало легендой.

Федор Петрович Кудрявцев не дожид до того времени, когда Ушачский район стал сплошной партизанской зоной, когда его боевые товарищи, оставшиеся в живых, и те, с кем он встречался, составили легионы народных мстителей. Только лишь из Косарей ушло в партизаны свыше шестидесяти человек. Судом народной мести они покарали тех, кто, соблазненный обещаниями врага, пошел на гнусное преступление.

Имя Кудрявцева осталось жить в народе. Мужественный патриот, коммунист, Федор Петрович Кудрявцев ради спасения людей отдал жизнь, ничего не требуя в награду.

К НАРОЧИ И ОБРАТНО

Хутор Горохово... Собственно, самого хутора давно нет. А название его возродили партизаны. Ожили давно забытые тропы.

Название стало ориентиром, да и паролем для тех, кто желал сражаться с фашистскими захватчиками в рядах народных мстителей.

— Куда идешь?

Если последует ответ, что на хутор Горохово, значит, к нам, в партизаны.

В нескольких сотнях метров от поляны, где когда-то жили люди, под вековыми елями возникло своеобразное поселение. Все больше и больше становилось в нем жителей. А самого жилья и не видно! Если внимательно присмотреться, то заметишь лишь одни бугры, заросшие мхом.

Такую декорацию навел Шастин.

Андрей Шастин — сибиряк, а сибиряки, как известно, искусные мастера по строительству.

Вот Шастину-то и поручили строить партизанское жилье. К нему в помощники приставили отменных белорусских плотников: Максима Обуховича, Егора Олейникова, Василия Махоньку, Прокофия Клепца.

Быстро были сооружены землянки с накатом из бревен. Каждая в расчете на пятьдесят — шестьдесят человек.

Появились мастерские по пошиву одежды, выработке овчин, изготовлению обуви. Своя столовая, пекарня, медпункт, а в самой глуши леса обосновался Белугин.

Когда мы вернулись с собранным оружием, он встретил нас с нетерпением и радостью. Тут же прошелся вдоль подвод, нагруженных обгорелыми стволами винтовок.

— Издали заметил, что не пустыми возвращаетесь.

— А ты не радуйся, — сдавая необычный груз, в шутку ответил Василий Сазонов. — Работенки для тебя сейчас хватит... Во! — И провел рукой по горлу. — Шестьсот стволов привезли.

— Не стражайте. Эксперимент уже сделан.

Тут же Белугин показал нам реставрированную винтовку.

— Попробуйте, стреляет, как новая.

Пока мы ездили, он где-то раздобыл несколько старых стволов от винтовок. Исследовал степень закалки металла. Потом подогнал приведенные в исправность металлические части к деревянным лолам. И вот, пожалуйста, можно вооружать бойцов!

Пока мы ездили за оружием, из окольных деревень поступило новое пополнение.

Еще в октябре 1942 года был издан приказ о переименовании отряда в бригаду Медведева. Затем бригада стала называться Первым особым партизанским батальоном, состоящим из трех отрядов (рот). Произошло

изменение в составе командования. Заместителем командира батальона А. Д. Медведева стал лейтенант Бондарев, начальником штаба был назначен Е. М. Полтсон. Н. Т. Глазов возглавил разведку. Командиром 1-го отряда назначили В. С. Сазонова. 2-й отряд был сформирован из партизан групп Рудова и Уминского, которые дислоцировались вместе с нами. П. Ф. Рудов принял на себя обязанности командира, Н. З. Уминский — комиссара отряда. 3-й отряд возглавил А. С. Рудаковский. По сути дела 3-й отряд был диверсионной группой.

Меня же назначили начальником штаба 1-го отряда. Доверие, оказанное мне, очень взволновало и заставило задуматься. Я ведь был еще так молод! Многие потом в шутку добавляли к моей должности уменьшительные суффиксы. Однако к своим новым обязанностям я относился очень серьезно.

Но и эта реорганизация оказалась временной. Из-за линии фронта прибыл отряд Ф. С. Шляхтунова. Поступило указание вместе с этим отрядом совершить рейд в Мядельский район и там соединиться с местной бригадой Маркова для отражения готовящейся карательной экспедиции фашистов.

Правда, у нас были свои трудности. Обжились к этому времени, обзавелись базами, мастерскими. Их же с собой не возьмешь?! Сказать Белугину «Собирайся!» — значит свернуть всю его работу. А он неплохо наладил реставрацию оружия. Что ни день, то две-три винтовки.

Несколько дней прошло, пока утрясли свои хозяйственные дела.

А тут еще одно дело. В Лащенках жил старик, зять которого пошел служить в полицию. Огорченный поступком зятя, он обратился к нам:

— Помогите вытянуть человека из чертова болота.

Посоветовали старику сходить в Докшицы и переговорить с зятем.

Из гарнизона в Докшицах он принес такую весть: уйти к партизанам хочет не только зять, но и другие полицейские, но они боятся, что им не сохранят жизнь.

Договорились встретиться с полицейскими из Докшиц.

Условия для переговоров такие: место встречи — хутор около Тумилович. Сюда должны прибыть в на-

значенное время три представителя от партизан и три из гарнизона. Встреча без оружия и прикрытия. На переговоры пошли В. С. Сазонов — командир, Ф. Е. Воронов — комиссар и я — начальник штаба, т. е. все руководство нашего отряда.

Морозная ночь. Пышным инеем окутан сосняк. Рядом у дороги черным пятном притаился одинокий хутор. Ждем сигнала — в одном из окон должен замерцать огонек коптилки.

Томительно долго тянется время. Кажется, назначенный для встречи час никогда не придет.

Но вот позади хутора заскрипели полозья. Как-то дико встречаться с полицейскими. От тревожного нетерпения пробирает дрожь.

— Пошли, — говорит Сазонов.

Когда переступили порог дома, за столом уже сидели гости. При тусклом свете коптилки трудно было уловить выражения их лиц. Что они надумали? Может, ловушку устроили?

На всякий случай в сосняке мы оставили засаду, хотя это противоречило условиям переговоров.

В беседе полицейские теперь уже сами сказали о том, что хотели бы уйти к партизанам, но поставили такое условие:

— К вам вначале перейдет один из наших. Посмотрим, какая участь постигнет его. Если будет помилование, тогда и остальные...

Что же, уговаривать не стали. Время покажет свое. Важен был тот факт, что даже фашистские прислужники уже перестали верить гнусной пропаганде оккупантов.

Мы напомнили собеседникам о разгроме немцев под Сталинградом. Это свежие вести. Однако они уже знали, чем закончилась битва на Волге.

— Победа будет на нашей стороне, — заключил Сазонов. — Решайте быстрее, как вам быть. Потом поздно будет.

Подсказали, как и через кого держать связь, перекурили и распрощались.

Пора было отправляться в дорогу...

Утомительным оказался рейд от ушачских боров к берегам Нарочи. С собой мы взяли почти весь запас боеприпасов. За плечами каждого бойца полная парти-

занская выкладка. А тут еще начались оттепели. Испортилась санная дорога. Уставали и лошади, и люди.

Все же благополучно прибыли на место. Разместились в Черемшицах, в деревне с доброй сотней дворов. Спокойно прошла первая ночь. Отдохнули, обсушились. Утром затопили бани, начали приводить в порядок снаряжение.

Наше прибытие невозможно было скрыть от врага. Как-никак около шестисот человек, и все на лошадях. На марше вытягивались на расстояние до двух километров.

Когда первые охотники попариться хлестались в бане вениками, а те, которые были на очереди, чистили оружие, приводили в порядок одежду, неожиданно-негаданно над деревней появились самолеты. Одновременно с разрывами бомб за околицей затрещали пулеметы.

Стало ясно — враг действует по заранее разработанному плану. Захватили, можно сказать, врасплох. А это самое страшное.

Позорное отступление, вызванное беспечностью, было неминуемо. Казалось, ничто уже не могло поправить положения. В беспорядке отступали партизаны из деревни. Дико ржали покалеченные лошади. В огне пылали постройки.

Но вот со стороны партизанского лагеря, рядом с которым мы и расположились, прискакал всадник. Встретившись с бежавшими из деревни бойцами, он лихо осадил разгоряченного коня и закричал:

— Куда вы! Назад!

Храбрец ловко соскочил на землю, выхватил из кобуры ТТ, поднял его над головой.

— За мной! Ура!!

Развернувшись в цепь, партизаны дружно подхватили магически действующее короткое слово «ура!» и подались к деревне.

Исход боя был решен в нашу пользу, а Бронислав Антонович Жук в дополнение к этому умудрился стрельбой из СВТ поджечь самолет, делавший очередной заход для бомбежки. Со шлейфом черного дыма стервятник медленно потянулся вслед за отступающей в сторону Мяделя разгромленной бандой карателей.

А кто же был тот человек, который сумел в критический момент повернуть бойцов назад?

Это был Федор Григорьевич Марков — командир здешних партизан. Позже мы узнали об этом человеке больше.

Жил в деревне Качанишки, на Поставщине, рабочий-столяр Григорий Марков. Сын его Федя готовился стать учителем.

В начале тридцатых годов юноша вступил в ряды комсомола. Через несколько лет Федор Марков — член КПЗБ, а позднее возглавляет подпольную партийную организацию в литовском городке Свентяны. В Свентянах и окрестных деревнях все чаще и чаще стали появляться листовки, запрещенные газеты, брошюры. Подозрение властей пало на Маркова. Его относят к числу «политически неблагонадежных», запрещают учительствовать. Тогда он, подобно отцу, со столярным ящиком за плечами шагает от деревни к деревне. Будто для того, чтобы заработать на кусок хлеба. И продолжает подпольную работу.

Федор Марков отведал застенки для политзаключенных в Березе-Картузской, в виленской тюрьме на Лукишках.

Тюрьмы буржуазной Польши мало чем отличались от гитлеровских. На вооружении были резиновые дубинки, иголки, которые загоняли под ногти, электрический ток. Все это испытал на себе и Федор Марков. Но стойкость и мужество коммуниста не были сломлены.

Не думалось Маркову, когда он возвращался из первой своей поездки в Москву, что скоро нужно будет браться за оружие. Он ехал в поезде и обдумывал планы мирной жизни земляков при Советской власти. Волновали вопросы образования населения, перестройки деревень на новый лад. Много чего нужно было изменить в освобожденных районах! По сути дела жизнь начиналась заново.

На посту заместителя председателя Вилейского облисполкома Маркова и застала война. И уже в августе 1941 года он с оружием в руках начал действовать в родных краях: сколачивает боевую группу из преданных Советской власти людей, подбирает связных в населенных пунктах, в которых разместились вражеские гарнизоны.

Как-то Осип Васильев, связной из Лынтуп, передал группе Маркова «лапу» — приспособление, при помощи

которого легко можно вытаскивать из шпал костыли. На вторую же ночь с 12-метровой насыпи слетел вражеский эшелон. Под обломками вагонов нашли себе могилу несколько десятков гитлеровцев.

За осень 1941 года Марков со своими верными товарищами спустил под откос шесть эшелонов противника с живой силой и техникой.

Марковцы охотно рассказали о боевых делах своего командира. Вот один из эпизодов.

Через сосновый бор тянется дорога на Лынтупы. Недалеко от нее в зарослях притаилось несколько человек.

Долго ждать не пришлось. На «охотников» наскочил крупный начальник — генерал фон Бек, гебитскомиссар так называемого «Вилейского края».

В Лынтупах тем временем полицейский гарнизон готовился к встрече почетного гостя. И вот из лесу вынырнула машина. Застыл строй полицейских: генерал едет.

Но встреча оказалась довольно необычной. Переодевшись в немецкие мундиры, Марков и его боевые друзья угостили гитлеровских холуев свинцом и укатили в генеральской машине.

Через некоторое время лынтупский гарнизон снова попал в незавидное положение. Партизаны завязали бой в Камаях. Силы были неравные. Но решительность партизан брала верх. На выручку попавшему в «беду» гарнизону поспешили полицейские из Лынтуп. Об этом разведчики доложили Маркову. Тот, внимательно выслушав донесение, ответил:

— Они — сюда, а мы — в Лынтупы.

Так и сделали. Уничтожили там волостную управу, почту, забрали продукты, сожгли склады.

Не ухарство, не тщеславное желание показать себя, а трезвый расчет руководил этим человеком.

Объединившись в бригаду имени Ворошилова, партизаны совместными силами отражали натиск врага, предпринявшего первую карательную экспедицию в Нарочанском крае.

После событий в Черемшицах враг подтянул свежие силы, блокировал мядельские леса. Несколько суток подряд, не стихая, гремели бои. И все же партизаны сумели сорвать замысел карателей.

Но вот пришел час расставания с марковцами. С нашей базы прибыл связной. Он сообщил, что посылаемая

на Большую землю группа наших партизан во главе с А. Д. Ловиным вернулась, доставила много оружия, боеприпасов. Поступила также директива Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) возвратиться в Докшицкий район и формировать самостоятельную бригаду.

Ожил партизанский лагерь у хутора Горохово, встречая своих старых жильцов. Какой ни была утомительной оставленная позади дорога, никто не думал об отдыхе. Все сразу бросились расспрашивать ловинцев, то есть тех, кто побывал за линией фронта.

— Как там?

— Далеко ли наши?

— Скоро ли придет Красная Армия?

Вперемешку толпились партизаны, только что прибывшие из мядельских лесов, и те, которые побывали недавно на Большой земле. Оживленно делились мыслями, с интересом осматривали доставленное новое оружие.

После обеда состоялся митинг. Первое слово было предоставлено А. Д. Ловину.

— Товарищи! Почетное задание, которое вы нам поручили, выполнено. Мы побывали за линией фронта, вернулись назад с оружием, боеприпасами, принесли низкий поклон от матери-Родины...

Слова командира группы, которая посылалась на Большую землю, партизанская аудитория встретила восторженными восклицаниями.

Затем Антон Демьянович рассказал об итогах Сталинградской битвы. Нас не могли не удивить масштабы сражения, мудрость стратегии и тактики наших войск, колоссальные потери врага.

— Это здорово! Красная Армия сильнее! — раздавались возбужденные голоса.

В заключение выступил секретарь Докшицкого подпольного райкома партии Н. З. Уминский. Он обратился к партизанам с призывом своими боевыми действиями активнее помогать наступлению Красной Армии, распространять среди населения вести, полученные с Большой земли.

Вечером в столовой (это было самое большое помещение нашего лесного лагеря) заиграла гармошка, слышались песни.

Трудно сказать, когда в эту ночь уснули юные партизаны: Володя Малей, Леня Гарбуль, Коля Чиркун, Витя Громов. Нашли они для себя укромное место в нашей землянке — в самом углу оказались свободные нары ушедших на задание партизан. Заняли их и заговорили наперебой.

Чаще слышался голос Лени Гарбуля. Парню повезло попасть в группу Ловина, и само собой понятно, что ему больше всего приходилось отвечать на вопросы друзей.

— Ты мне скажи о Ленинграде, — настойчиво добивался Витя Громов.

— Тебе же известно, что мы там не были. Ленинград в блокаде. Скажу одно — о нем заботится вся страна. И запомни, это не только твой родной город. Он дорог всем. Слышал о «дороге жизни»? Она проложена через Ладожское озеро. По этой дороге день и ночь идут машины с оружием, боеприпасами, питанием.

— Не разрушили бы горный институт. Он на самом берегу Невы.

До войны Витя воспитывался в детском доме, мечтал стать первооткрывателем тайн земных недр. О его заветной мечте знали в отряде многие. Василий Сазонов в шутку называл его «геологом».

— Не горюй, Витя, — заговорил Володя Малей. — Управимся с войной, все со временем сбудется. Станем мы инженерами, геологами, астрономами...

Может быть, этих ребят, которые сегодня под впечатлением свежих вестей с Большой земли так оживленно и увлеченно рассуждают о будущем, завтра не будет в живых. Но они мечтают о счастье, которое отнял у них враг и за которое они сражаются.

По прибытии на старое место сразу же был создан штаб бригады во главе с А. Д. Медведевым. Комиссаром бригады стал Ф. Е. Воронов, начальником штаба И. А. Тясто. Были выделены службы: разведка, медпункт, хозчасть, комендантский взвод, а также укомплектованы четыре отряда.

Свою бригаду мы называли именем ЦК КП(б)Б. Центральный Комитет Компартии нашей республики осуществлял руководство всем партизанским движением Белоруссии, координировал действия отрядов, соединений, налаживал снабжение оружием, боеприпасами,

медикаментами, литературой. Имя нашей партии и стало символом бригады.

Костяк 1-го отряда в основном составили те, кто пришел из-за Двины. Отряд сохранил за собой имя Пархоменко, а Бронислав Антонович Жук стал его командиром.

Бывшие пархоменцы были назначены командирами взводов, отделений в другие отряды. Николая Чиркуна взяли в бригадную разведку, Владимира Малая — в диверсионную группу А. С. Рудаковского, которая и сейчас считалась 3-м отрядом.

Многих старых боевых друзей уже недосчитывались в бригаде. Погибли Виктор Беляев, Максим Сальников. Ивана Миргородского, боевого пулеметчика, отправили на Большую землю с тяжелым ранением. Бывшего комиссара батальона Бондарева с Василием Виноградовым послали с важным заданием на территорию Минской области. Николай Глазов, Василий Сазонов, Анна Урбан, Геннадий Садоха ушли за Двину. Желających пойти вместе с ними было много. Кому не хочется взглянуть на свою деревню, встретиться с родными?! Особенно в такое тяжелое время, когда неизвестно, будешь ли жив завтра.

Как там, в родном краю?

Вскоре оттуда вернулся наш неутомимый связной М. Б. Бакша. Он сообщил, что по территории Дриссенского и Освейского районов словно прокатился огненный смерч. Все уничтожено врагом. Снег, говорит, таял на полях от пожаров. Вся земля усеяна трупами. Только в Сарье заживо сожжено свыше двухсот человек — дети, женщины, старики.

Сошлись сарьянцы вместе. Никто смелости не наберется заговорить первым. Егор Олейников прислонился к дереву и плачет. У него было трое детишек. Сынок и дочурка у Максима Обуховича. Малышку, появившуюся на свет перед самой войной, оставил дома Владимир Цира.

С глубокой душевной болью восприняли страшную весть Люся с Ольгой. Они сейчас здесь. Не отстали от связных, которые первый раз посылались за Двину. Пришли вместе с ними и заявили:

— Нам там делать больше нечего. Какое может быть подполье, когда Сарья стала открыто партизан-

ской деревней. Просились мы на месте в партизаны — не взяли. Явились к вам. Надеемся, назад не прогоните...

Конечно, не прогнали. Как отказаться от активных помощниц по подпольной работе! Они и здесь не лишние. Вон Аня Урбан. В бою не уступает парням. К тому же она овладела навыками санитарной сестры. За плечами у девушки всегда висит сумка с перевязочным материалом.

Так же, как и Аня, стали бойцами нашей бригады Люся и Ольга. Неизвестна только судьба третьей подруги — Евдокии Ледак. Одни говорят, что ее убили полицейские, другие — подорвалась на mine. Как бы ни было, скорее всего ее уже нет в живых. Иначе объявилась бы.

Все же, как тяжело воспринимать сообщение о том, что твое родное село уничтожено! Это невыносимое, страшное горе.

Обратились к комбригу с просьбой разрешить направить группу товарищей в Сарью. Нужно разобраться в случившемся, узнать, кто погиб, кто, может быть, остался жив.

Отправились Николай Гинько, Василий Куприн. От Николая не отстала Ольга Махонька. Просился пойти и Володя Пирог, но ему не разрешили. Парня больше всего тревожила судьба Клавы. Он стал даже бредить во сне.

— Поверьте, из головы не выходит, — признавался он близким друзьям. — Как только закрою глаза, так и мерещится: то Клаву истязают фашисты, то, заблудившись в лесу, она зовет на помощь...

В конце концов не выдержал парень — самовольно ушел. Разведчики из соседней бригады были очевидцами, как смельчак перебирался на ту сторону Двины.

Был уже весенний паводок. Двина широко выплеснулась из берегов. Ледоход сердито теребил прибрежный кустарник, бесконечным караваном холодных глыб тянулся к Балтике.

Кто не видел, как весной идет лед по могучей реке, тот не может представить смелость человека, решившего перебраться с одного берега Двины на другой.

Володе, вероятно, все было нипочем. Он оставил позади довольно длинную дорогу, по плывущим льдинам

преодолея потоки разлившейся воды, на каждом шагу подвергая себя опасности.

Ушли посланцы. Ушел Володя. Каждый понимал, что лучших вестей не дождешься. Но все же теплилась какая-то надежда. Ведь партизаны не должны были допустить, чтобы повально всех уничтожили. Население всегда находит у них поддержку. Однако и коварство врага также известно.

Посланцы наши как ушли, так и след их простыл. Не дождались мы их.

НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ

Дедино. Нестеровщина. Речные. Чернички. Эти деревни стали опорными пунктами обороны, которую заняла наша бригада. Все отряды оставили лесной лагерь Горохово и расквартировались в селах. Образовался сплошной партизанский фронт. Левее нас бригады имени Ленина, «Железняк». Правее — непроходимое болото.

Правофланговым стал наш отряд, имени Пархоменко. Он расположился в Дедино. Здесь медведевцев, как называли нас среди местного населения, давно знали.

В прошлом, 1942 году, как только была завершена уборка урожая, Дедино навестили непрошеные гости из вражеского гарнизона в Докшицах. Приехали и стали очищать крестьянские закрома. Награбленное добро свезли в имение у деревни, и под замок. 7 ноября был подан транспорт для перевозки зерна в гарнизон. А тут наши партизаны подоспели. Разогнали «заготовителей», сожгли две грузовые автомашины, а хлеб вернули тем, кто его выращивал, кому он по праву принадлежал. С тех пор мы и знакомы.

— Защищайте нас — будем и кормить, и одевать, — заявили дединцы.

Потеснились в своих домах крестьяне, давая место партизанам. И почти из каждого дома в отряд пришел новый боец: Константин Рудько, Илья и Петр Карниловичи, Василий Сыс, Василий Аникович.

Штаб отряда разместился в доме Федора Карниловича. Так советовали крестьяне.

— Мы всегда приходили сюда за помощью. Пусть и сейчас так будет.

Хозяин дома — степенный, с пышной бородой старик — в первом же разговоре рассказал о своей семье, видимо, для того, чтобы мы не чувствовали себя отчужденно.

Муж старшей дочери Василисы Митрофан Костыркин поддерживал связь с Кудрявцевым. При нападении на «стражницу» близ Тумилович одного человека из группы Кудрявцева ранило. Его спрятал в своем доме Костыркин. Но кто-то донес об этом немцам. Фашисты учинили жестокую расправу. Чудом спаслась лишь Василиса.

— Сейчас она у нас живет. До сих пор скрывалась от чужого глаза, — пояснил Федор.

Замечательные люди жили во всем этом крае. Здесь продолжали славные традиции революционной борьбы с поработителями. Члены Коммунистической партии и комсомольцы Западной Белоруссии создавали очаги антифашистского подполья. Как только стали организовываться партизанские отряды, патриоты постарались установить с ними связь, помогали создавать сеть подпольщиков и связных в районе железнодорожной станции Крулевщина, снабжали нужными сведениями. При их содействии в партизаны пошла молодежь из-под самого носа врага. Парни из этих мест впоследствии стали хорошими проводниками партизан на «железку».

Дедино располагалось вплотную к лесу. А со стороны Докшиц к деревне сбегало чистое поле, по которому и протянулась линия нашей обороны. Здесь часто гремели бои.

С наступлением второй военной весны враг предпринял несколько попыток выбить нас из деревень. Но партизаны стойко удерживали занятые позиции и одновременно усиливали свои удары.

Первого мая в отрядах состоялись митинги. Бойцы брали на себя конкретные обязательства: спустить под откос эшелон, взорвать мост, уничтожить столько-то фашистов.

4 мая два отряда бригады отправились в сторону Докшиц. Решили разгромить гарнизон. Этот замысел вынашивался еще со времени переговоров с полицейскими на хуторе около Тумилович. Они передали нам подробный план гарнизона, сообщили все необходимые сведения о нем. Жаль только, что следы тех, с кем тогда

встречались, были потеряны. К нам перешел лишь зять старика из Лашенок. Но вскоре погиб. Остальные неизвестно где. Может, к бегомльским партизанам перешли.

Как бы ни было, план их пригодился. А с тех пор в гарнизоне мало что изменилось.

Когда стемнело, партизаны ворвались в Докшицы. Наш 1-й отряд наступал с запада по дороге, что идет от Крулевщины, а 2-й отряд — с северной стороны.

Первым проник в центр гарнизона пулеметчик Леонид Гарбуль. У бетонного мостика он выбрал для себя удобную позицию и решительно включился в перестрелку с фашистами, засевшими в бункерах. На помощь ему подоспел взвод К. П. Михайлова из 2-го отряда. Опорные пункты врага были надежно блокированы.

Но полностью разгромить докшицкий гарнизон, который доставлял хлопоты и нам, партизанам, и населению, не удалось. Со стороны Крулевщины подоспело подкрепление. Нашему отряду нельзя было дольше оставаться в Докшицах. И так отходить предстояло через чистое болото.

Партизаны нанесли врагу ощутимый урон. Была разрушена мельница, выведен из строя маслозавод, сожжены казармы, приготовленные для какого-то белогвардейского формирования, находящегося в Лужках.

Население пристально следило за деятельностью партизан. Все радовались, когда враг терпел поражение. Но не всегда хватало сил сдерживать его натиск. Противник часто использовал артиллерию, танки и даже авиацию. Приходилось с горечью оставлять свои позиции. Тогда вместе с нами отходили за реку Березина и укрывались в пуще жители Дедино, Речных, Нестеровщины. Там были приготовлены землянки. Для каждой деревни — свои лагеря. Их в шутку называли «Шанхай-город», «Венеция», «Баку».

Вскоре враг предпринял широкое наступление против партизан всей зоны. Отряды нашей бригады около недели вели упорные бои. Удачно встретили карателей около Горново-2 бойцы 2-го отряда. Здесь снова отличился взвод Константина Михайлова. Он и комиссар отряда Н. В. Улановский умело выбрали место засады, правильно расставили силы, а когда появился враг, личным примером увлекли товарищей в бой. Около сотни гитлеровцев нашли здесь себе могилу.

После этого боя К. П. Михайлов был назначен командиром отряда. Что же, заслуженная честь. В боях этот человек всегда отличался смелостью, решительностью.

Когда враг начал теснить бригады Дубова, «Железняк», имени Ленина, наши отряды по приказу комбрига скрылись в болотах Голубичской пуци. Приказ имел основание — на исходе были боеприпасы. Однако партизанам не хотелось сидеть среди болот.

Первыми открыто стали выражать свое недовольство рудаковцы.

— Как же так? Рядом идут бои, а мы ждем чего-то. Нужно действовать. Хватит комаров бить, — заговорили они.

Зная нрав своих ребят, Антон Рудаковский приказал незаметно готовиться к выходу на «железку». Партизаны обрадовались.

Пока мы находились в мядельских лесах, группа во главе с А. С. Рудаковским в составе двенадцати человек пустила под откос пять вражеских эшелонов и взорвала на минах около двадцати автомашин противника.

Действуют рудаковцы напористо. По двое-трое суток иногда приходится им проводить в засадах, но врага обязательно дождутся. И всегда его хитрости противопоставляют дерзость, партизанскую смекалку, самобытную народную тактику.

И на этот раз Рудаковский задумал не совсем обычное. Определив, кому и что делать, он позвал к себе Григория Шандолу:

— Умеешь из лозы кошелки плести?

Тот удивленно посмотрел на командира. Зачем понадобились эти кошелки? Но не осмелился спросить, а лишь покорно махнул своей рыжей шевелюрой. Значит, да...

— Пройдемся.

Перед взором обоих раскинулось болото. Местные жители называют его «зыбун». Когда идешь, то словно волна морская катится вперед. Опасное место.

— Вон, видишь на том берегу лозняк? Отправляйся туда и чтобы к вечеру кошелки были. Понял?

Рудаковский посмотрел в добродушное лицо парня, усмехнулся. Может, припомнилось ему, как Григория брали в партизаны.

Это было на одном из хуторов в Плисском районе. Хозяин-скряга, задавшись целью стать богачом, начал обзаводиться батраками.

Зашли как-то на хутор партизаны. Смотрят: на печи сидит кряжистый молодец. На нем только исподняя рубаха. Попытались с ним завести разговор, хозяин не дает слова сказать:

— Он у нас немой.

— А мы хотели взять его с собой,— не то в шутку, не то всерьез ответил кто-то из партизан.

— Подождите,— закричал с печки «немой».— Я пойду с вами...

После этого у хозяина будто речь отнялась!

А парень сбросил с себя самотканую рубаху, извлек из шкафа одежду хозяина, натянул на ноги его добротные яловые сапоги, набросил на плечи овчинный тулуп и раскланялся:

— До побачення, пан. То, что я у тебя заработал, взял. Квиты будем...

Вначале Григорий показался каким-то угловатым, замкнутым. Однажды он рассмешил всех.

Находившиеся в карауле попросили его посмотреть на часы и сообщить, который час. Выходит Григорий из дома и показывает, вытянув руки:

— Вот так стрелки стоят...

Удивляться было нечему. Парень оказался совершенно неграмотным. Но это не помешало ему быстро свыкнуться с партизанской жизнью и стать вровень с такими, как Женя Поздняков, Слава Чернобуров. Как только он попал в группу Рудаковского, над ним взял шефство Александр Беспалов — человек храбрый, смекалистый, хорошо знающий военное дело. Он научил Григория, как нужно обращаться с оружием, устанавливать мины, как действовать в сложной обстановке. А смелости, выносливости парню не нужно было ни у кого занимать.

Когда над болотом сгустилась пелена вечернего тумана, рудаковцы неприметно для других собрались и направились по следу Шандолы.

А ночью прогремел их «салют». Замысел удался. Было разрушено около километра железнодорожной линии.

Сами участники вылазки рассказывали так:

— Подошли к железной дороге, прислушались. Где-то с левой стороны раздался чужой говор. Значит, недалеко бункер.

«Правильно вышли, — заключил командир. — Отсюда и начнем».

Из вещевых мешков в кошелки, сплетенные Григорием, переложили толовые шарики. Бесшумно выбрались по крутому откосу на полотно дороги. Разомкнулись: вперед ушли пулеметчики, за ними подносчики тола. Минеры тут же припали к рельсам с первыми подготовленными зарядами. Прошли шагов двадцать, снова склонились. Проворно, слаженно закипела работа.

Вскоре ожила «железка». Всплески огня, грохот взрывов...

Смельчаки работали под прикрытием взрывов только что заложенных ими зарядов. Взрывы раздавались позади них, а впереди двигались свои пулеметчики. Охрана дороги пыталась броситься вдогонку, помешать работе, но преграждали взрывы. А впереди — пулеметчики.

Хитрый замысел. Но здесь нужны точный расчет, четкость исполнения. Стоит только замешкаться, как догонят взрывы.

А какая нужна выдержка! Ведь действовать приходилось буквально под свистом пуль и осколков. Опасности подвергались пулеметчики. На каждом шагу возможна встреча с противником.

Могли и свои обстрелять, партизаны, подстерегающие из засад патрулей. По ошибке, конечно.

Партизаны оценили новый метод рудаковцев. Как только слышали последовательно перемещающиеся вдоль железной дороги взрывы, в один голос заявили: «Рудаковского «катюша» заработала».

Ценность метода заключалась еще и в том, что противник не мог сразу разгадать его секрета, а значит, предпринять меры противодействия.

Вслед за Рудаковским на боевое задание направилась группа из нашего отряда. Командир поручил разведать участок железной дороги и тут же пояснил:

— Перейдем на ту сторону и начнем действовать.

Под вечер мы были на Лимовике, сухом островке леса среди почти непроходимых болот. Рассказывают, что этот зеленый островок когда-то являлся излюблен-

ным местом охоты у знати. Сюда были проложены кладки из толстых бревен со стороны Крулевщизны. Сейчас они служат партизанам. Нелегко, правда, по ним ходить. Бревна изрядно подгнили, сделались скользкими. Их засосала трясина. Ступил — смотри под ноги, зазеваешься — будешь в грязи по уши.

Чтобы благополучно преодолеть это опасное место, нужно вооружиться подпорками. В одну руку берешь кий, в другую — и шагаешь.

Сейчас впереди вроде бы никого нет. Все палки-подпорки на этой стороне. Значит, последние путники возвращались на Лимовик.

Коротка июньская ночь. Можно сказать, мгновение. Не успеешь с темнотой свыкнуться, как уже светает. А нам нужно к наступлению темноты пройти кладки, а затем до шоссе километров пять и от шоссе до железной дороги столько. Местность открытая. Двигаться можно только в темноте.

Как же управиться?

Видимо, нужно перенести свои исходные позиции за шоссеиную дорогу. Не с Лимовика начинать, а с более близкого расстояния. Иначе ничего не получится.

Сказал я об этом друзьям. Те не поняли замысла. Пришлось пояснить.

— В первую ночь перейдем шоссеиную дорогу и где-либо во ржи заляжем на дневку...

— А с наступлением второй ночи начнем разведку. Так, что ли? — перебил меня Володя Малей.

— Не только ночью, днем можно наблюдать...

— Это, пожалуй, верно, — снова отозвался Володя.

Чтобы запутать свои следы, решили заминировать шоссеиную дорогу. Мины обязательно дадут о себе знать. В таком случае враг подумает: «Были партизаны и ушли». А мы здесь, рядом.

Рискнули. Не обошлось без тревог.

Только мы расположились на необычную дневку — послышалась стрельба. Все ближе и ближе раздавались винтовочные выстрелы.

Лежим, ждем страшной участи. Неужели напали на наш след?

И вдруг раздался взрыв. Вскоре после этого по булыжнику затарахтели повозки и весь шум-гам стал все дальше отдаляться в сторону Крулевщизны.

Под вечер пошел дождь. Промокли ребята, продрогли, не усидели во ржи. Один за другим перебежали на хутор. Хозяин и рассказал о том, что случилось днем.

Оказывается, сегодня «девятник» — большой католический праздник. Следовавшая обозом со стороны Докшиц вражья рать рассыпалась по хуторам в поисках самогона. Когда вояки изрядно «причастились», они подняли бесцельную стрельбу. А спугнула их, оказывается, наша мина. На нее наскочила танкетка.

Не зря, значит, прихватили с собой взрывчатку. Тол партизану, как лесничему ружье, всегда может пригодиться.

Возвращались с задания усталые. Много рельсов перебили. Вот только маршрут пришлось изменить. Когда подошли к кладкам, заметили следы немецких кованых сапог. Значит, рыщут фашисты по нашим тропам, что-то пронюхали.

С нами был Кузьма Божок. Он здешний, из Торгунов. Под прикрытием густого утреннего тумана Кузьма провел нас через болото другими тропами. Заодно заскочил парень в родную деревню, узнал обстановку, принес перекусить. Сообщил:

— Каратели удочки сматывают. Весь день сегодня через Докшицы в обратном направлении двигались. Значит, блокаде конец...

Кузьма вдруг запнулся, посмотрел на нас и показал на дорогу.

— Смотрите, смотрите. В нашу сторону, кажется, пошли...

От Торгунов к Стенке двигалось человек тридцать, одетых в немецкую форму, вооруженных пулеметами и автоматами. Мы тайком за ними. В Стенке нам сообщили:

— Все говорят по-русски. Спрашивали, как к партизанам пройти.

А уж в Дедино, истинно партизанской деревне, все стало ясно.

В карательной экспедиции против партизан участвовало воинское соединение (дружина Гиль-Родионова, состоящая из двух хорошо вооруженных полков и частей обслуживания). Дружина была создана германским командованием преимущественно из военнопленных и называлась «1-я русская национальная бригада».

Когда мы вели наступление на Докшицы, на помощь полицейскому гарнизону прибыл один из батальонов этой бригады. Здесь он и остался. Потом прикапало все войско. Штаб разместился в Бересневке, недалеко от Бегомля.

И вот первые перебежчики к нам.

Родионовцы не проявляли особого рвения к поджогам, не чинили издевательств над мирным населением. Это давало нам основание верить, что среди них есть люди, которых судьба случайно привела в стан врага.

Попытались через тех, кто уже перешел к нам, связаться с остальными гиль-родионовцами. Это удалось. Завязалась тайная переписка. Активным посредником стала Елена Карнилович из Дедино, слепая от роду девушка.

Лена сама вызвалась помогать партизанам. Кто-то ей рассказал о разведчице Клаве Шоколадовой. Узнала Лена, как смелая разведчица открыто ходила в немецкие гарнизоны: когда под видом деревенской девчонки в старой, самотканой одежде, когда нарядной модницей, запросто поднимающей руку перед попутными машинами.

Уважали Клаву партизаны за ее дерзкий характер, за веселые песни. Берегли ее. Но вот в Зябках разведчица познакомилась с гитлеровским офицером и попыталась выкрасть у него документы. Заманила его за деревню, подобрала удобный момент и выстрелила в фашиста из пистолета. Тот упал, притворился мертвым. Клава взялась снимать планшет, а фашист тут же вскочил. Не смогла Клава выстрелить в него второй раз — в пистолете заело патрон.

Мужественную комсомолку задержали, доставили в Глубокое, издевались на допросах, а потом расстреляли.

— Красивая, образованная, не пожалела себя. А я что? — сказала Лена. — Доверяйте, любое посильное задание выполню.

Нашли для Лены дело. Доверили. Дошло до того, что гиль-родионовцы стали снабжать нас боеприпасами. Кто-либо из перебежавших к нам (чаще всего Михаил Носов или Зорий Фокин) подготовят записку своим знакомым о том, что, например, нужны патроны к немецкому автомату, израсходовали все, выручайте.

Записка через Лену попадает адресату. И почти каждый раз после визита Лены мы получали боеприпасы. Кто-либо да оставит подарок партизанам и через Лену сообщит, где он припрятан.

Шли письма и другого содержания. Через них налаживались своеобразные переговоры об организованном переходе на сторону партизан. Но этот вопрос был сложным и тонким. Основную работу по разложению этого националистического формирования вело командование бригады «Железняк». Каждый неосторожный или неумелый шаг мог помешать всему делу.

НАШ «АЙБОЛИТ»

Когда враг предпринял наступление против нашей зоны, партизанский госпиталь находился в деревне Глинище. С каждым днем бои приближались к территории Ушачского района. Поступающие раненые сообщали тревожные вести: партизаны не выдерживают натиска до зубов вооруженных гитлеровских захватчиков.

Врачом в партизанском госпитале был Владимир Кириллович Дорошкевич. Верной его помощницей — жена Любовь Моисеевна.

Супруги Дорошкевичи пришли к партизанам по велению сердца. Когда наш отряд развернул активные действия против оккупантов, естественно, появились раненые. А раненым требовалась медицинская помощь.

В отряде были свои сапожники, повара, оружейные мастера. А вот на врачей вначале просто не везло.

И вдруг партизаны обрадовались:

— Доктор к нам прибыл.

Да, настоящий доктор, да еще со своим помощником.

Когда гитлеровцы расстреляли в Ушачах старшего брата Василия, Владимир Кириллович твердо решил уйти в партизаны. Со своей женой Любой постепенно перетащил в лес все оборудование великодолецкого врачебного пункта, надежно его там спрятал. Пришло время, об этом узнали партизаны и не замедлили съездить за драгоценным грузом. Заодно привезли в отряд и врача с женой.

Задумался партизанский доктор. «Нужно оставлять деревню», — решил он окончательно, когда в Глинище разорвался первый вражеский снаряд.

Владимир Кириллович облазил болота и среди топей выбрал для госпиталя укромное место. С трудом перетащили туда всех раненых и больных тифом. Но забот и тревог не убавилось. Взялись сооружать жилье. За километр таскали по трясине смолистую кору. Все, кто мог передвигаться, были включены в работу. Заготавливал «кровельный» материал дедушка Черепенька. В этом деле он показал себя настоящим мастером. Проведет по стволу ели топором, подсунет топорище под кору — и готово. Давай только таскай.

Шалаши быстро построили. Встал вопрос, как избавиться от комаров. А их было столько, что сухой островок среди болот сразу же окрестили «комариным». Гадали-гадали, как быть, и решили отправить людей в деревню за мешками. Можно было спастись от комаров, разложив костры. Но костров без дыма не бывает, а появится дымок, тут же засекут с самолета.

Достали несколько мешков. В них одели тех, кто не мог шевелить руками.

Нужно было позаботиться и о питании. Как-никак, семнадцать раненых и более тридцати человек больных тифом.

Пока устраивались, госпиталь оказался отрезанным от своих. Где кто — неизвестно. Только слышны вокруг одиночные выстрелы. Значит, цепи врага уже прочесывают окружающую местность. Всем больным выдали гранаты.

— Если враг накроет, ^и каждый должен быть в строю. Поняли? — и тут же Владимир Кириллович добавил: — До конца буду с вами.

На посты стали с винтовками медсестры, некоторые раненые. Владимир Кириллович взял на себя функции начальника всей караульной службы. Ночами напролет он не смыкал глаз. То посты проверял, то около раненых находился. Как мог, уговаривал всех обходиться без «охов!» и «ахов» — вести себя как можно тише, сдерживаться.

Не до сна было всем. И больные, и здоровые с минуты на минуту ожидали беды. Однажды случилось такое происшествие.

На посту находился дедушка Черепенька. Где-то среди ночи всех разбудил его тревожный голос:

— Спасайтесь, нас окружают...

В мгновение весь лагерь пришел в движение. Превозмогая боль, больные вскакивали на ноги, тут же падали, просили о помощи. Многие уже приготовили гранаты, чтобы подорваться.

Но все обошлось благополучно. Владимир Кириллович вовремя разобрался в обстановке.

— Отбой! Время валерьянку принимать, — раздался его властный голос в самый напряженный момент.

Оказалось, старик ошибся. Измотавшись за день около раненых, он присел на пень и задремал. В это время Вася Лемеш, а он носил немецкий френч, незаметно забрел на край островка. Возвращаясь назад, он и нагнал такого страху на дедушку. Тот принял его за карателя.

Смешным оказался случай. Но мог обернуться большой бедой.

Ночной переполох заставил принимать дополнительные меры предосторожности. А вдруг враг засек суету? С наступлением рассвета больных разнесли по всему острову и спрятали в самых укромных местах.

Чего только не пережили поселенцы «комариного острова» за время блокады. Но все остались живы благодаря мужеству своего доктора. Владимир Кириллович остался верен своему долгу. Он все предпринял, чтобы спасти подопечных.

При возможности оказывалась посильная помощь гражданскому населению. Однажды при бомбежке тяжело ранило пожилую женщину. Доставили ее в партизанский госпиталь. Владимир Кириллович осмотрел пострадавшую. Осколок бомбы прошел через шубу и вместе с лоскутом овчины впился в мышцы грудной клетки прямо у самого сердца.

Что предпринять в таком случае? Возможно, лоскут овчины служит тампоном. Вытащи его, и жизнь человека оборвется. А не извлечь осколок — тоже конец.

Смахнул доктор холодный пот со своего широкого лба и решился:

— Люба, пинцет.

Верная помощница тут как тут. Все у нее подготовлено.

Началась упорная борьба за жизнь. Осторожно, натруженными пальцами потянет доктор смертельный кусок металла и остановится. Встревоженные, но сосредоточенные глаза его не отрываются от лица мученицы.

— Люба, проверь пульс.

— Пульс есть.

И снова руки в работе.

Так длилось около часа. Но вот осколок извлечен. Женщина будет жить.

Нашему доктору приходилось делать многие сложные операции в таких условиях. Как-то один из партизан по неосторожности подорвался гранатой. Повредило руку. Потребовалась ампутация. Но нужных для этого инструментов не было. Что же делать?

Владимир Кириллович попросил отыскать простую ножовку. Инструмент кузнеца оказался пригодным для сложной операции. Очистили ножовку, прокипятили, продезинфицировали. Операция прошла удачно. Раненый партизан выздоровел и был впоследствии отправлен на Большую землю.

Нашими медиками проводилась среди бойцов большая работа по предупреждению тяжелых заболеваний. Люди находились в трудных условиях. Кто простыл или натер ноги, кого змея укусила, у кого желудок сдал, не считая уже раненых и больных тифом,— всем требовалась квалифицированная помощь. Немаловажное значение имели советы врачей о том, как уберечься от той или иной болезни.

А чем было лечить?

Владимир Кириллович собирал травы, готовил из них разные присыпки, примочки, настои. На лекарство шла кора многих деревьев. Бывало, зайдешь к доктору, а у него целая аптека. Все разложено по полочкам.

Только вот дедушка Черепенька, который бессленно находился при госпитале, не признавал эти снадобья за лекарство. У него было свое мнение:

— Водочка, вот это сильное действо,— начинал он.— От всех болезней она. Но только с толком ее нужно принимать. Как лекарство.

А впрочем, и доктор не отбрасывал такое «действо». У него стояло несколько бутылок крепкой самогонки, настоенной на разных корешках.

В свое время Владимир Кириллович убедил командование бригады в том, что нужно вместе с мукой, сушеным мясом, луком иметь в запасе определенное количество умело сделанной самогонки.

Самогон готовили по рецепту самого комбрига. Анатолий Данилович, оказывается, по профессии инженер спиртовой промышленности. Свои способности он показал на деле. В НЗ было поставлено несколько десятков литров самого хорошего спирта. Пригодился он в блокаду как лекарство и дезинфицирующее средство.

Много хорошего в памяти людей оставили партизанские медики, наш лесной «Айболит» — Владимир Кириллович Дорошкевич. Их дела стоят рядом с подвигами тех, кто пускал под откос вражеские эшелоны, взрывал мосты, громил врага в открытых боях.

ПАРТИЗАНСКАЯ НАУКА

Окончилась блокада. Бригада снова заняла свои опорные рубежи вдоль Березины. Наш отряд, как и прежде, расквартировался в деревне Дедино. Но об отдыхе не приходилось и думать. Почти каждая ночь была перед боем. Как только наступает день, так и начинается.

...Бронислав Антонович проснулся раньше обычного, вышел на улицу. Так уж он устроен: если кто-то из партизан не в отряде, спокойно себя чувствовать не будет.

Вчера вечером с группой партизан отправился на довольно рискованное задание В. М. Цира. Каким-то образом он узнал, что в имении Лопуты содержится стадо коров. Продукция из этого имения идет на питание шефов докшицкого гарнизона. Владимир Максимович понимал, как трудно после блокады с продуктами. Враг подчистую ограбил население, а те запасы, которые имелись на партизанских базах, давно иссякли.

— Нужно забрать буренок, — предложил он в штабе и, как всегда, не обошелся без шутки. — Там не дети, могут и без молока обойтись.

Лопуты рядом с Докшицами. Попробуй проберись туда! Но Цира так сумел преподнести план действий,

что ему не стали возражать. Нашлись и добровольцы пойти вместе с ним.

На улице Бронислав Антонович встретился с патрулем, спросил его:

— «Скотоводы» наши вернулись?

— Что-то не видно было, — последовал ответ.

Командир отряда жадно затянулся самосадом, пошел к пригорку. Оттуда хорошо виден лес, тянувшийся с левой стороны от Докшиц.

Вдруг Бронислав Антонович бросил недокуренную самокрутку, настороженно всмотрелся вдаль.

Над лесом поднималось облако дыма. Оно медленно расплзлось на фоне утреннего неба. Тут же послышались далекие, глухие взрывы.

Поднятый по тревоге отряд спешно направился к месту предполагаемого происшествия, к лесному хутору Погулянка. А там уже орудовал враг. Вокруг сарая, охваченного пламенем, горланили полицейские. Из ворот сарая раздавались одиночные выстрелы. Несколько гитлеровцев суетились у загона со скотом. Среди них почему-то маячила высокая фигура Бутько.

Все стало ясно, когда удалось оттеснить фашистов.

Из имения партизаны вывели коров без шума. Благополучно добрались до этого, окруженного со всех сторон лесом одинокого хутора. Когда подходили к хутору, Бутько отозвал Циру и обратился с весьма странной просьбой:

— Разрешите одну коровку взять... Бек буду помнить...

— Как взять? Для чего?

Подобные делишки строго-настрого запрещались. Владимир Максимович наотрез отказал.

— Значит, нельзя? Так... — в голосе просителя появилась нотка какой-то сдерживаемой обиды. И тут же последовала новая просьба: — А домой заглянуть можно?

Цира знал, что Бутько из Стенки. Она рядом, километрах в двух-трех. «Пусть сходит, а мы этим временем передохнем малость», — решил он.

Коров загнали за изгородь, а сами расположились на сеновале.

Бутько же, оказывается, пошел не в родную деревню, а в гарнизон. Из-за него горстка наших партизан

и оказалась в ловушке. Чуть не захватили сонных. Если бы не Максим Обухович...

— Слышу, коровы замычали. Что-то неладное, думаю. Вышел из сарая, а полицаи рядом. Одну гранату бросил, другую... Хлопцы проснулись, начали отстреливаться...

До трагического конца оставалось полчаса, не больше. Хорошо, что в сарае было сложено свежее сено. Оно сдерживало пламя.

Но враг на этот раз не собирался уступать. На второй день, 4 августа, был брошен против партизан батальон из «1-ой русской национальной бригады». Все вокруг гудело от взрывов. Среди партизан появились раненые. Первым отправили в госпиталь Марковича. Разрывной пулей ему раздробило ногу.

К полудню бой утих. Но, видно, ненадолго. За кустарниками, впереди наших позиций, слышался рев моторов, лязг гусениц.

Командир приказал отвести отряд.

— А я останусь здесь, вот с этой группой, — заключил он и осмотрелся.

Около Бронислава Антоновича толпились люди из взвода Громова. Это самый боевой взвод в отряде, а командир его — смелый и хладнокровный. В штабе бригады уже поговаривали: нужно выделить взвод Александра Громова в самостоятельную боевую группу и из нее сформировать 5-й отряд. Что же, правильно, основа отряда будет крепкая. Кандидатура взводного вполне подходит на пост командира отряда, а его помощника Евдокима Сидоренко можно назначить комиссаром. Это человек проверенный в боях.

Бронислав Антонович оборвал разговор с Громовым, хитровато посмотрел на меня.

— Что-то наш начштаба задумался. Не поминки ли собрался справлять по нас? — Подсел, похлопал по плечу. — Беду не нарекай. Отводи отряд за Березино. И будьте там начеку.

Замысел у командира был такой: отвести отряд и завлечь противника к реке. Потом дать ему урок партизанской науки.

— Вы отойдете, а мы спрячемся вон в том люпиновом поле. Черта с два обнаружат. Пропустим вперед, а потом и в хвост и в гриву... Ну как, пойдет?

К кому обращался Бронислав Антонович, трудно было понять. То ли ко мне, то ли к Саше Громову. Скорее всего он рассуждал сам с собой, чтобы еще раз взвесить реальность задуманного плана.

Чеслав Лавринович тут же возразил:

— Не пойдет, товарищ командир.

— Почему?

— Одно важное условие не соблюдено.

— Какое?

— Про комиссара забыли. Я должен быть с людьми, которые идут на риск.

Ч. М. Лавриновича только назначили комиссаром отряда. И вот он старается оправдать доверие своих товарищей.

Бронислав Антонович посмотрел на Чеслава, решительно махнул рукой:

— Пусть будет по-твоему. Оставайся с нами...

Расчет командира оправдался. Враг, не встретив сопротивления, ринулся вперед. Растянулись его наступающие ряды. Скоро атакующие достигли реки. И вдруг позади них затрещали пулеметы, автоматы. Вихрь внезапной контратаки расстроил ряды противника, обратив его в бегство.

Последний бой с формированием Гиль-Родионова на «дединских рубежах» мы держали 15 августа, а на второй день от командования бригады поступило указание с секретным предписанием: «Со стороны Докшиц снять засады и разминировать дороги. Родионовцы переходят на сторону партизан».

Отряду было дано задание выйти в район деревни Стенки и наблюдать за тем, как будут разворачиваться события.

— Если твердо убедитесь, что переходят, тогда отправляйте людей на подрыв железной дороги, — распорядился комбриг.

План общих действий был такой: родионовцы начинают с Бересневки, где находится их штаб, затем «обрабатывают» докшицкий гарнизон, захватывают железнодорожную станцию Крулевщина и развивают наступление на Глубокое. В это время бригада «Железняк» наступает на Парафьяново. Наша бригада направляет подрывные группы для разрушения коммуникаций.

С нетерпением ждем подтверждения искренности намерений родионовцев. Остерегаемся провокаций. Направили разведку в сторону Докшиц. Обратного не дождался. Послали еще группу бойцов.

Перед рассветом в Докшицах вспыхнул пожар. Одновременно со стороны Крулевщины послышалась стрельба.

И все же это никак не укладывается в сознании. Ведь вчера только были врагами.

Не верится, видимо, и командиру нашего отряда. Во вчерашнем бою он попал с группой бойцов в такую ловушку, что еле живым выбрался. Трех партизан ранило.

— Поднимай людей, — приказал Бронислав Антонович. — Пойдем всем отрядом. Если что, примем бой...

Не доходя до сосняка, что около Торгунов, встретили посыльных от нашей разведки.

— Да, действительно переходят. Свыше двух тысяч хорошо вооруженных бойцов. Вон в сосняке уже стоят автомашины, пушки, — взволнованно сообщили разведчики.

Подробности стали известны позже. Поворотным моментом, оказывается, явилась встреча, предложенная командованием партизанской бригады «Железняк».

Вот некоторые детали.

В формировании Гиль-Родионова манера воинского обращения была такая же, как в царской армии. Когда командир после тайной встречи с партизанами объявил о созыве в штабе экстренного совещания и явился сам, его встретили принятым в таких случаях обращением:

— Господа офицеры!..

Ответ на этот раз присутствующие услышали необычный:

— Здравствуйте, товарищи!

Кое-кто вскочил, как ужаленный, попытался прибегнуть к оружию. Но ретивых мгновенно усмирили.

Тут же был зачитан приказ. Это уже был приказ по «1-й Антифашистской партизанской бригаде». В нем излагался план действий новой бригады на ближайшее время.

Это было 16 августа.

Под вечер в этот же день два полка бригады, которые располагались в деревнях Бегомльского района, построились в походные колонны и двинулись по дороге на Докшицы. В докшицком гарнизоне еще никто не знал о намерениях родионовцев. Приняли их там за своих. А те, как только прибыли, сразу же взялись за дело — обезоружили представителей фашистского командования, полицию, арестовали приспешников Мирского, обосновавшего здесь резиденцию белоэмигрантов.

Основные силы бригады, не задерживаясь, устремились на Крулевщизну. Штурмовые группы, где хитростью, где с боем, быстро овладели огневыми точками врага на подступах к этому гарнизону. Однако застать противника врасплох не удалось. Как-никак — важный железнодорожный узел. Оккупанты охраняли его более тщательно. В самом гарнизоне было оказано упорное сопротивление. Около четырех часов кипел жаркий бой. Край неба заволакивали облака черного дыма.

Во второй половине дня на дороге со стороны Крулевщизны показались подводы с трофеями. Значит, гарнизон был взят.

Обоз с трофеями растянулся на несколько километров. Для этого были срочно мобилизованы крестьяне. Они постарались принарядиться. Смотришь, сидит на возу дед, управляет лошадью, а на нем форма немецкого офицера — роскошный мундир, фуражка с высокой тульей. Из-под мундира торчит самотканая свитка, гармонируют с ней латаные и перелатанные штаны, лыковые лапти. Кое-кто при новом облачении был босиком. Видно, не всем по ноге пришлись кованые немецкие сапоги.

В общей сложности потери врага составили свыше трех тысяч человек. Я имею в виду также перешедших на сторону партизан родионовцев. В боях уничтожено около шестисот гитлеровских солдат и офицеров.

Армия партизан, в свою очередь, пополнилась целым соединением, по вооружению и оснащению не уступавшим регулярным войскам. Плюс к этому захваченные трофеи: тридцать шесть мотоциклов, двадцать пулеметов, три полевых орудия, около пятисот комплектов обмундирования, большое количество боеприпасов.

В разгромленных гарнизонах уничтожены сорок две автомашины, взорван крупный склад с боеприпасами, сожжена нефтебаза, разбито четыре паровоза, тридцать пять вагонов с военными грузами. Хорошо показали себя партизаны бригады «Железняк» и нашей бригады. Бойцы выполнили возложенную на них задачу.

Словом, врагу был нанесен ощутимый урон.

Нам уже было известно, из кого состояла бригада Гиль-Родионова. Из наших людей, оказавшихся в плену врага. Сам Гиль Владимир Владимирович был командиром Красной Армии. В начале войны где-то под Толочином его, раненого, захватили немцы и бросили в лагерь военнопленных. Не хочется верить, чтобы кто-то из родионовцев добровольно пошел воевать против своего народа. Нет. Их заставили взять оружие под угрозой голодной смерти. В душе они оставались нашими людьми. Все, за исключением явных предателей, с восторгом и радостью восприняли весть о переходе на сторону партизан. Рассказывают: как только был зачитан перед строем приказ, по рядам сразу же прокатилось многократное «ура!». Тут же солдаты и офицеры стали срывать с себя фашистские знаки различия, втаптывать их в землю, сжигать на костре.

Как этим людям сейчас быстрее искупить тяжелую вину перед Родиной? Конечно, прежде всего в открытых боях.

Впечатление складывалось такое, что добровольно перешедшие на сторону партизан станут хорошими бойцами. Например, Михаил Носов и Зорий Фокин. В первых же боях они показали себя смелыми, находчивыми. Этим людям доверили руководство взводами.

В летописи партизанских будней накапливались все новые и новые страницы. Разные они по содержанию, как и сама партизанская жизнь. Сколько в ней и радости, и горечи!

Хочется вернуться к операции по угону коров.

Владимир Максимович Цира руководствовался такими соображениями: забрать у врага скот, лишить его продовольствия и снабдить продуктами питания партизан. О себе он меньше всего думал. Не думал также этот человек о себе спустя несколько дней, когда с пу-

леметом прикрывал своих друзей, попавших на засаду врага около Суковатья. Сражался до последнего вздоха.

А рядом с этим замечательным товарищем по партизанским тропам шагал человек с совершенно иными побуждениями. По всей вероятности, Бутько привела в стан врага душонка скряги, иудушки. Он, видимо, надеялся, что за подлое предательство его вознаградят коровой.

В тот тяжелый для отряда день недостойный поступок совершил Дмитрий Беляев. Во время боя ему поручили доставить на передовую питание для бойцов и боеприпасы.

Подумать только: партизаны, изнемогая, отбиваются от нападающего врага, патроны на исходе, а этого бесшабашного парня заворожил самогон. Где-то в пути набрался так, что оказался в кювете с телегой, со всем провиантом. Подобрали нашего «Митрия», как он сам себя называл, на территории соседнего отряда.

Этим двум случаям нужно было дать строгую, принципиальную оценку.

Дело с Бутько ясное. Предательство карается смертью. А вот как с Беляевым поступить? Он находился на лечении после полученного ранения. Некого было послать с подводой — снарядили его.

Командир отряда склонен был простить парня. Но когда в штабе решался этот вопрос, приехал комбриг.

— Расстрелять! — бескомпромиссно заявил он.

— Нужно применить другую меру наказания. У него еще рана не зажила.

Комбриг стоял на своем.

— Расстрелять, и только! — перебил он Бронислава Антоновича и тут же обратился ко мне: — Пиши приказ, диктовать буду...

— Партизан Дмитрий Беляев в результате пьянки не выполнил приказа — оставил своих товарищей в бою без продовольствия...

После небольшой паузы Медведев обвел присутствующих внимательным взглядом и продолжил:

— За совершенное тягчайшее преступление — отступление от требований партизанской присяги — приказываю...

— Разрешите! — отозвался Бронислав Антонович и, как будто не слыша слов комбрига, продиктовал:

— Учитывая раскаяние Беляева в совершенном проступке и надеясь, что по выздоровлении от полученного ранения он искупит свою вину в боях с врагом, заменить расстрел поручением ответственного боевого задания.

Комбриг недовольно посмотрел на Жука, бросил в его адрес несколько нелестных слов.

— Ладно, огласите приказ перед строем, — наконец согласился он. И тут же обратился к своему адъютанту: — Поехали, Жора...

После такого разговора командир отряда никак не мог прийти в себя, нервно шагал по комнате, на ходу то расстегивая, то застегивая воротник своей поношенной гимнастерки.

Чтобы отвлечься, тут же окунулся в будничные дела отряда. Поинтересовался, чем заняты сейчас бойцы, как обстоит дело с боеприпасами. Затем вызвал к себе командиров взводов, переговорил с ними о предстоящих задачах и заодно напомнил:

— В свободное время нам следует организовать практические занятия по изучению оружия, отработке приемов боя. Нужно учить партизан, повышать их боевую подготовку.

— У нас на сегодня намечены такие занятия, — отозвался Николай Кулеш и, довольно улыбнувшись, добавил: — Тема: «Взвод в наступлении». Теоретически уже все вопросы сообща выяснили.

Деловые начинания чаще всего исходили от 1-го взвода, где командиром Кулеш. Хорошим он был пулеметчиком, хорошим стал взводным. Бывший сержант любит поддерживать армейские порядки. Не прочь иногда подчеркнуть свое превосходство перед другими командирами, мол, что вы в военном деле понимаете?

— Если готовы к занятиям, выводи взвод. Посмотрим на твоих орлов, — не долго думая, сказал командир отряда.

На опушке леса выстроились партизаны. Кто в чем одет, но все подтянутые, бодрые. Высокий, стройный взводный прошелся взад-вперед, окинул подчиненных придирчивым взглядом и обратился к ним:

— Противник форсировал реку и продолжает развивать наступление. Нам нужно опрокинуть его. Взвод

действует на главном направлении... Командиры отделений, принять боевой порядок!

Началась контратака. Основные силы взвода были брошены в лоб условному противнику.

— Отставить! — подал голос Бронислав Антонович и подозвал к себе взводного.

— Сколько имеешь на бойца патронов?

Николай Кулеш сразу понял, к чему клонит командир.

— Согласно армейской тактике... — начал пояснять он.

— Вести людей на явную смерть, — добавил Бронислав Антонович. — Ты понимаешь, что такое идти напрямую, имея мало патронов? Без какой-либо постоянной поддержки... Ты что, считаешь на артиллерию или самолеты?

Командир отряда попросил подозвать весь взвод. И заговорил с партизанами просто и ясно:

— Вы отрабатывали приемы наступательного боя на тот случай, когда у каждого будет висеть за плечами сумка с патронами. Сейчас у нас патроны наперечет. Значит, нужно на вооружение брать партизанскую науку. Видите, к самой реке примыкает кустарник. По нему и нужно пробираться. Если встретится противник, бей его гранатой или иди врукопашную...

— А здесь, — Бронислав Антонович повернулся влоборота, — с правой стороны, по ручью. Можно даже рискнуть перебраться на ту сторону реки и пугнуть противника там, где он не ждет удара. Нечем бить врага в лоб, побеждай его хитростью, смекалкой... Так мы должны действовать.

«Как вырос его командирский талант! Талант ведения партизанской войны в тылу врага», — подумал я.

И как нелепо в связи с этим было решение комбрига. Он издал приказ на отстранение Б. А. Жука от руководства отрядом. В приказе упоминался случай с Беляевым, предательство Бутко. Но это был только повод. Давно была замечена натянутость в отношениях между А. Д. Медведевым и Б. А. Жуком. Да и с другими командирами, которые пришли из-за Двины, Медведев почему-то не ладил. Это в свою очередь порождало в бригаде нездоровую обстановку. Только по этой причине ушли от нас Н. Т. Глазов и В. С. Сазонов, от-

делился отряд А. Д. Ловина. Скорее всего, из-за этого не вернулся с группой товарищей Николай Гинько, которого послали за Двину узнать обстановку. Он остался в бригаде И. К. Захарова.

Удивляло поведение Медведева.

А может, в суматохе последних бурных событий сдали нервы? Бывает же такое: вместо волевых качеств проявляются нервозность, растерянность, ничем не оправданная мнительность.

Что же, от таких пороков лечат. Когда появился приказ комбрига об отстранении А. Б. Жука от занимаемой должности, собрались командиры, комиссары, начальники штабов, пригласили командование бригады и выложили все начистоту.

Состоялся серьезный, принципиальный и полезный разговор. Многие припомнили.

Метод лечения оказался действенным. Медведев признал свои ошибки и дал слово подобных вывихов больше не повторять.

Оказал свое воздействие подпольный райком партии. Поведение Медведева обсуждалось на заседании специально созванного бюро.

Своевременным и очень полезным оказался для бригады визит представителей Вилейского подпольного обкома партии.

Первыми гостей встретили разведчики. Они вели наблюдение за передвижением противника. Обнаружили группу конников. Что за оказия? Если свои, то почему так беспечны? Враг тоже не должен был действовать так опрометчиво — днем ехать прямо в расположение партизан.

Разведчики бросились наперехват.

— Вы кто? — осадив взмыленного коня, спросил грузный всадник. Через круглые стеклышки очков в черной массивной оправе на «перехватчиков» смотрели проницательные, с хитринкой глаза. — Я вас спрашиваю, кто вы?

— Мы партизаны, — ответили разведчики.

— А нас за кого принимаете?

— Пока не выяснили.

— Для выяснения сопроводите к своему командованию...

Пришлось послушаться.

Это был Климов. Иван Фролович. Первый секретарь обкома партии. Вот здорово!

Партизаны внимательно рассматривали высоких гостей, восхищались их смелым рейдом. Не так ведь просто пробраться к нам из далекой Нарочанской зоны. Нужно преодолеть контролируемую врагом местность, пересечь железную дорогу. Что ни говори, рискованный путь!

На второй день в штабе состоялось совещание всего командного состава бригады. Выступал Климов. Он подробно охарактеризовал обстановку, изложил стоящие перед партизанами задачи.

Иван Фролович говорил о высоком патриотизме советских людей, о сложностях борьбы с коварным врагом.

— Нелегко идти партизанскими тропами. Очень нелегко. Но они ведут к победе. Мы сильнее врага. За каждым партизаном — десяток его верных друзей, за десятком партизан — сотня односельчан, за партизанской сотней — народ. Силу народа никому не сломить.

Слова секретаря обкома партии запомнились каждому из присутствующих. Понравилась всем высказанная им мысль об организации «рельсовой войны».

Тут же Иван Фролович вручил награды. На груди наиболее отличившихся засверкали медали «Партизану Отечественной войны».

После совещания разговор продолжили на заседании бюро подпольного райкома партии, куда было приглашено все руководство нашей бригады. О его содержании коммунисты доложили всему личному составу. Дело касалось повышения организованности, активизации боевой деятельности, усиления руководства.

Оживилась работа с молодежью. У нас чаще стали бывать товарищи из Докшицкого подпольного райкома комсомола: то Александр Гмыряк, то Иван Лабецкий.

Лабецкий — бывший партизан нашей бригады. Пришел он к нам из Ушачского района. Был рядовым бойцом. Потом...

Как-то вызывают меня в штаб бригады и предлагают пойти на комсомольскую работу. Я стал отказываться.

— А как же быть? — спросил комиссар и, улыбаясь, показывает в угол. — Смотри, какой богатый вы-

куп райкомовцы подготовили. Пять винтовок за одну голову...

Мне было не до шуток. Как оставить бригаду? Ведь начало ее, словно нить, тянется от родной деревни. Здесь и друзья, с которыми начинал партизанскую жизнь. Вот они сейчас какие бойцы! Бронислав Жук возглавляет отряд имени Пархоменко, Константин Михайлов — командир, а Николай Улановский — комиссар 2-го отряда. Александр Громов стал командиром 5-го отряда. В числе партизанских командиров Максим Обухович, Антон Липский, Николай Кулеш. Отважными пулеметчиками являются Петр Солтан, Антон Гончаренок.

Как-то, глядя на Володю Малюка, Бронислав Антонович заметил:

— Ты, брат, настоящим гвардейцем стал. Вернешься домой — отец не узнает.

А Володе всего пятнадцать лет. Взрослым его война сделала.

Ну как с такими расставаться? Стал объяснять причину своего отказа, еле убедил. Вместо меня послали Лабецкого.

Хорошим вожаком партизанской молодежи стал Николай Полозов. В наш отряд он прибыл из подпольной группы, которая поддерживала тесную связь с Кудрявцевым. Когда появились партизаны, оставил свой дом и ушел в отряд. Парню выпала честь побывать за линией фронта. Вернулся с Большой земли — избрали секретарем комсомольской организации 5-го отряда, потом был назначен помощником комиссара бригады по комсомолу.

На первый взгляд ничем не выделявшегося парня чаще всего видели в подразделениях с неразлучной полевой сумкой из черного дерматина. В этой сумке всегда находилась книга Николая Островского «Как закалялась сталь», привезенная им с Большой земли, газеты, листовки.

В перерывах между боями, на привалах, Николай всегда попадал в окружение партизан, жаждущих что-либо почитать или послушать.

Были среди нас такие, которые впервые знакомились с книгой Николая Островского. Жизнь в так называемых «восточных кресах» многих оставила негра-

мотными. С неуемной жаждой знаний уже в боевой обстановке они восполняли пробелы своего трудного детства.

Среди активных слушателей громких чток, особенно книги «Как закалялась сталь», был Василий Синица.

— Заворожил меня этот Корчагин, — как-то признался парень.

Видимо, совпали у него с героем Островского и мысли, и чувства, и стремления.

Василий первым из своей деревни Стенки стал партизаном. Пришел к нам в отряд, а следом горькая весть прилетела: «Полицейские в доме отца были и потребовали, чтобы сын назад вернулся».

Говорят, дедушка партизана им так ответил:

— Мы, старики, свое отжили, отмучились. Пусть молодые для себя лучшую жизнь добудут.

Василий, конечно, не вернулся назад. Бандиты еще раз навестили его дом, избили всех, а в третий раз расстреляли всю семью.

Мужественно перенес парень страшную весть. После этого Василий с еще большей настойчивостью стал рваться на боевые задания.

Вскоре небольшая группа партизан отправилась на «железку».

— Возьмите меня, — попросил Василий.

Взяли. Ночевали мы на хуторе Далекое. Рано утром разбудили нас взволнованные крестьяне из соседней деревни Глинище.

— Спасайте! Полиция нагрянула. Грабят, забирают добро...

Бросились напрямую через лес. На опушке приостановились, чтобы осмотреться. Из деревни доносились выстрелы, визг свиней, мычание коров. Значит, разбой продолжается.

У стога соломы, что стоял между деревней и лесом, маячили фигуры полицейских.

— Давайте уничтожим гадов, — предложил Василий и, не получив ответа, бросился к кустарникам. Вслед за ним наш Поздняков.

А в это время, откуда ни возьмись, еще группа полицейских. Правее нас, у опушки леса. Не подозревая ничего, один из полицейских установил пулемет прямо

на дороге, через которую только что перебежали наши смельчаки.

Что же будет? Нам открыть огонь? Но это не выход из положения. Если не выдержим натиска, враг отрет отход товарищам.

Разрядка получилась неожиданной. Наши смельчаки притаились в кустарнике. Вероятно, заметили полицейских. Потом поползли к пулеметному расчету.

А может, не видят опасности, которая их подстерегает? На всякий случай приготовились поддержать огнем.

И вдруг — взрыв, еще один. Пеленой дыма заслонило дорогу. А наши ребята уже рядом с нами.

Стволы вековых елей надежно прикрыли от пуль.

Перепуганные полицейские прекратили разбой и спешно отошли в гарнизон.

Личный состав бригады имени ЦК КП(б)Б к осени 1943 года состоял уже преимущественно из местной молодежи. Многие бойцы, зачисленные в отряды, до этого ничего не видели, кроме скудных единоличных хозяйств своих отцов. Их прежде всего нужно было закалять духовно.

Умело работали с молодежью наши партизанские комиссары: Ч. М. Лавринович (1-й отряд имени Пархоменко), Н. В. Улановский (2-й отряд имени Чкалова), Ф. Н. Ивендинов, Е. А. Сидоренко (5-й отряд имени Денисова). На конкретных примерах, взятых из довоенной жизни страны, они рассказывали о тех преимуществах, которые предоставила трудящимся Советская власть.

Организовывались своеобразные встречи с молодежью восточных районов республики, с выходцами из рабочего класса, колхозного крестьянства, с людьми различных национальностей. Из уст рассказчиков юноши узнавали о героизме и мужестве советских людей, отстаивающих завоевания Великого Октября. На ярких образах активных борцов за народное счастье, пламенных патриотов Страны Советов они воспитывали в себе мужество, стойкость, отвагу.

Нельзя не вспомнить о подвиге местных паренечков — Сергея Гомановича и Николая Апанасевича.

Зимой в канун годовщины Красной Армии в отрядах были проведены беседы о почетном воинском долге, о верности клятве Родине.

23 февраля партизаны бригады вступили в схватку с противником около деревни Стенки. Разгорелся горячий бой. На одном из участков находились Сергей и Николай. На них бросилась группа гитлеровцев, а у партизан отказало оружие. Они были вооружены самозарядными винтовками, реставрированными в мастерских Белугина. Основным дефектом такого оружия являлись частые случаи отрыва шляпки патрона в патроннике во время интенсивной стрельбы. И этот дефект никак нельзя было устранить — ствол винтовки побывал в огне, объем патронника нарушен. Что делать? Чем обороняться?

— Рус, сдавайся! — слышались голоса.

Парни пошли на врага врукопашную. Сергей Гомонович первым выхватил гранату и бросил в группу вражеских солдат. Не отстал от товарища и Апанасевич.

Так погибли комсомольцы.

А вот и еще пример мужества молодого партизана.

В одном из боев близ родной деревни Дедино Петра Карниловича поразило осколком мины в живот. Тяжело раненный, он дополз к опушке леса, спрятался в зарослях. Нашли его на второй день в безнадежном состоянии. Недалеко от паренька лежало два убитых фашиста. Значит, отбивался.

Хорошо воевала молодежь!

Когда на сторону партизан перешла бригада Гиль-Родионова, враг еще больше активизировал свою деятельность. Несколько дней подряд шли упорные бои. Несмотря на солидное пополнение, партизаны вынуждены были отойти за Поню и Березину. В яркой злобе фашисты не давали нам передышек. Против партизан использовались специально подготовленные части. Почти каждый день враг устраивал хитро продуманные вылазки.

Но чем коварнее становились гитлеровцы, тем настойчивее партизаны стремились нанести им поражение. В это тяжелое время чаще всего ставку делали на диверсии. Получалось это неплохо. Особенно успешно

действовала группа А. С. Рудаковского. Счет взорванных воинских эшелонов она довела, пожалуй, уже до двух десятков.

Захотелось и нам, комсомольцам 1-го отряда, попытать счастья на «железке». Уговорил я своего командира санкционировать выход на подрыв железнодорожного моста в районе деревни Володьки.

— Салют Октябрю задумали сделать? — сразу же разгадал наш замысел Б. А. Жук. — Дело стоящее. Но где взрывчатку возьмете?

На взрывчатку был большой дефицит. Весь запас израсходовали летом в период «рельсовой войны». Нужда заставляла плавить тол из снарядов. Но это дело приостановили после трагического случая. На огне разорвался снаряд. Погибли Аркадий Воронов и Павел Пилюшкин.

Все же мы рискнули возобновить производство толла. Около Крулевщины достали несколько снарядов. На лодках переправили их в отряд и занялись «смолокурным» делом.

Подготовка к выходу на «железку» принесла много хлопот. Разжились на тол, не оказалось бикфордова шнура. Решили заменить его детонирующим. Он наполнен толлом, зажигается от спичек, горит равномерно, но медленно. Это мы проверили на практике.

Все же опасное дело. А другого выхода не было. Упускать время не хотелось — 26-я годовщина уже на пороге.

На подрыв моста вызвались пойти Вячеслав Авсюк, Виктор Сардыка, Кузьма Божок, Василий Синица. Все комсомольцы.

Трое суток не показывались в отряде. В ночь с первого на второе ноября подобрались к железной дороге. Я с Виктором должен был действовать на мосту, остальные прикрывать нас. Взобрались на насыпь, осмотрелись.

Вместе с Виктором прошелся по мосту. Он тут же взялся закладывать подготовленный заряд. Я направился на свой участок. Тоже заложил заряд, подал на парнику сигнал: «Зажигай!».

Виктора постигла неудача. Подвел «материал». Все спички израсходовал, а шнура не зажег. Помогать ему было поздно. Со стороны Парафьяново нарастал гро-

хот идущего поезда. Виктор схватил свой заряд на плечи и ходу...

Отбежали в поле, притаились, стали ждать. Что же будет? Мой заряд остался на мосту. Кажется, все сделал правильно. А вдруг, на счастье, к моменту взрыва поезд подоспеет!

И случилось бы обязательно так, если бы был бикфордов шнур.

Прошел бронепоезд с привычным шумом и стрельбой по сторонам. А взрыва нет.

«Пойдем и повторим все сначала», — решили мы.

Виктор Сардыка первым двинулся к железной дороге. Но только сделали несколько шагов, как перед нами взвился столб огня, сопровождаемый мощным взрывом. Сработало, значит!

За сутки мост восстановили. Быстро наловчились немцы поворачиваться! По всей вероятности, на каждый мост имелись заготовки.

Мы постарались предоставить ремонтникам работу буквально на следующие сутки. Вторично взорвали мост. На этот раз заряд Виктора Сардыки сработал.

Хорошим подарком в честь октябрьских праздников явился разгром гарнизона в Порплище. Это, пожалуй, самая удачная операция из всех проведенных за последнее время партизанами нашей бригады.

Оккупанты превратили железнодорожную станцию в своеобразную крепость. В землю опустили деревянное здание бывшей школы. Только крыша торчала. Вокруг вырыли глубокую траншею. В два ряда опоясали здание колючей проволокой. Казалось, невозможно и подступиться.

И все же партизаны решились пойти на штурм.

Предварительно много поработали товарищи из Докшицкого подпольного райкома комсомола. По тайным каналам они добывали нужные сведения о местных гарнизонах, о настроении в рабочих и охранных командах, созданных оккупационными властями из бывших военнопленных, организовывали работу по их разложению.

Здесь комсомольцы Александр Гмыряк (он был секретарем РК ЛКСМБ), Никодим Таляренко при помощи активистов антифашистского подполья установили связь с военнопленными, которые находились в

охране станции Порплище, разведали подступы к укрепленным объектам. На основании собранных данных был разработан план действий, подготовлены штурмовые группы.

В ночь с 14 на 15 ноября партизаны приступили к осуществлению плана.

Под прикрытием темноты бригадная разведка и боевые группы из 2-го и 5-го отрядов подошли вплотную к гарнизону. С одной и другой стороны станции вышли на исходные рубежи минеры, чтобы одновременно взорвать железную дорогу и тем самым не дать возможности подойти на помощь бронепоезду.

Тиха и темна осенняя ночь. Сколько ни напрягай зрение, ничего не увидишь. Это явно беспокоило гитлеровца, сидевшего на вышке с пулеметом. Время от времени он запускал ракеты, стучал своими коваными сапогами о помост.

Петр Кондратенко направился сменить постового. Он пока что «свой» в гарнизоне. Когда послышался скрип лестницы на вышке, гитлеровец не проявил признаков беспокойства.

— Пан, слышишь? Где-то стреляют? — донеслось снизу.

Все выше и выше скрип перекладин.

Взобрался «сменяющий» на вышку, наугад наставил винтовку, нажал на спусковой крючок.

Что такое? Винтовка была заряжена, а выстрела вроде бы не последовало.

Но вот гитлеровец грузно рухнул на пол. Только сейчас Кондратенко понял секреты партизанского оружия. Ему разведчики передали винтовку с беззвучным прибором.

К этому времени партизаны проделали проход в проволочном ограждении и проникли внутрь. Раздались выстрелы, из подземелья донеслись глухие взрывы.

Перед тем как попасть на станцию, Александр Гмыряк с Василием Давыдовым, мастером на всевозможные выдумки, через дымоходную трубу вкопанного в землю дома опустили несколько гранат. Взрывы подняли оставшихся в живых гитлеровцев, в нательном белье загнали их под нары. Охрана снята, доступ к оружию перекрыт.

Всего в подземной крепости находилось тридцать пять «жильцов». Тридцать два из них здесь же нашли могилу.

Петр Кондратенко, с которым была налажена связь через подпольщиков, стал партизаном. Вместе с ним еще двое...

Когда наши ворвались в подземелье, навстречу им бросился один из «жильцов».

— Я партиец, я партиец, — говорит и показывает в угол.

А там кто-то раненый лежит. Подоспел Кондратенко.

— Это мой друг ранен, — пояснил он. — А это — Карл Лаго... Чех... Тоже друг.

Партизаны с уважением отнеслись к этим людям. Перевязали раненого, уложили его на повозку. Подбодрили чеха. Тут же стали интересоваться его «партийностью».

После выяснилось, что Карл Лаго когда-то возглавлял спортивное общество, которое называли «партией».

Почему же он этим козырнул?

— Спорт — мирная профессия, — пояснил необычный пленник.

Посмеялись партизаны и определили Карла Лаго тоже на мирную профессию — картофель на кухне чистить. Человек он уже был пожилой. Призван в армию по «тотальной» мобилизации гитлеровцев.

Через некоторое время интернациональный состав бригады снова пополнился.

По только что замерзшему болоту наши хозяйственники отправились за сеном для лошадей. Около Суковатья заметили троих, одетых в немецкую форму. Рассудили — засада. На этом хуторе уже случалось такое. Здесь погиб и наш храбрый пулеметчик В. М. Цира.

Хозяйственники сообщили в отряд об увиденном, а сами стали вести наблюдение. А эти трое направляются прямо к партизанам.

Привели их в штаб, стали выяснять. Карл Лаго вызвался быть переводчиком. Перебежчики рассказали:

— Были на фронте под Невелем. Первый раз бросили роту в бой — остались от нее рожки да ножки. Пополнили состав, но и в другой раз — то же самое. Ре-

шили бежать от смерти. Тайком добрались до Крулевщины, а здесь пришли к такому выводу — лучшим спасением будет присоединиться к партизанам.

Все три молодые парни. Один француз, два немца.

В рядах белорусских партизан крепили интернациональные связи. Это придавало освободительной борьбе широкий размах. Ярким примером может служить наша бригада. Здесь вместе воевали русские, белорусы, украинцы, казахи, грузины, татары. Вместе с бойцами бригады приняли свое первое боевое крещение в тылу врага бойцы литовского партизанского отряда Юозаса Олекаса, который следовал из-за линии фронта на территорию своей республики.

Каратели продолжали свирепствовать. Сожгли наше Дедино. Были уничтожены все окольные селения. Самолеты врага стали все чаще беспокоить глубинки партизанского края.

Как-то после варварского налета вражеских стервятников на Большую Черницу Антон Рудаковский уговорил меня съездить вместе с ним в эту деревню. Антон ехал туда для сбора бомб. Он по этой части считался первым специалистом. Обнаружит бомбу, вывернет взрыватель, и смертоносный груз идет на подрыв эшелонов, железнодорожных мостов.

Но лучше было не навещать эту деревню. Все постройки разворочены. Вдоль улиц вздыблены груды мерзлой земли...

Из Большой Черницы поехали в деревню Тростяницу. Здесь в последнее время размещался штаб нашей бригады. В доме, стоявшем рядом со штабом, временно поселилась группа, которая вернулась из южной части Докшицкого района. Это группа была сформирована с целью организации нового отряда имени Стеньки Разина. Командиром будущего отряда назначили С. А. Назаренко. Комиссаром и заодно начальником штаба — меня.

Рано утром над деревней пронеслись на бреющем полете три самолета. Две бомбы взорвались на огороде, вблизи штаба бригады. Одна угодила в сарай нашего хозяина. Когда самолеты скрылись, Назаренко созвал своих разинцев.

— Бомбежке, видно, конца не будет. Давайте перекусим.

Достали из печи приготовленное хозяйкой кушанье. На столе появились наполненные щами глиняные миски. В это время Михаил Бурак, наблюдавший за воздухом, постучал в окно:

— Самолеты!

Выскочили на улицу, а перед нами земля встала столбом. Буквально метрах в пяти ухнула бомба. По чистой случайности никого не ранило.

Самолет сделал новый заход. Назаренко выхватил из рук одного партизана СВТ и давай стрелять по летящей цели.

На этот раз бомба разрушила наш дом. На его месте образовалась большая воронка с разбросанными во все стороны бревнами.

А где же наш Степан Александрович? Он, кажется, вернулся в дом.

Не обращая внимания на взрыв, стали искать своего командира. А он под бревнами. Вытащили, подхватили на руки. В нем еще теплилась жизнь, но пока донесли к опушке леса — скончался.

Много боевых друзей похоронили в трудном сорок третьем году. Погибли Алексей Аткин, Николай Чиркун, Дмитрий Чеукин, Вячеслав Чернобуров...

Но в этом году мы получили такую закалку, которой хватило надолго. И многому научились. Научились стойкости в обороне, громить гарнизоны, вести «рельсовую войну». Этот год, пожалуй, стал генеральной репетицией к решающим схваткам с врагом.

С БЕРЕЗИНЫ НА ВИЛИЮ

Обратимся к партизанскому дневнику. Это мой личный дневник. Плотные его листы, скрепленные в дерматиновой обложке, хранят записи о каждом прожитом дне тяжелого, волнующего, памятного сорок четвертого года.

Листы небольшой книжонки в самодельном переплете необычные — с гербовым тиснением. На свет просматривается орел в короне.

В рядах партизан, действующих в западных районах Белоруссии, находились поляки. Были они и в нашей бригаде. Плечом к плечу с нами активно участво-

вали в борьбе с общим врагом. Одному из таких товарищей как-то и попал на глаза мой дневник. Взял он его, полистал и заметил:

— Это листы из польских паспортов. Куда только ни ездили с ними поляки! Видишь визы: Рига, Ревель, Париж... Даже в Америку ездили за куском хлеба...

Слово за слово, разговорились. Стали гадать, какую же судьбу предвещает польскому народу будущее.

— Только счастливую, — сказал мой собеседник. — Хватит уже, нагоревались. Вон видишь, остатки нашей прежней роскоши...

Он показал рукой во двор, где около старой сохи возился хозяин нашего дома. Хозяин услышал разговор, подошел к раскрытому настеж окну, затаился крепким самосадом.

— Не думал, что эта «рогатина» снова пригодится. Вскоре, как пришли к власти Советы, на полях появились тракторы. И тогда, знаете, что наши мужики придумали? Собрались на берегу Березины, притащили соху и на глазах у всей деревни давай топить ее в омуте, чтобы никогда больше не возвращаться к старому. Но вот пригодилась...

О чем только не напоминают лаконичные записи дневника. О том, как крестьяне готовятся к севу в надежде вырастить и собрать урожай, о гражданских лесных лагерях. Но больше о жизни партизан, о их боевых делах.

Прежде всего тянет к записи, сделанной 15 февраля. На листке, отмеченном этой датой, крупно значится: «Подвиг!».

Расскажу подробнее, в чем дело.

К линии нашей обороны без заметного шума каким-то образом противник сумел подбросить танки. На рассвете они вырвались из опушки леса и на полном ходу устремились вперед, ведя огонь.

Объектом для удара стал левый берег Березины. Какую конечную цель в этой атаке преследовал враг, трудно сказать.

Первыми натиск врага ощутили на себе бригадные разведчики. Вернувшись с задания, они отдыхали на одном из хуторов, разбросанных вдоль реки по левому, партизанскому, берегу. Парни как попали в теплую избу, сразу и размякли. Конечно, измотались за ночь по

топким болотам. Кто где пристроился, там и уснул: на печке, на полу. Хозяева, чтобы не мешать, вышли во двор заниматься своими хозяйственными делами. В доме бодрствовал лишь мальчонка лет пяти. Он давно уже привык к партизанам. Для него они — самые добрые люди. В знак своего особого уважения юный хозяин дома также старался, чтобы партизаны хорошо отдохнули. Усевшись на подоконнике, малыш тихо, себе под нос, напевал песенку и с детским любопытством рассматривал висевшие на стене «игрушки» бойцов.

И вдруг... С оглушительной силой тряхнуло дом. Вылетели стекла, настезж распахнулись двери. Едким дымом окутало всех.

Первый выпущенный из танка снаряд угодил прямо в дом. Пятерых партизан ранило, а мальчонку разорвало на куски.

Перед грозной атакующей силой врага оказалась горстка бойцов из 1-го отряда, которые несли службу наблюдения.

Головной танк устремился к броду. За ним второй. — Петро! — окликнул своего дружка Косицын.

— Понимаю, держаться до конца, — отозвался из окопа бронбойщик Ходосевич.

Егор Косицын — бывалый воин, обстрелянный. Успел на фронте побывать, тяжело контуженный попал в плен. К нам перешел из бригады Гиль-Родионова. Петр Ходосевич — из местных. Рядом его родная деревня Тумиловичи. Хватит ли у этого парня выдержки?

Петр понимал, что такое пропустить танки на наш берег реки. Это значит предоставить врагу возможность развивать наступление с фланга, подвести под удар товарищей.

«Нельзя пропустить танки», — шепчут его губы. Руки крепче прижимают к плечу ПТР. Только бы не промахнуться...

Резкий выстрел.

Попал или нет? Ни взрывы рядом рвущихся снарядов, ни частый перестук пулеметов не волновали парня так, как этот вопрос. Одного хотелось: чтобы отлитый старательными руками советских людей кусочек металла врезался в лоб фашистскому танку, разворотил броню, поразил гадов.

Попадание пришлось в гусеницу. Танк завертелся на месте.

Враг усилил огонь. Под прикрытием его экипаж подбитой машины вылез наружу и спешно взялся за ремонт.

Косицын вроде бы поджидал этого момента. Из пулемета дал длинную очередь.

На выручку подошел второй танк. И сбылось страстное желание Петра. Из своего противотанкового ружья он поразил и эту цель.

Противник предпринял все меры к спасению подбитых машин. Но наши смельчаки пошли на хитрость. Они незаметно выбрались из окопов и перебежали в другое место, притаились. Слово их и след простыл.

Подошли еще два танка. Но как только из них вылезли гитлеровцы, чтобы подцепить на буксир подбитые машины, снова заговорил пулемет Косицына, прогремели выстрелы из ПТР.

Не удалась фашистам их дерзкая вылазка. Один из танков так и остался у реки как памятник стойкости горстки партизан.

Е. Н. Косицын и П. О. Ходосевич со своими напарниками Владимиром Васюкевичем и Леонидом Толяренком выдержали поединок с сильным противником, вышли победителями.

А вот несколько выдержек из дневника дословно.

«4 апреля. Начинается весна. На смену вьюжному марту пришел солнечный апрель. В лесу слышались веселые птичьи голоса.

Наш хозяин все еще ремонтирует старую соху, готовит ее к полевым работам. Каким-то чудом допотопное орудие сохранилось у него на задворках. У мужика такое правило: помираешь, а хлеб сей.

Над деревней с душераздирающим воем пронесся самолет. Поговаривают, что снова враг начнет истреблять с воздуха деревни.

С Большой земли приходят все более радостные вести. Радистка Юлия Ломова ежедневно принимает сводки о новых победах наших войск. На карте, что висит в штабе бригады, все дальше на запад отодвигается красный шнур, условно обозначающий линию фронта. Недолго осталось фашистским захватчикам хозяйничать на нашей земле!

9 апреля. Воскресенье. Сегодня католическая пасха. Среди здешнего населения много католиков. Поэтому и праздник заметен.

Над деревней снова появился вражеский самолет. На этот раз корректировщик, значит, жди «музыкантов».

Вечером из соседней бригады имени Ленина сообщили: пойман лазутчик, подсланный со специальным заданием — отравлять воду в колодцах.

«Свянтить» воду в расположении двух наших бригад послали несколько таких подлецов. Приняли все необходимые меры для пресечения коварных замыслов врага.

11 апреля. С утра было спокойно. Часов в одиннадцать послышался сигнал воздушной тревоги.

Все бросились к опушке леса. И вот над нами закружилось шесть стервятников. Где-то недалеко раздались взрывы. Вроде бы Горново-1 бомбят.

Вечером вернулся комбриг, ездивший в штаб оперативной группы к Лобанку. Он сообщил: фронт уже около Витебска. По всей вероятности, враг попытается расчистить пути для своего отступления.

16 апреля. Навестили гражданские лагеря.

В лесу уже тепло. Нас встретила босоногая детвора.

Не сидится в землянках и взрослым. Выйдут на лесные «проспекты», соберутся вместе и прислушиваются к доносившемуся с востока гулу. Когда особенно отчетливо слышна артиллерийская канонада, на глазах у женщин появляются слезы радости и надежды. Скоро, скоро освобождение! Придет конец всем мучениям, которые принес на нашу землю враг.

Владимир Кириллович — наш партизанский врач — осмотрел больных. Их меньше стало, а зимой все землянки были забиты тифозными больными.

С гражданским населением у нас самая тесная связь. В их лесные лагеря из лучших партизан назначены так называемые коменданты. Они проводят там всю необходимую работу: знакомят с поступающими новостями, организуют читку газет, оказывают посильную помощь, поддерживают порядок.

17 апреля. Вчера вечером разведка доложила, что враг подтягивает силы. Сегодня с утра он обрушил артиллерийский огонь на лагерь 2-го отряда. Не долго

пришлось ожидать и 1-му отряду. Здесь также завязалась активная перестрелка.

Через каких-либо полтора-два часа разгорелся бой по всей линии обороны, которую удерживала наша бригада. Враг подтянул к партизанским позициям танки, бронемашины...»

Да. Весна 1944 года явилась для партизан всей Полоцко-Лепельской зоны небывалым испытанием. Потребовалось соединить в одно целое стойкость и возросшее боевое мастерство, мужество и закалку, сметку и хитрость, приобретенные в упорной и долгой борьбе.

Против бригады имени ЦК КП(б)Б были брошены два полка СС. Но враг не имел успеха. Отряды стойко держались вдоль реки.

Во второй половине дня 18 апреля каратели активизировались в направлении деревни Черницы. Они, видимо, узнали, что занимающий здесь оборону 5-й отряд не в полном составе. Перед началом блокады из этого отряда за железную дорогу на боевое задание ушла большая группа людей во главе с командиром.

Комиссар отряда Е. А. Сидоренко, на плечи которого легла вся тяжесть руководства обороной на этом участке, решил ошеломить врага смелым маневром.

«Враг, возможно, попытается с ходу форсировать Березину. Прямым ударом в лоб мы не сможем удержать его, не выстоим. Нужно пойти на хитрость», — так решил он и немедленно отдал приказ:

— Оттянуть основные силы к опушке леса.

На берегу реки остались лишь самые стойкие, в основном пулеметчики. В предполагаемых местах переправы установили мины. Не на том берегу, откуда будет наступать враг, а на своем.

Наш берег возвышенный. С занятых пулеметчиками позиций хорошо будут видны гитлеровцы, если те попробуют перебраться через реку.

— Разрешим первым без выстрела ступить на наш берег, — пояснил свой замысел Сидоренко. — А потом ударим...

— Мой пулемет не откажет, — отозвался Федор Бобылев.

Рослый, плечистый парень, словно игрушку, подхватил свой ДШК и старательно установил его в хорошо замаскированном окопе. Этот пулемет, а вернее — толь-

ко боевую часть пулемета, передали нам крестьяне из деревни Нестеровщина. Когда-то они сняли его с подбитого, упавшего на болото самолета. Федя отремонтировал, приспособил пулемет к земным условиям и сейчас неразлучен с ним.

— Только патронов давайте побольше. Такой концерт устрою!

Враг обстрелял наш берег. Мы не отвечали. Тогда он стал смело переправляться через выплеснувшуюся из берегов Березину.

Первая группа высадилась, вторая...

А вот вам, гады!

Нарвались каратели на установленные партизанами мины. Тут же заработал Федин ДШК и другие пулеметы. Отозвалась дружным огнем опушка леса.

Только под вечер, когда уже стало темнеть, противнику удалось захватить плацдарм на левой стороне Березины.

Бригада организованно отошла на следующий рубеж обороны. Вдоль оврага, протянувшегося по лесу от Тростеницы до болота, партизаны с помощью населения заранее подготовили окопы, траншеи, блиндажи.

Ночью враг не осмелился развивать наступление. Мы решили побеспокоить его.

— Нужно произвести огневую разведку, — распорядился комбриг.

Эта задача выпала на долю небольшой группы партизан, находившейся при штабе в резерве. Вооружили нас автоматами, объяснили боевую задачу.

Один за другим осторожно продвигаемся в сторону врага. Где он притаился, неизвестно. Кругом сплошная темень. Хоть глаз выколи!

У самого «перекрестка», где лесная дорога пересекает сделанную до войны насыпь под железнодорожную ветку, один из наших бойцов вдруг окликнул:

— Кто здесь?

Ответа не последовало. Может, свои?

Еще раз окликнули.

У сосняка, который рос около дороги, показался силуэт человека. И тут же послышалось:

— Вас ист дас? (Что это?)

Сразу же затрещали выстрелы. Наверху насыпи загалдели:

— Ахтунг! Ахтунг! Фейер! (Внимание! Внимание! Огонь!)

Немудрено было разобраться в сложившейся ситуации: враг на насыпи, в сосняке — его дозор. Полоснули из автоматов по сосняку. Не замедлили и по насыпи. Ночную тьму разорвали вспышки ракет. На огонь наших автоматов ответили фашисты шквалом пулеметного огня.

Бросились мы в сторону — там раскисшее болото. Петр Стронин влетел прямо в воронку от бомбы. Еле спасли.

Кое-как выбрались на пригорок. А все ли? Среди нас не оказалось Анатолия Дунца.

Не вернулся Анатолий и к утру.

На второй день — новое задание. Нужно установить связи с бригадой имени Ленина. Проникнуть в прежнее расположение соседей можно только через занятую врагом территорию.

Что же, надо идти...

Кругом какая-то настороженная тишина. Только высоко в небе гудит самолет. Кружится, разбрасывает листовки. Петр Стронин поднял одну, другую, бегло пробежал глазами и подал мне:

— На, почитай.

«Не верьте, что у Лобанка тридцать самолетов. Это — ложь. Сдавайтесь, будет сохранена вам жизнь...»

Вот с какой стряпней решили обратиться к нам.

Петр как-то задумчиво подметил:

— Интересное все же занятие — жить, а?

Потом посмотрел вокруг и говорит:

— Знаешь что? Давай передохнем малость. Смотри, какая красота кругом! Тешься не натешисься...

Присели под березками. На тонких ветвях уже почки набухли. От них так и веет весной. Потянуло крепким настоем вереса, смешанным с запахом живицы.

Петр жадно втянул в легкие воздух, затем достал из кармана карандаш, взял у меня листовку, положил ее на приклад автомата чистой стороной кверху:

— А сейчас ответ султану, вернее, сатане, будем писать...

Размашистым почерком он аккуратно вывел: «Сдаваться? Дудки. Пусть сначала Гитлер в Берлине голым задом ежа убьет...»

Такую же надпись сделал на других подобранных листовках.

— На обратном пути где-либо около дороги вывесим. Пусть почитают наш партизанский ответ.

На обратном пути потянуло нас к злополучному перекрестку, к тому месту, где вчера ночью столкнулись с карателями. Хотелось все же напасть на след Анатолия. Что с ним?

И вот он лежит на дороге изувеченный: голова раздроблена, тело исколото штыками.

— Понаблюдай, а я, может, сумею припрятать его, — сказал Стронин.

Но на дороге за насыпью показались гитлеровцы. Петр только и успел в откинутую руку Анатолия вложить листовку с партизанским ответом.

— Пусть знают, что и мертвые могут говорить...

Жаль Анатолия. Хороший был парень. О нем по праву можно было сказать — боевой товарищ. Он пришел к нам из-под Крулевщины. Есть там такая деревня Моложаны. Не один пришел. Вместе с ним были в партизанах сестра Соня, младший брат Леонид, которого позавчера раненого отправили в тыл на лечение. Не знают в доме старого Никодима Дунца, какое постигло их горе!

Что ни день, то новые бои. 20 апреля бригада заняла оборону за так называемой «Горновской греблей». Это — дорога, проложенная через болото. В длину — около километра, в ширину — метра четыре. Главная магистраль пущевиков. Нигде в другом месте сейчас не переберешься через болото. Везде сплошное море воды.

Напротив «Горновской гребли» партизаны установили пулеметы, противотанковые ружья, минометы. Короче говоря, в одном месте сосредоточили всю свою огневую мощь. Окопались и стали ждать.

С рассветом враг подослал на наш берег овчарку. Но она не взяла след. То ли обильная роса помешала, то ли еще что. Собака покрутилась и побежала к своим.

Враг колонной двинулся по «гребле».

— Что же, угостим, как полагается, — не выдержал Петр Солтан. — Хлопцы, готовьтесь трофеи подбирать...

Рядом другие пулеметчики, стрелки, автоматчики. Они уже приготовились. В тревожном волнении все ожидают решающей минуты — сигнала командира.

И началось. Первые ряды самодовольных вояк буквально были скошены насмерть. Остальные повернули назад. Одни бежали без оглядки, другие жались к земле, трусливо прятались друг за друга. Кое-кто очутился в воде.

После первой роковой попытки враг обрушил на наш берег шквал минометно-артиллерийского огня. Партизаны ожидали этого, вовремя отошли за бугор, спрятались в блиндажах. А как только прекратился огонь, все быстро заняли прежние места.

И снова горячая схватка.

Враг потерял около двухсот солдат. Запомнится ему эта «гребля»! В прошлом году здесь крепко встретили карателей, а в этом — еще похлеще.

А через несколько дней мы попали в довольно незавидное положение. Опустили вовремя отвести свои силы от неожиданного удара врага с фланга.

На этот раз не сориентировались. Обычно противник начинал активизироваться днем. И вдруг изменил своим привычкам. Когда начало смеркаться, со стороны Голубич, где до этого царило полное затишье, вдруг загромыхало. С ходу враг взломал оборону соседней с нами бригады «Октябрь», занял Ольховку, устремился к деревне Липово. И перехватил нас, отрезал все дороги.

Тяжело бывает расставаться с друзьями. Не легче, пожалуй, было нашим разведчикам оставлять своих наезженных лошадок. Вот Вася Давыдов снимает со своего Вороньки уздечку и вытирает рукавом набежавшую слезу. Жора Антоненко своего верного коня ласково похлопал по крутой шее и с грустью сказал:

— Беги, только не попадайся врагу.

Освободили лошадей от седел, упряжек, развели по кустарникам, а сами подались в болото. Единственный путь отхода. Нелегкий путь. Весенний паводок превратил болото в сплошное море. А еще груз. Почти все, что было в повозках, пришлось тащить на себе.

Вода до пояса, холодная, колкая. Добрались до Горнянки. Она слилась с болотом. Взялись наводить переправу. Враг засек стук топоров. Заговорили крупнокалиберные пулеметы. Партизаны быстро рассредоточились.

На пути было второе препятствие и тоже по-своему сложное — «владения» бобров. Чего только эти лесные

мастера не натворили! Везде завалы, заторы воды. А ночь чернее сажи.

Только под утро, буквально держась друг за друга, выбрались из пасти «чертова» болота. Развели костры. Опасаться уже не было причин. Началась территория партизанской Ушаччины, огражденная морем весеннего паводка. Врагу по нашим следам не пробраться.

Приободрились у костров. Послышались шутки. Таков он, неунывающий народ — партизаны.

А впереди ждали новые испытания. Враг бросал в бой свежие силы, наносил все более массивные удары, стараясь потеснить со всех сторон окруженных партизан. Особенно не давала покоя авиация. Налетают двадцать — тридцать самолетов, бомбят по партизанской обороне.

Иногда их разгоняли в воздухе наши истребители. Но это бывало не часто. Не так, видно, просто посылать из-за фронта самолеты. Спасибо летчикам и за то, что ночью сбрасывали оружие, боеприпасы, медикаменты.

Упорно сражались партизанские отряды. Каждый день рождал все новые и новые примеры мужества, стойкости, отваги.

На всем нашем западном фронте быстро разнеслась весть о замечательно проведенной операции по уничтожению врага между Зарубовщиной и Косарями.

У смолокурни, где дорога сворачивает на бывший партизанский лагерь Горохово, бойцы 1-й Антифашистской бригады соорудили для карателей хороший капкан: навалили деревьев, а завалы заминировали. Дорога оказалась перекрытой. Враг попытался обойти стороной, а это как раз и нужно было партизанам. Встретили карателей дружным, сокрушительным огнем. Фашисты без оглядки бросились назад, но тут же перед ними стали падать вековые сосны, подкошенные взрывами толовых шашек.

У завалов остались пушки, автомашины, повозки и даже знамя 35-го отдельного батальона войск СС.

В апрельских боях приобрели широкую славу алексеевцы, партизаны бригады А. Ф. Данукалова.

Ощутимые удары по врагу наносили отряды бригад имени Короткина, имени Чапаева, смоленский полк Садчикова.

Но кольцо окружения все же постепенно сжималось и сжималось. Чем все кончится? Тревожный, беспокойный вопрос волновал и партизан, и мирное население, оказавшееся в зоне боевых действий.

Чего только не довелось испытать в блокаду?! И голод, и холод, и изнуряющие походы. Но как бы ни было, наша бригада удачно вырвалась из огненного кольца. Вышли без единого выстрела. Изрядно только пополоскались в холодной воде. Около двадцати километров пробирались болотами, пока не вышли на сухой островок Мядел Бора. Остановились голодные, усталые. А здесь, как говорят, бог послал кусочек сыра.

— Вставай, дорогой! Кавказский шашлык будэш кушать, — разбудил меня Сашка-лезгин.

А я шевельнуться не могу. Гляжу на друга и завидую его бодрости.

— Да ты что? А ну, подымайся! — схватил меня «Амангельды» под мышки и поставил на ноги.

Вчера он нам такую постель приготовил: в яме разжег костер, затем выгреб угли, настелил еловых лапок.

— Ложись, Ташкент будет, — говорит.

Горец действительно осчастливил «национальным кавказским блюдом».

В одной из брошенных землянок обнаружили лося. Живого. Как он туда залез, не стали гадать. Это не имело значения для голодных людей. Главное, завтрак был. Распотрошили лося и раздали всем поровну. Саша взял свою порцию мяса, мою, Григория Соловья и приготовил шашлык.

С куском лакомой дичины без соли и хлеба встречали праздник Первого мая, первый день после чертова ада.

Несмотря на перенесенные невероятные трудности, настроение у всех было праздничное. Оно поддерживалось предчувствием близкого освобождения. Уже точно известно, что враг бросил против партизан Полоцко-Лепельской зоны такие крупные силы, чтобы очистить свои ближние тылы перед наступлением Красной Армии. Наши войска находились под Витебском. После знаменитой битвы на Курской дуге Красная Армия гнала фашистов на запад уже по всему фронту, навсегда закрепляя за собой освобожденную землю. Говорят,

освобождена почти вся Украина. Скоро будет свободной и наша родная Белоруссия!

Мы, пожалуй, первыми вырвались из окружения. И сразу же двинулись на запад. С берегов Березины — на берега красавицы Вилии. Бригаду возглавило новое командование, назначенное Вилейским обкомом партии.

Местом нашей стоянки вначале была деревня Калинуква, затем Лыцевичи, Працуты. Квартировали в домах крестьян, восстанавливая силы под охраной местных партизан.

Какая все же неисчислимая армия народных мстителей! Настоящий второй фронт с глубоко эшелонированной обороной. От Витебска почти до самой Пруссии. И не обороняющаяся армия, а активно действующая, постоянно наступающая.

Командир взвода бригадной разведки Хаким Акалаев навестил отряд имени Жукова — бывший отряд нашей бригады.

Коротко об истории отряда.

Оформился отряд имени Жукова из группы бойцов, которые ходили за линию фронта. Сразу он был направлен в Дуниловичский район. Там ребята попали под карательную экспедицию немцев. Многие из них погибли. Раненым оказался командир отряда А. Д. Ловин.

Нужно было собрать разрозненные силы отряда. На место последней его стоянки отправился с группой партизан комиссар бригады Ф. Е. Воронов. Он сумел восстановить отряд, который позже вошел в бригаду имени Рокоссовского.

Бригада имени Рокоссовского ранее именовалась «За Советскую Белоруссию», в составе которой когда-то формально числился наш батальон. Из россонских лесов она передислоцировалась в западные районы осенью 1943 года.

Во главе отряда имени Жукова стояли А. Д. Ловин, Ф. Е. Воронов, М. Б. Бакша.

Несколько слов о комиссаре Ф. Е. Воронове. Сколько на его долю уже выпало военных дорог! Финская, освободительный поход в Западную Белоруссию. Перед тем как попасть в тыл врага, воевал на Калининском фронте. Был кавалеристом особого эскадрона 29-й армии.

Немало пришлось пройти этому человеку и по партизанским тропам.

Федор Ефимович передал нам привет от Василия Сазонова — командира одного из отрядов бригады имени Рокоссовского. Командиром отряда был и Николай Трофимович Глазов, только уже в бригаде имени Жукова, которая действовала в районе Браславских озер. Вот как получилось! Приятные новости. Это же наши боевые друзья!

Хаким Акалаев, мы его звали по-русски Николаем, привез в бригаду печальную весть. наших храбрых подорывников постигла большая беда. Оставшись без своего строгого командира А. С. Рудаковского (его ранило во время блокады), в пути к козьянским лесам допустили оплошность — не выслали вперед дозорных. Беспечность дорого обошлась — нарвались на засаду. Очередью из пулемета перебило ноги Жене Позднякову, в грудь ранило исполняющего обязанности командира отряда А. И. Беспалова. На выручку им поспешил Григорий Шандола. Тут же вражья пуля пробила его руку.

— Убегайте, я прикрою, — закричал своим товарищам Евгений. И лежа, с перебитыми ногами, до последнего патрона отстреливался от наседавшего врага.

Так погиб наш Женька из Кушликов, верный боевой товарищ!

— Просто не верится, что он погиб: такой парень! — закончил свой рассказ Акалаев.

— Не верится, не может быть, — говорили мы буквально через несколько дней, когда хоронили уже Хакима Хусунтдиновича Акалаева.

Громили полицейский гарнизон в Снежанах. Быстро разогнали фашистских прислужников. Бой прекратился. Партизаны подбирали трофеи. И вдруг выстрел с чердака одного дома. Акалаев схватился за голову и замертво упал. Похоронили его недалеко от Прадута.

Прадутье. Обычная белорусская деревня. Красиво выглядит она в июньскую пору. Вся в зелени. Сразу же за околицей волнами переливаются озимые.

Рядом хутор. Здесь тоже много зелени, солнца, тепла. Только скучно. Особенно донимает бездеятельность, когда разведчики уйдут на задание. Они почти не бывают сейчас на месте. Возвратятся, немного приведут себя в порядок и снова в путь. Много сейчас им рабо-

ты. Из штаба бригады поступило приказание разведать силы ближайших гарнизонов, более удобные места для нанесения ударов по железнодорожным коммуникациям. Фронт приближался. Нужно было спешить перекрывать пути отхода врагу, не дать ему увезти награбленное добро, чинить на нашей земле последние преступления.

На хуторе находилось несколько раненых и мы со Строниным — двое выздоравливающих после тифа.

Сюда, в Працуты, заехал агитотряд капитана Тихонова. Вскоре вернулись разведчики, и вечером все вместе смотрели концерт. В программе: фронтовые и партизанские песни, сатирические куплеты на прихвостней оккупантов.

Попросились на сцену наши артисты. Два Василия — Давыдов и Лемеш. Взошли на помост, сложенный из досок, и к гармонисту:

— Нам «Комаринского».

Под чистый перестук каблуков посыпались частушки.

Ой, леса наши, леса,
Эхо громко носится.
Будет Гитлеру капут,
Как он ни заносится.

Не удержался Жора Антоненко. Сделав залихвацкий круг, он вдруг стал как вкопанный, а потом тихо начал:

Это правда, а не враки,
Дело ясное для всех,
Что у Гитлера-собаки
Нет надежды на успех.

А два Василия уже громко подхватили:

Ты играй, моя гармошка,
Ты играй на всех басах.
Бьют фашистов наши с фронта,
Мы их с тыла бьем в лесах.

Наступление наших войск развивалось с поразительной быстротой. Каждый день узнавали все более радостные новости: освобожден Полоцк, освобождены Ушачский, Докшицкий районы... Вот-вот Красная Армия выйдет на Вилию.

Бригада опять оставляет обжитые места и движется дальше в тыл врага.

Гервяты, Ворняны, Михалишки. Местечки, подобные Язно. Здесь у оккупантов были небольшие гарнизоны. Когда громили их, то сразу же припомнилось Язно. Так же с ходу бросились на штурм. Впереди наша конница. Следом пулеметчики на тачанках. Так же в панике разбегались прихвостни «нового порядка». А народ выходил на улицы, встречал, радовался.

Более твердым оказался гарнизон в Островце. Мы понимали это. Рядом железная дорога, за сосновым бором километрах в пяти станция Гудогай.

План наступления на Островец созрел быстро. Группу партизан, вооруженных автоматическим оружием, направили в обход для прикрытия со стороны Гудогая. Два отряда — 2-й и 5-й — просачиваются в местечко с флангов. Остальные наступают по дороге, идущей от Ворнян. Отсюда, с возвышенности, раньше всего и открыли огонь.

Бой оказался скоротечным. Победили партизаны. На очереди стал Гудогай...

Мне уже не пришлось быть свидетелем дальнейших действий боевых товарищей. Нас троих, меня, Петра Стронина и Григория Соловья, комбриг послал навстречу наступающим частям Красной Армии. Заодно нужно было доставить пакет секретарю Вилейского обкома партии И. Ф. Климову.

— Сообщите, что впереди партизанская бригада имени ЦК КП(б)Б, — обратился к нам комиссар бригады В. П. Щуцкий, а потом добавил: — Передайте наши ближайшие планы: в меру своих сил будем выкуривать фашистов отовсюду. Постараемся захватить станцию Гудогай, чтобы надежно перекрыть железную дорогу на Вильно.

Партизаны наперебой просили передать самый низкий поклон освободителям.

Казалось, сердце вырвется из груди от нахлынувших чувств. После болезни сыпным тифом я только-только стал в строй и сразу же такое почетное поручение.

Под вечер были на противоположном, правом берегу Вилии. Обстановка неизвестна. Нам говорили: Сморгонь уже освобождена. Но когда поехали напрямиком в

город, то едва не попали в лапы врага. Население предупредило: «Куда вы, здесь же немцы!».

В стороне, где находилась Сморгонь, слышна была артиллерийская стрельба. Значит, идет бой.

Скорее бы встретиться, взглянуть на богатырей!

Ночь провели в Жодишках. Поставили в сарае одного хозяина лошадей, а сами — на сеновал. Но спать не пришлось, хотя и на свежем сене. Да разве в такое время до сна! Где-то совсем рядом наша армия!

О чем только не припомнилось в эту ночь! Прежде всего в памяти всплывали картины войны, начиная с первого ее дня. И как будто все было совсем недавно. Неспроста, видимо, говорят: память у солдата всегда свежа.

А ведь как ни считай — три года войны прошло. Три года! Сколько всего пережито: и холод, и голод. Три года суровой жизни, невероятного людского горя, трудной и жестокой борьбы с врагом. Сегодня все это можно назвать уже историей.

А как дальше сложится жизнь? Куда кого забросит судьба?

Думы о завтрашнем дне сразу же уносят в родные места. Там, наверное, уже начинается мирная жизнь.

При воспоминании о родном крае перед глазами словно наяву встает такая картина: люди выходят из леса, тащат на себе скромные походные пожитки, а кругом все сожжено, разрушено, уничтожено. Тут же мужчины засучивают рукава. Визжат пилы, стучат топоры...

Может, и отец уже взялся за строительство?

Недавно обнадежили нас товарищи из группы А. В. Полунина.

Почти до прихода Красной Армии на территорию Дриссенского и Освейского районов эта группа действовала там. Оказалось, что полунинцы были знакомы с моим отцом. Он им подковывал лошадей. Должно быть, жив остался.

Полунинцы сообщили о Николае Гинько, Василии Куприне, Володе Пирогге и других, кто ушел от нас за Двину. Все они находились в составе отряда имени Котовского, того отряда, который организовался из оставшейся части бывших пархоменцев. Говорят, воевали все хорошо. Сейчас Н. Д. Гинько находится в госпитале

на излечении, а Володя с Василием ушли на фронт добивать врага.

Как хотелось быстрее навестить Сарю! Какая она сейчас, неважно. Если остались люди, значит заново отстроят деревню, возродят жизнь на обожженной войной земле.

Не успело солнце выкатиться из-за леса, как мы были уже у дороги, что идет из Вилейки на Сморгонь.

Вилейка освобождена. Это уже точно. Там уже обком партии. А что в Сморгони творится, до сих пор так и неизвестно.

Сидим во ржи, наблюдаем за дорогой. По ней непрерывно движутся колонны автомашин.

Наши или враги? Сомнение вызывала техника. В колоннах не видно довоенных «полуторок», армейских повозок.

— Наши! Душой чувствую, наши! — доказывает Григорий Соловей.

— Пошли, — заключил Петр Стронин. — Враг в таком порядке не отступает...

5 июля... Этот день, пожалуй, сохранится в памяти на всю жизнь. После долгой, тревожной разлуки мы встретились с бойцами Красной Армии.

Какая радость! Вот они, богатыри, освободители!! Крепкие объятия, поцелуи, угощения!

Старшина — дядька с пышными усами — расстелил на лужайке брезент.

— Давайте вместе перекусим, — предложил он.

— За встречу и чарку можно поднять, — подправил командир. — Ты уж, старшина, не жмись...

— Для такого случая найдется.

Старшина достал из вещмешка флягу, похлопал по ее выпуклым бокам, наполнил спиртом походные стаканы, приподнялся:

— Выпьем за здоровье партизан, за нашу общую победу!

А по дороге грозно шли танки, самоходные установки. Над головами пронеслись истребители.

Подобно весенней грозе, очищающей землю, все дальше на запад катился грозный гул освобождения.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Экзамен на стойкость	5
У омута	5
На 65-й день войны	22
Первые диверсии	33
Поворот к открытой борьбе	46
В боях и походах	62
Разгром гарнизона	62
Приказ из-за линии фронта	74
На новом месте	82
Их имена не забудутся	91
К Нарочи и обратно	97
На правом фланге	108
Наш «Айболит»	117
Партизанская наука	121
С Березины на Вильню	142

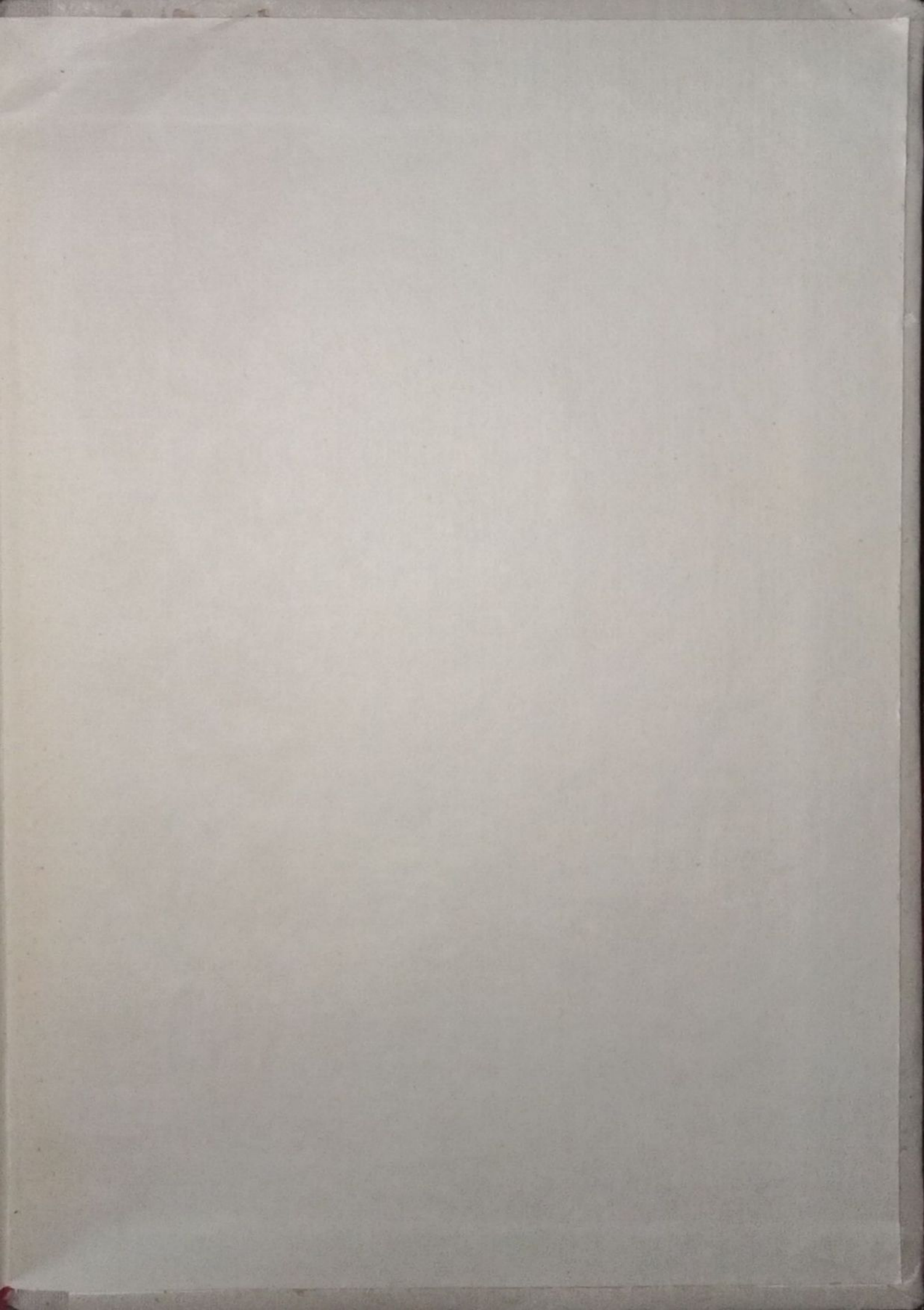
Иван Адамович Мандрик
В суровые дни

Издательство «Беларусь» Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 79.

Редактор Т. И. Войнова. Художник С. Р. Ковалев. Художественный редактор И. Г. Славинин. Технический редактор Я. С. Шляшинская. Корректор Н. П. Лупсякова.

АТ 07907. Сдано в набор 23/VIII 1973 г. Подп. к печати 29/XII 1973 г. Тираж 50 000 экз. Формат 84×108^{1/2}. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 8,64. Зак. 450. Цена 43 коп.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

43 к.

OZN975411251
В суровые дни